

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 4 (91)
апрель, 2024

Содержание журнала для лиц
12+
старше
12 лет

t,ma/mydrow/ypodrapy

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ!

Десять лет назад произошло событие, перевернувшее историю не только России, но и всего мира. Крымская весна сплотила всех граждан России, заставила пересмотреть жизненные ценности и вызвала такой патриотический подъём, которого не было со времён Великой Отечественной войны.

Не менее важным стало чёткое понимание добра и зла, которое приходит к человеку в критические минуты жизни.

16 марта 2014 года в Крыму и Севастополе прошли референдумы, на которых поразивший всех своим единодушием народ Крымского полуострова выразил решимость быть с Россией и быть Россией.

Спустя девять лет, с 23 по 27 сентября 2023 года, на территории Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей прошли аналогичные референдумы, и их жители сказали своё слово по вопросу вхождения в состав России.

Этот номер журнала посвящён отважным русским людям, живущим на русской земле, которую на протяжении последнего десятилетия, к сожалению, атакуют враги, неся зло и разрушения.

Представленное творчество писателей является ярким доказательством нестигаемости русского характера, верности Родине – России – и уверенности в том, что десять лет назад был взят верный курс, спасший нашу страну от уничтожения.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

СМОТРЕТЬ В БУДУЩЕЕ

Мы говорим о России.

Говорим о ней, когда строим планы по более тесной интеграции освобождённых территорий в культурное и литературное пространство страны. Когда создаём региональные отделения Союза писателей России – первыми среди творческих союзов страны – в ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областях. Радуемся первым литературным успехам прозаиков и поэтов с этих территорий, начавших принимать активное участие в литературных конкурсах, фестивалях, грантах и побеждать в них, занимая призовые места.

Мы говорим о России, когда включаем наших коллег в делегации участников литературных десантов для поездок по стране, и они из первых уст доносят народу правду о событиях, которые происходили и ещё происходят на их родной земле.

Мы говорим о России, когда отдаём должное крымским писателям – из Симферополя, Севастополя, Феодосии, Евпатории, Керчи и других мест, первыми подставившим дружеское плечо новым организациям и, исходя из своего опыта становления, позволяющим избежать им чисто организационных ошибок. В том числе и так укрепляется суверенитет страны, вживляются в единое культурное пространство Отечества Донецк и Луганск, Запорожье и Херсон.

Крымской, а всё чаще звучит, что Русской, весне – 10 лет. Несмотря на малую с исторической точки зрения цифру, она достаточна для того, чтобы оценить правильность выбранного курса и масштабы сделанного. Нет смысла перечислять статистику, она у каждого при желании может быть перед глазами, но самый верный показатель прошедшего десятилетия – это улучшение благосостояния людей, спокойствие за будущее детей, безопасность своего крова, это возможность говорить и молиться на родном языке, не коверкать и не предавать прошлое страны и своих предков.

Мы говорим о России – это значит, говорим о будущем...

Николай ИВАНОВ,
председатель правления Союза писателей России, член Президентского
совета по правам человека и развитию гражданского общества

Журнал издан при финансовой поддержке Правительства Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

И. И. Волков (Мичуринск), председатель Правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 4 (91), апрель 2024 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.04.2024 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

На обложке: "Звезды" t.me/mydrawingdiary #явижу

В НОМЕРЕ:

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

- 6 Людмила Обуховская.
«Чем длиннее дорога из дома,
тем короче дорога домой»
- 11 Татьяна Дугиль.
«Алёша»-2023, или «Одним махом
восьмерых побива-ху...»
- 13 Александр Шаламов.
Аномалия
- 16 Виктория Анфимова.
«На добрую долгую память...»
- 19 Анна Зенченко-Фарафонтова.
В бой идут одни мужики
- 20 Сергей Овчаренко
- 21 Лидия Огурцова
- 22 Ирина Сотникова.
Старый хрыч
- 25 Ольга Голубева

СЕВАСТОПОЛЬ

- 26 Марина Орлова.
Из цикла «Донецкий ветер»
- 29 Татьяна Халаева
- 33 Сергей Тесло.
Из донецкого альбома
- 36 Татьяна Шорохова.
Здесь выского сердца горение!
- 37 Николай Ильченко
- 38 Татьяна Вольнова
- 40 Анатолий Труба.
«Мама! Хочу домой»
- 42 Роковой возраст

ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

- 44 Сергей Авдеенко.
Безрукий воин
- 46 Дмитрий Балынский
- 46 Богдана Гайдучек.
Родная кровь

- 48 Виктор Гнедашев.
Тополя
- 50 Ольга Дунаева
Светлана Непомнящая

ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ

- 52 Елена Шелестенко
- 56 Андрей Рюриков.
Город-душа
- 60 Евгений Голубенко
- 61 Геннадий Шелестенко.
Костюмчик

ДОНЕЦК

- 62 Анаит Агабекян
Андрей Икрин
- 63 Александр Морозов
- 65 Иван Нечипорук
Александр Рак
- 66 Павел Сердюк
- 67 Александр Товберг
- 68 Василий Толстоус
- 69 Елизавета Хапланова
- 70 Андрей Шталь
- 71 Игорь Лысый

ЛУГАНСК

- 74 Марк Некрасовский.
- 77 Ватник
- 80 Василий Дунин
- 82 Лариса Бекрешева
- 83 Виктор Плескун
- 85 Александр Сигида.
Из цикла «Вместо репортажа»
- 88 Андрей Медведенко
- 89 Людмила Гонтарева
- 92 Наталья Чепурнова

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94 Александр Сергеев.
Современная маринистика

КРЫМ

Людмила ОБУХОВСКАЯ
г. Симферополь

*«Чем длиннее дорога из дома,
тем короче дорога домой»*

Эта поэтическая строка прочно присоединилась к изречениям народной мудрости, хотя написана в не такое уж давнее время выстрадавшим её писателем Владимиром Войновичем.

Не по своей воле 60 лет назад оказался российский Крым принадлежностью страны сопредельной. И хотя именовалась она тогда братской, крымчанам, и не только русским, всегда хотелось вернуться, как выброшенным из родного гнезда птенцам, под материнское

крыло. Они никогда не забывали о Манифесте Екатерины Великой, решившем судьбу «благословенной Тавриды», в апреле 1783 года. Потому что с тех самых пор развивался южный край вместе с государством Российским, и сформированное национальное самосознание русских

людей давало возможность всему многонациональному сообществу полуострова развиваться свободно, ощущая поддержку и заботу империи.

День 19 апреля (по новому стилю) навсегда вошёл в историю России и Крыма. И по инициативе Русской общины Крыма с 1996 года в «украинском» Крыму, несмотря ни на какие препоны, эта дата торжественно отмечалась не по указке, а по велению сердец. Но, празднуя, мы ждали торжества справедливости, не теряя надежды на возвращение к причалу родной гавани.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ

Такая же неотвратимая, как смена ночи днём, как утренняя заря восхода после вечернего заката.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий человек вспоминает лучшее, что было с ним, и старается сделать всё, чтобы это лучшее вернуть. Или сам возвращается туда, где ему было хорошо. А хорошо человеку там, где рядом друзья и соратники, не только люди одной крови по рождению, а и те, кто разделяет русское понятие о чести и достоинстве, подставляющие надёжное плечо, а не коварную подножку.

И сегодня, отмечая десятилетие долгожданного воссоединения с Родиной, которое мы приближали кто как мог по мере сил и возможностей, мысленно проходим не розами усыпанной дорогой, тернистой и опасной, но вела нас по ней путеводная российская звезда.

Каждому есть что вспомнить. И кого. В моей памяти всплывают лица и образы многих, увы, не доживших до триумфального дня, вернувшего нас к созиданию на широкую российскую равнину из смердящего болота, пытавшегося засосать в вонючее чрево наше настоящее и будущее. Нет, не уснули мы в болотной тине среди дремучей тёмной чащи. Наш «редкий вздох нёсся высь», «надежда капала из глаз, а губы молвили: “очнись!”» (цитирую Алексиса Куленски).

Многих можно вспомнить из тех, кто направлял своим творчеством к победной Крымской весне. Среди них – народный артист СССР и Украины, заслуженный деятель искусств АРК, почётный крымчанин, рождённый на трудовой

донбасской земле, Юрий Богатиков. Горько повторявший после распада страны, в которой родился и вырос: «Я сегодня живу за границей, не покинув страны...» – слова из песни Михаила Гулько, которую включил в свой постоянный репертуар.

Его боль и тоску по единой для разных народов большой стране испытывали тысячи жителей полуострова с красивым названием, которое у людей разных частей света ассоциируется с теплом, светом, уютом и гостеприимством хозяев «жемчужины на груди планеты». Настоящие хозяева, предки которых жили здесь в мире и согласии, трудились и оставили после себя плодородные нивы, благоухающие и щедро плодоносящие сады и представить себе не могли, какой наступит здесь раздрай. Были уверены, что заложенного ими хватит потомкам для безбедной счастливой жизни на века...

Как-то в одну из наших встреч Юрий Иосифович испытующе сказал: «А слабо поехать со мной в заброшенные посёлки пообщаться с народом?» Дорожку туда он проторил в 1997 году. У меня мыслишки не мелькнуло отказать. Приехав, увидела, во что превращена бывшая база Черноморского флота, как живут семьи оказавшихся не у дел людей в посёлках Мирный, Донузлав и Школьный под Евпаторией. Певец назвал «падением ниже ватерлинии» положение совсем недавно процветавших поселений, в домах которых считанные часы в сутки горел свет, отопления не было вовсе, хлеб привозили не каждый день. Забыть глаза людей, с которыми мы тогда встретились, невозможно. В холодных, но заполненных до отказа клубах дружно подхватывали слова песен «Усталая подлодка», «Прощайте, скалистые горы», «Заветный камень», «Прощай, любимый город», «Севастопольский вальс». Пел весь зал, потому что в те времена эти слова знали все – от мала до велика. Могло ли быть по-другому, если эти песни – пласт истории народа? Богатиков был уверен: «У событий есть даты, начало и конец. У песен их нет. Они – душа исторического факта. А душа не умирает».

На первом концерте созданного по инициативе всенародного любимца фестиваля «Песни моря», который проводился четырьмя

городами-героями – Керчью, Севастополем, Одессой, Новороссийском, – на ялтинскую сцену один за другим, а в конце все вместе вышли Зураб Соткилава, Анатолий Соловьяненко, Ян Табачник. Вёл вечер Святослав Бэлза. Шквал аплодисментов, море цветов. Один из блоков программы, самый большой, Юрий Богатиков назвал «Жизнь, прими прощение», отметив: «Это не покаяние. Память. Ностальгия».

По шумным городам и тихим посёлкам прокатился фестиваль. Без помпы, но с резонансом в сердцах тех, для кого выступали на стадионах, на колхозных площадях популярные артисты, среди которых Михаил Пуговкин, Лев Барашков, Капитолина Лазаренко, Нани Брегвадзе, Тамара Миансарова. Десятилетняя внучка Богатикова Ксюша пела: «Не плачь, ветеран, зубы стисни от боли...»

Наш Юра, как звали его крымчане, не мог смириться с тем, что оказался за границей, не покинув страны. Говорил: «Моя страна была и есть – Россия, Украина, Белоруссия, Грузия, Узбекистан и все пятнадцать республик». Сокрушался, что вынужден петь: «Всё в порядке у нас, мы смеёмся и дышим, свои тайные беды в секрете храня... Зарубежье моё называется ближним, но всё дальше и дальше оно от меня...»

Помню, как принимали его, уже больного, но собравшегося с силами и с голосом, в концертном зале гостиницы «Россия», где фонд «Москва – Крым» организовал выступление крымских артистов. Всех принимали на ура. А Богатикову аплодировали стоя и долго не хотели отпускать со сцены после заключительной песни на стихи Андрея Дементьева со словами-заветом грядущим поколениям: «Не мелели бы души, как речки с годами, потому что душа постоянно в цене». Зашла в его гримёрку и увидела Юрия Иосифовича помолодевшим лет на десять. Глаза сияли. Но грустно произнёс: «Пел бы и пел, да силы уже не те».

Нет ни малейшего сомнения, что он, друг украинцев, русских, грузин, латышей, казахов, киргизов, калмыков, крымских татар и татар поволжских, всех без исключения народов страны, которую не просто любил, а был готов отдать за неё жизнь, пришёл бы первым

на избирательный участок и отдал свой голос за то, чтобы мы, никуда не уезжая, оказались наконец-то на Родине. И был бы счастлив, горд за братьев-россиян, давших шанс и возможность вернуться. Мы этот шанс не упустили.

Сегодня нет с нами Богатикова. Его место никто не занял, но есть вставшие рядом, чувствующие духовное присутствие коллеги. Музы не молчат. Они поддерживали в самые трудные «украинские» годы, в волнительные и тревожные дни перед судьбоносным референдумом дух крымчан устами талантливых людей. И разделили с нами триумф победы. На первый фестиваль дружбы «Крымская весна» приехали из столицы всенародно любимые артисты. С ними выступали любимец крымской публики, моряков Черноморского флота народный артист России Александр Михайлов и крымский поэт, композитор, артист Константин Фролов – единомышленники, давно ставшие друзьями.

«ДАВАЙТЕ ВМЕСТЕ ЛЮБИТЬ РОССИЮ»

Эти слова Александра Михайлова стали эпиграфом вышедшего за год до победной весны поэтического сборника Фролова с уверенным пророческим названием «Мы вернёмся, Россия!». А предисловие к нему написал народный артист СССР Василий Лановой, который отметил: «Он откликается на значимые события дня – и в стихах, и в песнях, и в рассказах». Так оно и есть. На события радостные и горестные. Светлые и тёмные. Всегда точно выбранными словами, за которыми знание истории, боль, гнев, гордость, восторг, сопереживание, неравнодушие. Стихи Константина Фролова «Гимн славянского единства», «Севастопольцы, братья мои», «Убогие правители страны», «Хулителям России», «Пока мы живы – память не умрёт», «Мы – русские!» тонут в овациях, где бы ни звучали – в Крыму, разных городах России, Беларуси, в Прибалтике, странах дальнего зарубежья. Потому для живущих там соотечественников страна, над которой сияют кремлёвские звёзды, навсегда – Родина, куда бы ни забросила судьба.

Это написано и издано поэтом задолго до 2014 года: «Мы вернёмся, Россия, / Под твои

вековые крыла. / От свободы своей обессилев,
/ Что обчистила нас догола». И ещё это: «Про-
дажным политикам, жаждущим власти, / За-
бывшим про совесть и срам / И землю единую
рвущим на части, / Всевышний воздаст по де-
лам». И это: «Убогие правители страны, / Пока
ещё не ставшей государством, / Вы гибельно,
чудовищно больны / Гордыней, вероломством
и коварством <...> С отточенным садизмом
палача / Удавку нам готовите сурово. / Вам
хочется заставить нас молчать, / Чтоб расце-
тала ваша “ридна мова”...» Трудно удержаться
от цитат, которые так и просятся на плакаты
и лозунги. Под ними готовы были подписаться
сотни тысяч тех, у которых болела душа за про-
исходящее тогда, готовы подписаться и сейчас.

Крымчан пытались заставить забыть род-
ной язык, родную культуру, но они верили, что
победа за теми, для кого нет слов и чувств до-
роже этих: «Родина, честь, достоинство». Эти
слова и чувства питали и питают творчество
Константина Фролова, перо которого и таких,
как он, – тоже оружие. Бескровное, но меткое.
И задача этого оружия не отнимать жизнь, а на-
помянуть, как она хрупка, как ценна и прекрас-
на, когда в ней нет места вражде.

«МЫ ВЕРНУЛИСЬ!»

Это ликующее восклицание вынесено на об-
ложку двухтомника избранных стихов, написан-
ных Фроловым в разное время. Он презентовал
его в Крыму, в Москве и в других российских
городах. Песни на стихи Фролова исполняет
не только он сам, их подхватили в разных угол-
ках Новороссии сразу же, и сегодня они звучат
в минуты передышки меж боями на полях сра-
жений специальной военной операции, на присо-
единённых территориях, ставших частью России.

Не разлюбили наши современники хоро-
шую песню и красивый романс. Умеют слушать
затаив дыхание. И радоваться тому, что никуда
не исчез наш великий русский язык, в котором,
оказывается, так много слов, а в них так много
смысла. Его стихи обо всём настоящем – о на-
стоящей дружбе, о настоящей любви. О любви
к России – тоже настоящей, смелой и открытой.

Его стихи – о настоящей истории нашего Отече-
ства в малоизвестных, но таких пронзительных
эпизодах людских судеб.

*Я славянин, и Бог мой – Русь моя.
В её лугах я бегал босиком,
Любовь к земле, как и любовь к друзьям,
Вбирая с материнским молоком.
Умру, но через миллионы дней
Вновь повторю в упругости крови,
Переполюя жилы сыновей
Непостижимым таинством любви.*

Это ли не образец патриотиче-
ской лирики, лирического патриотизма?
Душа поэта болеет за взрослых и детей, рус-
ских и украинцев, оказавшихся на территориях,
которые обстреливали украинские войска. Из-
под его пера ложатся на бумагу пронизанные
состраданием, любовью, надеждой строки, рож-
дённые трепещущей и пульсирующей в такт
времени мыслью поэта. А он сам отправляет-
ся по городам и весям страны нашей, чтобы
поддержать тех, кто несёт ратную службу, их
родных и близких, всех, чьи чувства и мысли
устремлены к победе над врагом человечества –
фашистским дьявольским воплощением.

Поэт постоянно в пути. Побывал в разных
лечебных учреждениях, среди которых госпитали
имени Бурденко, имени Мандрыки, реабилитац-
онные центры в Химках, в Подольске, в дивизии
имени Дзержинского, в Самаре, в заполярном
Североморске, на Кольском полуострове, в посёлке
Печенга Мурманской области. И каждая такая
поездка, как признался Константин, – потрясение
от увиденного, от встреч и общений с ранеными
бойцами, от тех фронтовых историй, которые мож-
но услышать только в тесном общении с участни-
ками событий и военными медиками. Написанно-
го во время поездок и после них набралось на три
книги. Первый том уже издан – «Хроника СВО».

СТОИМ «ЗА РУСЬ, ЗА СВЯТОСТЬ АЛТАРЯ»

Наш народ выполняет этот наказ Алексан-
дра Пушкина, не щадя живота своего. Неиссяка-
емый пушкинский источник питает нас. И сам

он с нами – современник всех поколений. На наших праведных мирных знамёнах было это имя на всём трудном пути в родную российскую гавань. К нему мы обращались в смутное время за поддержкой словами Александра Блока:

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!*

Нет, мы не были немые, но нам были нужны его звуков сладость и их окрыляющая радость.

Призыв «аукаться Пушкиным» поэта, историка литературы Владислава Ходасевича не для красного словца, а как предупреждение: русская культура жива, пока «аукаемся». Только чистые родники наших духовных истоков могут смыть грязь, а великое пушкинское слово – заглушить сатанинский бал.

Нам предлагают вектор не только экономических, но и духовных свобод. Но не той свободы, которую восславил в свой «жестокий век» Пушкин, – духовную свободу личности как конечную цель всякой культуры в философском её понимании. Всеми своими творениями Пушкин предостерегал от культурного мрака, который может поглотить свет, обнажающий души, устремлённые к истине. Как сказал Иван Тургенев: «Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа».

Против этой сущности и ополчились тёмные злые силы, несущие погибель всему миру. Опыт Пушкина, бесстрашного борца за духовность и пророка, оставленный нам в высказываниях и спорах с оппонентами о предназначении России, важен, наверное, как никогда.

И в год десятилетия Крымской весны широко и привольно отмечаем 225-летие Солнца русского мира. С подачи Дмитрия Лихачёва день рождения Александра Пушкина стал праздником русской поэзии. Днём наслаждения раскатом и россыпью пушкинских стихов, которые воспринимаем, по меткому выражению Эдуарда Багрицкого, «сердцем, взглядом и ушами».

В Крыму пушкинский праздник особый. В 1998 году Русская община объявила 6 июня

Днём защиты русского языка. И с него вот уже семнадцать лет начинается международный фестиваль «Великое русское слово». Иначе и быть не может, потому что согласны с определением роли Поэта, данным Аполлоном Григорьевым, – «наше всё» – и считаем его представителем «всего нашего душевного особенного». Осознавая, что никак не обойтись русскому миру без ставшего символом нашего национального самосознания «зеркала, обращённого в будущее», – по меткому и справедливому определению нашего современника, московского пушкиниста Валентина Непомнящего.

Он возвеличен Божественным даром на недостижимую высоту. И продолжает «глаголом жечь сердца людей». И учит делать это других. И вселяет в нас веру в торжество света над тьмой. Думаю, каждый готов подписаться под словами Глеба Горбовского:

*Если выстоять нужно,
как в окопе – в судьбе:
«У России есть Пушкин!» –
говорю я себе.
Коль подтаяли силы –
не ропщу, не корю:
«Пушкин есть у России!» –
как молитву творю.
Есть и правда, и сила
на российской земле,
коль такие светила
загорались во мгле!*

Попытка загасить свет немеркнувший уничтожением рукотворных памятников Поэту на Украине – явление позорное и бесперспективное: «Следы исчезнут поколений, но жив талант, бессмертен гений!» – даже вандалы не могут не понимать истинности слов Фёдора Глинки. Как и цветаевских: «...уходим мы или приходим, а он – всегда стоит. Под снегом, под летящими листьями, в заре, в синеве, в мутном молоке зимы – всегда стоит». И те места, где снесли рукотворные признания ему в любви, всё равно остаются его. Придёт время, когда памятники вернутся в те места, где совершили кощунство, попрали святое.

В год 80-летия освобождения Крыма мы вспоминаем и о том, что именем Поэта была названа гвардейская батарея и на снарядах и танках писали «За Пушкина». В составе 162-го истребительного авиаполка 1-й воздушной армии вели бой с «мессершмиттами» асы именно-го истребителя «Александр Пушкин». И в День Победы на стене рейхстага кто-то из наших бойцов написал «От Ленинграда до Берлина. Пушкин». Мы не знаем, житель средней полосы России или центральной Украины сделал это. Но с грустью думаем, что среди сносящих нынче памятники Поэту в украинских городах и сёлах могут быть потомки освободителей, дошедших до логова фашизма в едином строю людей разных национальностей. Даже бюст,

установленный в центре Киева в 1899 году, не пощадили вандалы.

А вот власти небольшого городка Татарбунары в 140 километрах от Одессы отказались совершить безнравственное деяние. Здесь, на берегу реки Фонтанки, в память о пребывании Поэта установлена точная копия симферопольского памятника, подаренная горожанам киевлянином, народным скульптором СССР Александром Ковалёвым к 175-летию со дня рождения Поэта. Факт спасения памятника был обнародован в прошлом году. Других сведений не было. Будем надеяться, что стоит. И значит, место это остаётся в едином пушкинском пространстве, а дух его не даёт и здесь угаснуть возвышенным чувствам и проясняет ум.

Татьяна ДУГИЛЬ

Евпатория

«АЛЁША»-2023, ИЛИ «ОДНИМ МАХОМ ВОСЬМЕРЫХ ПОБИВА-ХУ...»

ХРОНОЛОГИЯ БОЯ

Их было четверо. Трое – из плоти и крови: командир 1-й танковой роты и командир экипажа лейтенант Александр Леваков (позывной «Ласка»), командир 2-й танковой роты, заменивший механика-водителя в экипаже, старший лейтенант Расим Баксиков (позывной «Монолит»), наводчик-оператор Алексей Неустроев (позывной «Лёха»). Один – бронированный: глубокая модернизация советского ещё танка Т-80БВМ (в народе «Алёша»).

Вместе они стали единым целым. Не раздумывая, навязали бой восьми (!) единицам натовской бронетехники и победили в нём, оставив гореть на донбасской земле два немецких «Леопарда» и шесть американских БМП, вёзших на передовую более сотни солдат противника. А после ещё 40 минут поддерживали огнём наших мотострелков, ведущих ближний бой с противником. И, заметив, что

подошедший им на помощь второй танк подбит, под шквальным огнём противника взяли его на буксир и потащили с линии боевого соприкосновения... Вытащили. Друзей спасли. Вместе стали Героями ДНР и Героями России. В ответ на расспросы репортёров о рецепте феноменального успеха экипаж только плечами пожал: «Фактор внезапности, наверное, сработал... И противник ошибся – скупился. Как сказал наш президент, если драка неизбежна, надо бить первым. Мы ударили первыми...».

Поля – заброшены.

Луга – не кошены.

Зависли маревом гарь да зола,

А солнце ярое,

От жара – алое,

Вот-вот подсолнухи спалит дотла.

От раскалённых «брызг»

Устал «Алёша» вдрызг.
Бой был безжалостным, как схватка
«скреп»:
Дроном таранили,
Мехвода ранили,
Но своим ходом танк дошёл в укреп.
И вновь из рации:
«Прикройте, братцы, нас!
Спешат чубатые на шницеля!
При эскалации –
Не до ротации:
Под “Градом” плавится уже земля!»
Исправлен дальномер,
Боекомплект – в корме,
От пота некогда промыть глаза.
У рычагов-рулей
Сел «Монолит» – старлей,
Сказал: «Поехали!» – и по газам.
Грунтовка ломкая
На траках комкалась
И разлеталась: каждый ком – что стриж.
Когда в пыли густой
За лесополосой
Заметил экипаж невнятный движ.
«Зелёнка» – как стена,
С разгону не видна.
Картина маслом «Заданный маршрут»:
Два «Леопарда» и
Шесть штук янки-«брони»
Для пушек мясо в «контрнаступ» прут.
Ну, командир, поверь:
«Ласка» – пушной, но зверь.
Ведь связи нет – совета не спросить!
Метнулось время вспять –
Драки не избежать,
Так, значит, надо?.. Надо первым бить!
«Алёша» выскочил,
А «Лёха» выстрелил,
И крик разведчика на шёпот стих:
«Внимание, арта!
Один “Алёша” там!!!
Один “Алёша” там... И восемь – их!..»
Чадит в визире цель!
Хоть неравна дуэль,
Но сносит башню с натовской слуги!

Всем бедам есть ответ:
Гордился б «Лёхой» дед,
Домой вернувшийся с Курской дуги...
Сломался вражий строй –
Чадит уже второй!
От оператора БПЛА
Арта «цветочная»,
Как скальпель, точная
Призыв услышала – и «подмогла».
Гранатомёт-«сапог»¹
Неумолимо строг:
Топтать пришедшим русские межи
Воздастся по делам.
Вместе с десантом в хлам
Сметённый лом на тех межах лежит.
Наводчик снова бьёт,
А танк летит вперёд –
Костром надежд горит «крестов» парад.
Ошиблись – скучились
И «волей случая»
На randevу пошли к Бандере в ад.
Три раза отходил
«Алёша» в ближний тыл,
Три раза пополнял комплект БК.
Отчаянный пострел
Ещё помочь поспел
Ведущим ближний бой мотострелкам.
Но обнаружил вдруг:
Напарник кружит круг
По пашне, захромав на левый трак.
Комроты «Монолит»
Вмиг вынес свой вердикт:
«Готовь, братва, буксир – там не до драк!»
...Минул лишь час с лихвой.
Но многим с головой
Его хватило б... жизни так на три.
И снова в оптике
Бессонных коптеров
Не супермены, не богатыри.
Походы новые,
Бои суровые
Вперёд расписаны от «аз» до «ять».
Позавчерашние
Мальцы бесстрашные
Скалой за Родину свою стоят.

¹ Гранатомёт СПГ-9 (на военном сленге – «сапог») – надёжное средство поражения вражеской бронетехники. Как выяснилось, он отлично справляется и с натовской бронёй.

Аномалия

РАССКАЗ

Александр ШАЛАМОВ

г. Ялта

Это уже второй теракт на Крымском мосту. Для чудом выжившей четырнадцатилетней девочки теперь этот мост на всю жизнь останется памятным местом гибели её родителей – мамы и папы, ехавших вместе с ней в автомобиле.

Я отошёл от раскрытого настежь окна. Буйная южная растительность, закатное небо с лёгкими плывущими розовыми облаками и высоко летающими чайками; ультрамариновые, с зеленцой горы, спускающиеся к морю; воздух, напоённый ароматом цветущих роз, ленкоранской акации и магнолии; пение птиц да весёлые крики играющей детворы особенно обостряли протестное чувство к происходящему в мире.

Михаил запаздывал. Два дня назад юноша пообещал прийти сегодня в 17 часов, что-

бы привести в порядок закопавшийся компьютер. А пока я терпеливо выслушивал черноволосого бородатого приятеля Эдуарда, заскочившего ко мне по пути к себе домой на пару минут, да так и застрявшего у меня. После долгой беседы на разные темы он уже собрался было уходить, но опять громко заговорил, сидя на диване:

– Ты никогда не задумывался над вопросом, сколько человек на земле хотели бы тебя убить? Желают, чтобы тебя не было, потому что ты русский. Представь огромное поле потенциальных убийц. Одни запросто перережут тебе горло, другие садистски расправятся с тобой. Ты никого из них не знаешь, они живут где-то далеко, в других странах, а всё равно ненавидят

Рис. Птылицына Ольга, г. Вологда.

Конкурс "Крымская весна глазами детей"

тебя. Кипят злобой. Ты никому из них не желаешь смерти, а тебе – ого-го сколько! И если б им представилась такая возможность...

– Ну что ты такое говоришь! – перебил я товарища, не желая выслушивать неприятное.

– Да ты посмотри по новостям, – в свою очередь ещё громогласнее перебил он меня. – Они люто возненавидели русский народ и нашу страну. Ополчились на Россию, нацелились уничтожить её. Вот Украина. Даже брат на брата войной пошёл, родной человек на родного! Один на Западной Украине живёт, другой в Донецке. Мать украинка, отец русский. И что?! Один стал фашистом, одержимым смертельной националистической злобой, второй, сохраняя братскую любовь, стал на защиту своей Родины. Совсем не удивлюсь, если кто-то из нашего города тоже окажется сочувствующим фашистам. Потому что не может быть, чтобы и у нас ни одного такого не было.

Я поинтересовался:

– Так когда ты добровольцем отправляешься на фронт?

Эдуард стусывал эмоции и спокойнее ответил:

– В военкомате велели ждать. Как понадобится, позовут.

– А как жена отнеслась к такому твоему решению? – спросил я.

– Нинка моя понимающая, – Эдуард заулыбался. – Она даже сказала, что дети будут гордиться таким папой. А что? Мой дед воевал с фашистами, до самого Берлина дошёл, а я разве не его внук?

Мне стало неловко. Мой отец и дедушка тоже воевали. Их ордена и медали я бережно храню в специальной коробке. Но мне уже здоровье не позволяет. А Эдуард ещё молодой, крепкий, ему чуть больше сорока лет. К тому же он в своё время прошёл срочную службу в армии. Ему тоже, как и мне, очень хочется, чтобы это военная спецоперация на Украине скорее закончилась.

Когда Эдуард ушёл, я позвонил Михаилу. Автоответчик сообщил, что абонент временно недоступен. Позвонил парню ещё несколько раз.

Я включил телевизор, и мы с кошкой Муркой удобно расположились на диване. После

обзора новостей в мире и в нашей стране пошли региональные вести.

На телеэкране появляется глубокая ночь. Военные с автоматами бегут к яхте, стоящей на пирсе. Плывёт строка: «ФСБ раскрыла подробности задержания украинских агентов в Крыму». За первым силовиком на яхту торопливо взбирается по металлической лесенке второй оперативник. Третий сотрудник ФСБ фонарём освещает им путь наверх. Вот они уже на катере, внутри него. Крупным планом показывается лицо...

– О нет!.. Нет-нет!.. Не может быть!.. Вячеслав, Славка... Ой нет!.. Да нет же, нет! Только не ты! – соскочив с дивана, завопил я.

Дальше я вижу выявленные оперативниками гранаты-«лимонки» и разные предметы для совершения теракта. Замечаю на яхте и украинский флаг.

Затем в одном из кабинетов ФСБ на фоне серой стены показывается могучий, всегда обритый наголо Вячеслав Левин. Понуро, упавшим голосом, похожим больше на лепет набедакурившего школьника, он признаётся:

– Я познакомился на территории грузового порта с моими соседями, у меня там базировалась яхта. Стояла на тот момент на воде рядом с их небольшим катером. С Игорем, впоследствии узнал его фамилию – Поляков, – и Василием, его фамилия Загоруйко. В процессе разговора, это было, наверное, в сентябре, я не очень помню, Павел попросил меня написать определённую расписку, так он её назвал, где была кратко написана моя биография, где родился и так далее. Там было указано, что я готов сотрудничать с властями Украины и что я предупреждён об ответственности за разглашение этого сотрудничества. И я написал эту расписку. Собственно, не написал, а отпечатал на ноутбуке, потом пошёл, распечатал в районе горисполкома, подписал не своей подписью и передал её ему. Он при мне её сфотографировал, сказал, что отправит какому-то высокому чиновнику, то ли военному, то ли гражданскому, то ли другу, то ли родственнику – он тогда не указал, и при мне он эту расписку сжёг. И уголок этой расписки выбросил в море. Это происходило у меня на яхте.

Как-то в разговоре Павел упоминал, что они приглядывают – выражение было такое – за нашим мэром. Я спросил: «Зачем?» Он как-то промолчал, отшутился, так сказать. Ну, мне это не очень понравилось. С какой целью, ну он как бы... Я понял – с какой-то криминальной целью. Мне так показалось. Выражений конкретных не было, что вот мы хотим сделать то-то и то-то, но было такое, скажем так, было серьёзное выражение лица...

Я выключил телевизор и стал нервно ходить по квартире, переживая страшную новость. В памяти отрывочно всплывали эпизоды моих дружеских встреч с Левиным, но я их тут же отгонял – так больно было вспоминать.

«Что теперь с ним будет? И как переживёт весь этот кошмар его семья? Жена, двое сыновей и маленькая дочка? Его родственники и многочисленные друзья? Как же такое могло с Вячеславом произойти?»

Я не мог принять увиденное и услышанное. Не мог представить Левина, привыкшего к комфортной жизни, в камере заключённых. У него отличный дом с участком, две породистые собаки, легковая иномарка, яхта, успешный бизнес... Он весёлый, общительный. Занимается бодибилдингом, подводным плаванием – дайвингом. Профессиональный дайвер! И большой любитель походов с ночёвками в горы... Разносторонний, активный, по сути, счастливый человек. Что его не устраивало? Зачем связался с врагами России?!

Раздался звонок. Я открыл дверь. На лестничной площадке с виноватой улыбкой стоял рыжеватый вихрастый семнадцатилетний Михаил в спортивном костюме.

– Здравствуйте, дядя Витя!

Я впустил парня в квартиру и, не соображая, как мне вести себя с ним дальше, молча уселся на диван. Он же бойко заговорил:

– Извините, что опоздал. Я только-только вернулся с гор, загрузил походные вещи в машину друга и сразу направился к вам. Я не мог предупредить вас, что задерживаюсь. Мы с дружкой попали в аномальную зону, там не было связи по телефону. А потом он разрядился. У Васьки не было телефона, и я никак не мог связаться с вами, ни с кем.

Миша подсел ко мне на диван и стал подробно рассказывать о своём походе с товарищем, о ночёвке в палатке, о красоте тех мест.

– Мы с папой не раз ходили туда. Только он в последнее время почему-то всё больше стал ночевать на своей яхте, – грустно закончил он свой рассказ. И оживился: – Ну ладно, давайте посмотрим, что случилось с вашим компьютером.

– Так ты... Ты ещё не знаешь? – Я обхватил свою голову руками, до боли стискивая её пальцами. – Ты ничего не слышал?!

Вглядываясь в меня чистыми небесными глазами, Миша настороженно спросил:

– Это вы о чём, дядь Витя? Что я не знаю? Чего не слышал?..

«На добрую долгую память...»

РАССКАЗ

Виктория АНФИМОВА
г. Симферополь

Июнь выдался дождливый, так случается иногда в Крыму. Солнце редко выглядывало из-за серых туч, затянувших обычно синее небо. Вот и сегодня с утра моросил дождь. Алёнка сидела на диване, перечитывая «Огни на курганах» Василия Яна, но в этот раз история завоеваний армии Александра Македонского показалась ей не такой интересной. Она отложила книгу и задумалась о том, как один человек может изменить мир вокруг себя и одновременно принести страдания и смерть. Александр Македонский был легендарным завоевателем, но он разрушил не один десяток городов, по его приказу было истреблено много мирного населения. А бывает, что один человек сумеет спасти другого, своего близкого, и это отразится на жизни последующих поколений – их детей, внуков, тех потомков, о которых они и знать никогда будут.

Взгляд Алёнки упал на книжный шкаф, стоящий у противоположной стены. Именно там, на полках, хранились вещи, которые она любила пересматривать, – старые журналы, наборы открыток с бабочками и насекомыми, фото актёров кино и театра, дореволюционные ноты со странной буквой «ять». Конечно, ещё там были книги и – самое главное – бабушкин семейный альбом со множеством фотографий.

Алёнка очень любила рассматривать этот альбом, расспрашивать свою бабушку Зинаиду Ивановну о тех, кто изображён на фото, и слушать истории о своих родственниках. Легко вскочив с дивана, она открыла стеклянную дверцу шкафа и достала большой тяжёлый альбом. Пальцы привычно ощутили мягкий вытертый бархат тёмно-вишнёвого цвета, обтягивающий обложку, а на нём в левом верхнем углу располагался золотистый медальон

с изображением Кремля и мавзолея. Алёнка знала, что они находятся в Москве, во времена бабушкиной молодости этот город был столицей Советского Союза. Это государство недавно прекратило своё существование, но Алёнка сама родилась ещё во времена Союза, что давало ей необъяснимое чувство сопричастности к истории.

Алёнка открыла знакомый альбом. На самой первой странице размещалась пожелтевшая фотография на толстом картоне – большая семья сидит за столом с самоваром, в самом центре – крупный темноволосый мужчина с пышными усами, сразу видно – глава семейства.

Открылась дверь, из кухни вышла бабушка Зинаида Ивановна, готовившая обед для любимой внучки.

– Не скучаешь, моя лапочка? – с доброй улыбкой спросила она. – А, ты снова альбом взяла посмотреть. – Бабушка присела на диван рядом с Алёнкой. – Вот эта молоденькая девушка на фото – я, узнаёшь? – лукаво прищурилась Зинаида Ивановна.

– Ну конечно, ты очень похожа! А вот это – мой прадедушка? – спросила Алёнка, указав на мужчину в центре фотографии.

– Да, мой папа, а твой прадедушка, Говоров Иван Евстигнеевич, а рядом с ним – моя мама, твоя прабабушка, Софья Ивановна. Они очень любили друг друга и прожили долгую счастливую жизнь вместе. Ты знаешь, именно твоя прабабушка спасла прадедушку в страшном 1941 году, когда пришли немцы.

– Бабушка, расскажи!

...Софья проснулась затемно. Острая тревога и страх, не покидавшие её последние

несколько недель, тяжёлым камнем лежали на сердце. Известия о том, что немцы прорвали оборону и вошли в Крым, ледяными тисками сжимали душу. Её мужа Ивана, как и многих других мужчин города Феодосии, направили рыть противотанковые рвы в районе Перекопа, но это не помогло остановить врагов. Немцы просто обошли вырытые укрепления, а строители из числа гражданского населения попали в лагерь для военнопленных в Джанкое. Беспокойство о судьбе мужа пролегло новыми морщинками на лбу, не давая спокойно спать и дышать. Что делать, как вернуть Ивана домой?

Дни тянулись тягуче медленно, полные ожидания неведомого. Однажды вечером к ней постучалась соседка тётя Валя, чей муж уехал вместе с Иваном рыть противотанковые рвы.

– Соня, ты дома? – стук в дверь был настойчивым и резким. – Соня, открывай!

– Здравствуйте, тётя Валя, заходите. Ну как, слышно что-нибудь о наших? – вспыхнувшая надежда заставила дрогнуть голос Софьи.

– Соня, сегодня я была на базаре – нужно было картошки и лука купить, и там возле молочного ряда встретила Елизавету Петровну, учительницу. Так вот, она меня отвела в уголок и рассказала, что муж её племянницы домой вернулся.

– Из лагеря?! Как?

– Нужно договориться и заплатить кому-то из охраны, и тогда он выведет тебе любого человека, поняла? Хоть мужа, хоть брата, хоть отца. Есть у тебя сбережения? Или золото?

– Ну есть немного... – растерянно проговорила Софья.

– Тогда собирайся, отправимся рано с утра с Надюшей и Ниной с соседней улицы, вместе не так страшно будет, попробуем выкупить наших мужчин. Бог даст, живыми все домой вернёмся.

– Тётя Валя, милая, конечно, пойдём! – бросилась на шею соседке расплакавшаяся Софья.

Последующие дни плохо сохранились в памяти Софьи, слившись в бесконечную череду лиц на дороге, по которой они шли пешком,

поиски попутных подвод, ночёвки в каких-то домах и грубость немецких патрулей, требовавших документы и подозрительно смотревших на измученных женщин. Холодный осенний ветер и дождь, нередко заставлявшие их в пути, казались наименьшими из зол.

В Джанкое, распросив местных жителей, женщины отыскали лагерь, находившийся на территории консервного завода и обнесённый несколькими рядами колючей проволоки. Подойти близко сразу они не решились и несколько часов простояли, просто наблюдая за входом, который охранялся вооружёнными немцами. Уже темнело, когда к ним подошёл один из охранников, по виду румын, и спросил, что они тут делают. Тётя Валя, набравшись храбрости и сдерживая слёзы, сказала, что их мужья в лагере для военнопленных, и предложила заплатить, чтобы их отпустили домой.

– Мы отдадим вам всё, что у нас есть, все деньги, очень вас прошу!

Мужчина внимательно оглядел тётю Валю, Софью, беременную Нину и плачущую Надю, кивнул, спросил фамилии и сказал, чтобы приходили с завтрашнего дня по одной поздно ночью к небольшой калитке с задней стороны лагеря, обращённой к оврагу.

Софье казалось, что стук её сердца слышен на всю округу, когда она шла к заветной калитке. Мужа тётя Вали охранник вывел вчера, очень измождённого и постаревшего лет на 10, но живого. Брата Нади и мужа Нины уже не оказалось в живых, и охранник, казалось, был огорчён не этим фактом, а тем, что не получит своих денег. И вот пришла очередь Софьи. Сжимая в платочке золотые часы и несколько купюр, она стояла ни жива ни мертва. Наконец дверь тихонько открылась, и Софья охнула, с трудом узнав в худом оборванном мужчине, еле стоявшем на ногах, своего Ивана.

– Это он, он! – забормотала она, сунув в руку охраннику платочек с часами и деньгами и подхватывая мужа, чтобы он не упал тут же на землю. Вцепившись в него изо всех сил, она потащила Ивана как можно дальше от этого страшного места, приговаривая: – Всё будет хорошо, теперь всё будет хорошо.

Жили женщины эти несколько дней в небольшом саманном домике с черепичной крышей у старухи-татарки, заплатив картошкой и крупами, которые взяли с собой в дорогу. Тётя Валя с мужем хотели поскорее добраться домой, забрав Надю, потерявшую брата, и безутешную Нину, которой вскоре предстояло рожать. Иван был настолько слаб, что не мог сразу же отправиться в путь, и было решено, что они с Софьей останутся на какое-то время в Джанкое.

Софья почти не выходила из комнаты, ухаживая за мужем. Она боялась спросить о пережитом в лагере, мечтая о том, чтобы это всё поскорее осталось позади. Однажды вечером, держа её за руку, Иван сказал: «Сама судьба привела тебя тогда. В лагере было настолько невыносимо и страшно, что я решил покончить с собой и сделал бы это на следующий день, не приди ты за мной». Понемногу Иван приходил в себя, но оставаться надолго в Джанкое было опасно, и тут судьба снова позаботилась о нём. Иван был крупным, смуглым темноволосым мужчиной, и его часто принимали за крымского татарина. Он хорошо знал крымскотатарский язык и подолгу беседовал с хозяйкой. Как-то вечером Энвер, сын татарки, предложил на своей подводе отвезти Ивана домой, в Феодосию. Софья с Иваном с радостью ухватились за этот шанс, и на следующий же день подвода с больным «крымским татаринком» отправилась в путь. Когда же они добрались до города, Софья отдала остатки своих сбережений Энверу. Ведь самое главное сокровище – своего мужа – она вернула домой в целости и сохранности. Впереди были страшные годы фашистской оккупации, но они сумели выжить вместе со своими близкими...

– Бабушка, вот это история! Моя прабабушка была отважной женщиной!

– Да, она была необыкновенной женщиной, готовой на всё ради близких и любимых. Мне она тоже жизнь спасла, предчувствуя материнским чутьём непоправимую беду.

– Бабушка, расскажи! Это тоже случилось в годы войны?

– Да. Мы с твоим дедушкой поженились 21 мая 1941 года. А ровно через месяц началась война, и дедушка – тогда ещё молодой техник-лейтенант Андрей Акимович Волков – ушёл на фронт. Я осталась в Феодосии с родителями. Когда осенью немцы стали наступать на Крым, я должна была эвакуироваться на теплоходе «Украина», но в тот день непрерывные бомбёжки немецкой авиации в районе порта так напугали мою маму, твою прабабушку, что она не пустила меня на корабль. И я осталась дома. Позже стало известно, что теплоход «Украина» немцы потопили под Новороссийском. Вот так она спасла мою жизнь. Твой дедушка вернулся домой после окончания войны. Помню – звонок в дверь, я пошла открывать. Вижу мужской силуэт, узнаю – и падаю в обморок на руки дедушке. В 1946 году родилась твоя мама – Нина Андреевна. Потом она выросла, вышла замуж, и на свет появилась ты, моя лапочка.

– Значит, если бы ты в тот день уплыла на теплоходе, то не было бы ни моей мамы, ни меня?

– Да. Но этого не случилось, и я очень рада, что всё вышло именно так, – бабушка поцеловала Алёнку и прижала к себе. – Проголодалась? Уже время обеда. Пойду накрывать на стол, а ты дедушку позови, и будем кушать.

– Хорошо, бабушка! – Алёнка положила альбом на диван и побежала звать дедушку на обед.

Зинаида Ивановна, ненадолго задержавшись, взяла в руки альбом и наугад раскрыла его. С небольшого снимка смотрел её отец, Иван Евстигнеевич Говоров. Простодушная подпись без знаков препинания на обороте фото, сделанная его рукой и написанная фиолетовыми чернилами, гласила: «На добрую долгую память моей неизменной любимой Сонечки подруги моей жизни долгих лет». И дата – 3 сентября 1946 года.

Зинаида Ивановна улыбнулась, погладила фото, закрыла альбом и положила его на место в книжном шкафу. Быстро смахнув рукой набежавшие слёзы, она заторопилась на кухню.

В БОЙ ИДУТ ОДНИ МУЖИКИ

Анна ЗЕНЧЕНКО-ФАРАФОНТОВА

г. Евпатория

В БОЙ ИДУТ ОДНИ МУЖИКИ

Правда – она одна.
 А в остальном – враньё.
 Вновь над тобой, страна,
 Кружится вороньё.
 Снова объявлен клич.
 Горны трубят поход.
 Мальчиков будут стричь –
 Родина-мать зовёт.
 Собран простой рюкзак.
 Брошен прощальный взгляд.
 Снова нельзя никак
 Нам отступить назад.
 Родина позвала,
 Значит – вопросов нет.
 Из-под пилотки взгляд –
 Смотрит с портрета дед.
 Слёзы утрёт жена.
 Мать – как с иконы лик.
 Я твой солдат, страна.
 Проще сказать – мужик!
 Вертится шар земной,
 Розы ветров шумят.
 Мир за моей спиной,
 Время не двинуть вспять.
 Каждому на веку
 Здесь, на святой Руси,
 Русскому мужику
 Нету других России.

БОГ ВОЙНЫ

Он – артиллерия, он – бог войны!
 Все боги здесь – крутые пацаны.
 За каждый дом, разрушенный очаг,
 За каждый метр земли ответит враг!

За бугорки у дома и кресты,
 За взорванные шахты и мосты,
 За ту страну, что продана на слом,
 За «Леопард», помеченный крестом.

Он знает: будет страшной его месть.
 Во взгляде твёрдом и суровом – жесть.
 И за снарядом падает снаряд
 По вражьим норам из системы «Град».

И разрывает перепонки гром –
 И следующий танк – в металлолом!
 Система мощно поражает цель.
 Не дрогнет мускул на его лице.

И сотрясает эхо голый лес.
 А в краткой передышке – СМС:
 «Мне на УЗИ сказали – будет сын,
 Люблю тебя, мой лучший из мужчин».

И навернулись слёзы у отца
 Под плотной балаклавой в пол-лица.

* * *

Дыма серая стена.
Плотная завеса.
Целый год идёт война.
Ухает за лесом.
Артиллерия, отбой!
Брёвна в три наката
Ждут бойцов с передовой.
Перекур, ребята!
Пахнет сладкий чай дымком.
Сало. Хлеб. Тушёнка.
Тёплый взгляд над письмецом –
Ждёт бойца девчонка.
Треугольник со звездой –
В нём рисунок детский –
Пусть хранит тебя, герой,
На земле донецкой!
Снова к бою – дан приказ.
Крестят небо дроны.
Помнит прадеда наказ
Правнук вдохновлённый.
ЗРК врага метёт
И трясёт, как грушу, –
Он тебя не подведёт,
Бабушка «Катюша»!

Сергей ОВЧАРЕНКО

г. Евпатория

КРЫМ НАШ!

Крым наш – источник божественной силы,
Крым – это мудрый и дружный народ,
Крым наш навечно вернулся в Россию,
Смело нарушив истории ход.

Крым – это степи, долины и горы,
Крым – это неба сверкающий свод,
Крым – это пляжи и Чёрное море,
Лист виноградный на зеркале вод.

Много в короне красивых камней,
Родина может гордиться любым.
Крым как восторг, торжество, как знаменьё,
Орден жемчужный – Республика Крым.

2014

* * *

Нас учили не помнить о Родине
и чужим поклоняться богам.
Слава Господу, всё это пройдено,
мы вернулись к родным берегам.

Как моряк из далёкого плавания,
переживший штормов непокой,
из чужой, кем-то выбранной гавани
рвётся к дому умом и душой.

Ничего не бывает случайного,
всё прописано и суждено...
Если хочешь чего-то отчаянно,
значит, сбудется точно оно.

Уваженьё, любовь, Крыма вид
принесём нашей матушке в дар.
Прослезится старушка и вымолвит:
– Заходите! Поспел самовар!

РОССИИ

*Природа произвела Россию только одну.
Она соперниц не имеет.
А. В. Суворов*

Что обыватели, что главы,
на нас бы только нападать!
Прости их, матушка! Державам
великим свойственно прощать.
Прости за взгляды их косые,
за мелочную суету...
Услышат где-нибудь «Россия»,
тотчас: «Ату её, ату!»
Как дети малые, ей-богу!
Не знают сами, что творят.
Им не закрыть твою дорогу,
твой путь к величию прям и свят.
Ты отряхни широкой дланью
вранья, нападок, грязи тлен,
вставай, Россия, за Таманью
сосредоточенной с колен.
Пусть задыхаются в бессилье
все вражьи рати, зло тая...
Жила, жива, живи, Россия,
родная, вольная, МОЯ!

Лидия ОГУРЦОВА

г. Симферополь

ЖЁНЫ ГЕРОЕВ

Китель на тоненьких женских плечах,
Хрупкая стойкость, во взгляде печаль.
Женская доля – молиться и ждать,
Верить и страхи свои побеждать.

В стужу промозглую, в дождик и зной –
Мысли о нём: «Возвращайся, родной!»
Только б прижаться, только б вдохнуть,
Слёзы с ресниц незаметно смахнуть...

Трудно не плакать, надеяться, жить,
Сына растить и с подружкой дружить.
Трудно мечтать тёмной ночью одной...
Только б вернулся любимый домой...

Фото на память, во взгляде печаль,
Китель на хрупких девчачьих плечах...
Женская доля – молиться и ждать,
Верить в победу и страх побеждать.

ВМЕСТЕ

В небе огненный град,
И железные птицы
Снова гулко летят,
Слышен грохот гранат.
Каждый день новый бой
Застывает на лицах,
Сединой на висках
Ещё юных солдат.

За окном скоро ночь,
Будто плачет природа:
То сгустится туман,
То накроет дождём.
Переменчива так
За окопом погода...
Знать бы, что и тебя
Кто-то любит и ждёт.

Знать бы, что поутру
Будет мирное небо,

Чёрным вороном злу
Уж недолго кружить.
И глоток молока,
И ломоть белый хлеба,
И девиз на века:
«Знаешь, брат, будем жить!»

Вместе бьются сердца.
По военным дорогам
Мы пройдем до конца
Этот праведный бой.
Вместе радость и боль,
Вместе молимся Богу
За страну, за любовь
И за дом наш родной.

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

Утром, только в небе рассвело, –
У границы враг.
Едут дети в школу за село.
Враг замедлил шаг.
Пули градом! Мимо детских лиц
Пронеслась беда.
Песню не успел допеть скворец –
Выпал из гнезда.
Брошены и ранец, и портфель –
Меркнет белый свет.
Бьёт свинец горошинами в цель
Грозно детям вслед.
Крикнул мальчик девочкам: «Скорей!
На дороге – враг!»
Спрятал лес от смерти злой детей,
От несущих мрак.
За девчонок мальчик встал горой,
Их прикрыл собой.
Ранен...
Но забыл про страх и боль
Маленький герой.
«Спасены!» – он девочкам шепнул.
Боль ушла с лица.
В небе ангел закрывал от пуль
Детские сердца.

Ирина СОТНИКОВА
г. Симферополь

Игнатъич сидел на скамейке троллейбусной остановки давно – часа два. Обычно он с нетерпением дожидался своего троллейбуса № 10, ходившего редко, через полчаса, а то и больше, и резво заползал на крутую подножку, покрытую продавленной чёрной резиной. Но сегодня старик радовался долгим промежуткам и даже пропустил несколько «десяток». Игнатъичу почему-то не хотелось ехать на «работу», к которой он привык так же, как любой человек привыкает к своему постоянному месту.

Майское утро, щедро приправленное криками воробьёв и запахом едва распустившейся дикой сирени в рощице за остановкой, плавно перетекло в ранний полдень. Стало по-настоящему жарко. А на остановке, как назло, ни навеса, ни дерева. Насупившийся Игнатъич неодобрительным взглядом встретил очередной троллейбус и, решившись наконец ехать, засеменил к передней двери.

Добрался он быстро и огорчился этим – очень хотелось подремать. С трудом преодолел спуск в подземный переход, так же тяжело

поднялся и, как ни странно, даже как-то успокоился: место на гранитном парапете было привычным, насиженным. Неясная тревога отступила. Подготовился старик, как всегда, степенно и обстоятельно: тщательно вытер грязным клетчатым носовым платком пыль, постелил картонку, поставил у ног пластмассовый коробок. Вешать на впалую грудь плакат о помощи ветерану у Игнатъича не было необходимости – его внешний вид красноречивее любой наглядной агитации свидетельствовал о состоянии человека, смертельно уставшего от жизни.

Старик по малолетству был свидетелем Гражданской войны, героем отвоевал Отечественную, по счастливой случайности ни разу не был ранен. Потом рьяно занимался строительством социализма в разрушенной стране, безжалостно боролся с врагами этого самого социализма и свято верил в коммунизм, ещё в далекой юности заманчиво обещанный вождём революции. Но вместо обещанного благоденствия пришла горбачёвская перестройка. Что это такое, Игнатъич так и не понял, ско-

ро перестал вникать в смысл радионовостей, воспринимая их как фон к завтраку или ужину. Так прошло ещё десять лет, жизнь стала непонятной. Смерть по непонятному капризу отказывалась забирать его к себе, окружающие воспринимали как обузу. Хотел он было повеситься, да передумал, смирился.

Сгорбившийся Игнатъич сидел на парапете и дремал, едва улавливая старческим чутьём движение народа вокруг. Давно привычными стали ему звуки разъездного кольца над подземным переходом. Резкие сигналы машин, свистки регулировщика, шум моторов и скрип тормозов. Что поделаешь, центр города...

Мимо нескончаемым потоком шли и шли люди. Они были разные – весёлые, грустные, молодые, старые, озабоченные, окрылённые, самоуверенные. Никому не было дела до маленького скорчившегося дедка, лицо которого давно стало похожим на коричневую по-смертную маску. Выцветшие, но ещё зрячие глаза исчезли под бесформенными кустистыми бровями, губы уродливой ниткой прочертили беззубый рот, скрюченные подагрой пальцы стали похожи на обрубленные корни засохшего дерева. Игнатъич и сам понимал, что вид у него отталкивающий, но кого, скажите, украшала старость, да ещё такая древняя? Оставалось только одно – просить у смерти милосердия, но она не торопилась.

А место у Игнатъича было доходное. Правда, приходилось весомую часть дохода отдавать приходящим каждый вечер двум малоразговорчивым парням, но на хлеб и молоко хватало. Они называли его «старый хрыч», иногда незаметно совали в ладонь скомканную купюру – на конфеты. С нетерпением ждал старик, когда можно будет, вернувшись домой, заварить на тесной кухоньке чайку покрепче да пить его вприкуску с сахаром, никуда не торопясь. А потом сидеть на скамейке рядом с калиткой и ждать ночи.

И не помнил уже старик Игнатъич, нарушался ли когда-нибудь этот порядок зимой или летом. Только вот сегодня что-то утро не заладилось. Может, хворь подступает? Болеть он не любил.

Вдруг Игнатъич насторожился: со стороны сквера приближался знакомый силуэт. Чутьё не подвело: это была младшая дочь, которой давным-давно перевалило за шестьдесят. Сколько лет ей было точно, он не знал, да и знать не хотел. Эта взбалмошная базарная бабёнка приходила почти каждый день в один и тот же час и заводила одну и ту же песню: о дарственной на старый дом с заросшим садиком, в котором доживал свой век её престарелый отец.

Игнатъич притворялся глухим, делал вид, что не понимает, что такое дарственная, плевался, начинал икать и пускал изо рта желтоватую слюну. Женщина, не в силах добиться от него желаемого, срывалась на крик и, не выдержав, в очередной раз проклинала бесчувственного к её бедам отца. Потом, багровая от негодования, исчезала в подземном переходе. Всё это продолжалось из года в год, с небольшими перерывами. И чем немощнее становился старик, тем яростнее были атаки дочери. Но он раз за разом терпеливо сносил её издевательства и ничего не обещал, потому что свой рассыпающийся домик с садиком давно завещал малолетней правнучке – некрасивой веснушчатой девочке с тонкими соломенными косичками, в которой души не чаял.

Правнучка училась на повара, часто приходила к прадеду, приносила булочки и конфеты. И думал Игнатъич, что, если выйдет она замуж, так хоть уголок свой у неё будет. А окажется муж работающий, так ещё и новый дом поставят, детишек заведут побольше – главное, чтоб земля была.

В этот раз пакостная баба переборщила со своими проклятиями. Игнатъичу стало плохо, и он застонал от резкой боли в груди. Рядом остановилась молодая нарядная женщина и, наклонившись к лицу старика, спросила:

– Дедуля, вам вызвать «скорую»?

Перед глазами Игнатъича оказались её руки с розовым маникюром и мелкими золотыми колечками на тонких пальцах, сжимавшие крохотную светлую сумочку. Кожа на руках была белой и нежной. Подняв глаза, он увидел её всю – аккуратную, стройную, излучавшую

спокойствие, и подумал: «Вот бы моей правнучке такой стать. Отбоя от женихов не было бы». А вслух едва проговорил:

– Спасибо, деточка, мне хорошо. Дай Бог тебе здоровья.

Женщина опустила в коробочку с мелочью мятую купюру и, потеряв к деду интерес, неторопливо пошла в сторону сквера, в центр города. Игнатъич посмотрел ей вслед, и почему-то показалось ему, что плывёт она по воздуху, не касаясь стройными ногами горячей тротуарной плитки, словно сказочная фея. Отхлынула боль, стало легче дышать, день посветлел.

Вдруг его внимание привлёк стремительно идущий навстречу молодой женщине высокий, хорошо одетый парень. Что-то в нём приковывало взгляд, было знакомо: кажется, частенько он здесь ходил. Игнатъич не успел додумать свои тревожные мысли, потому что случилось невероятное. Парень, почти поравнявшись с женщиной, резко развернулся, будто пытаясь сбить её с ног, вырвал из рук сумочку и размахисто направился в сторону перехода. Женщина охнула и молча застыла, не в силах что-либо предпринять. Так она и стояла, оторопело глядя в спину готового смешаться с толпой человека.

Весь мир Игнатъича мгновенно свернулся в одну дышащую ненавистью точку, которая саднила в его сердце незаживающей раной ещё со времён первой пережитой войны и не давала по ночам спать, обрушивая на незащищённую душу огонь и пламя ада.

Старый вояка вдруг почувствовал, как где-то за спиной загрохотала далёкая канонада, солнечный день над головой померк от пожара, и невыносимой болью отдался в сердце вой красивой светловолосой солдатки с младенцем, у которой со двора выводили корову.

Сам не понимая, что творит, он вскочил и, даже не пытаясь удержать равновесие, с криком упал под ноги приближающемуся парню. Тот споткнулся о тело старика, тяжело завалился вперёд, выставив мускулистые руки с длинными сильными пальцами, и мерзко выругался:

– Старый хрыч, чтоб тебя... Убью, гад.

Сумочка выпала из его руки, со звоном высыпались на грязный асфальт нехитрые женские мелочи. Пластмассовый коробок, задетый Игнатъичем, опрокинулся и выплюнул на сбегавшие вниз ступеньки звенящие монетки. Парень хотел быстро подняться, но старик, не ощущая боли, мёртво вцепился деревянными пальцами и беззубыми челюстями в брюки вора, вложив в эту хватку всю свою ненависть к необъяснимому миру, где грабят и убивают женщин, где ненавидят и презирают стариков, где одной подписью можно вычеркнуть человека из жизни и невозможно восстановить справедливость.

Вор, молодой и крепкий, безуспешно пытался стряхнуть со своих ног обезумевшего старца и, недолго думая, размахнулся и опустил на его ухо тренированный кулак. Старик обмяк и, откинувшись навзничь, выпустил наконец свою последнюю добычу.

Дико заголосили женщины. Парень, забыв о добыче, ринулся вниз, в спасительную темноту подземного перехода, но оттуда уже бежали, перепрыгивая через две ступеньки, полицейские с дубинками наготове.

Словно зверь, оценивающий окружающее пространство перед решающим броском, парень повёл вокруг тяжёлым взглядом и бросился через гранитный парапет в поток машин, намереваясь пересечь заполненное транспортом кольцо по прямой. Там бы никто не догнал и можно было без труда исчезнуть среди толпы на другой стороне транспортной развязки.

Игнатъичу было всё равно. Его освободившаяся душа, зависнув где-то над верхушками деревьев, равнодушно разглядывала молодую женщину, плачущую над его неподвижным телом, старушку, собиравшую рассыпавшиеся вещи в сумочку, отчаянного красавца-вора, который потрясённо, не в силах осознать произошедшее, пытался поднять с асфальта смятое колёсами автобуса собственное, ещё сильное тело – и уже не мог.

Ольга ГОЛУБЕВА

г. Симферополь

* * *

Держитесь, ребята, мы с вами,
За наше победное знамя,
За нашу святую страну
Ушли вы на эту войну...

Держитесь, родные, держитесь,
Вернитесь живые, вернитесь,
Вас дома и любят, и ждут,
Где мир, и тепло, и уют...

Вас русская женщина встретит,
Обнимет, накормит, приветит,
Жена, и невеста, и мать –
Вам есть за кого воевать!..

* * *

И сказала Россия: «Своих не бросаем,
Всё зачтётся на Божьем суде!»
И проснулась земля, как девчонка босая,
Побежала навстречу судьбе...

И уже за весной пробивается лето,
Дышит море, прибоем звеня.
Можно лишь пожалеть не увидевших это,
Не доживших до этого дня...

И откуда-то вдруг появляются силы,
Дух трепещет, как флаг за кормой,
Словно песня звучит –
Крым вернулся в Россию!
Просто взял и вернулся домой!

КРЫМСКИЙ МОСТ

Мост вознёсся над морем синим,
Распростёрся над всей страной.
Крым отныне с большой Россией
Связан прочно судьбой одной.
Нынче время великих строек,
Что поднимутся в полный рост.
Рядом с нами живут герои,
Возводившие Крымский мост.

Мост даёт осознание мощной,
Нерушимой родной семьи.
Если трудно, то мы не ропщем,
А смыкаем ряды свои.
Время точно залечит раны
От осколков коварной лжи.
Будем строить мосты и храмы,
Будем верить и будем жить!

СЕВАСТОПОЛЬ

Марина ОРЛОВА
г. Севастополь

ИЗ ЦИКЛА

«Донецкий ветер»

МАРУСЬКА

Маруська летела над верхушками тополей и видела, как стремительно приближается покачивавшаяся земля. За секунду до этого воздух вдруг стал упругим и горячим, её резко подбросило вверх и куда-то в сторону, а потом её лёгкое тело, будто что-то вспомнив, вытянулось в струнку, раскинуло в стороны все четыре лапы и стало плоским, как у белки-летяги.

Возможно, это её и спасло, а может, то, что приземлилась она ровно в центре детской площадки, куда совсем недавно завезли рассыпчатый золотистый песок.

Израсходовав одну из своих жизней, она доползла до деревянного детского домика, чудом уцелевшего ещё с советских времён, свернулась калачиком и провалилась в небытие – всё-таки удар был слишком сильным.

Откуда-то сверху всё ещё доносился грохот, что-то со свистом падало, взрывалось, чьи-то крики перемежались со звоном разбитого стекла, воем «скорых», но это уже Маруська слышала будто сквозь слой ваты.

Спустя час всё стихло.

В квартире на девятом этаже к этому времени уже в который раз заглянули под все диваны, открыли все шкафы, обшарили все кладовки – кошки нигде не было.

За секунду до взрыва она грелась на солнышке на застеклённой лоджии.

В это воскресное утро прилетело в соседний дом и кварталом выше – попали по рынку. По городу особенно часто били как раз по выходным, а ещё во время праздников. Взрывной волной вынесло рамы со стёклами, люди привычно укрылись в ванной комнате. За все эти годы многие разучились испытывать страх, и вот это-то было особенно страшно. Это неправильно, когда в минуты опасности человек ничего не чувствует...

Понемногу дом возвращался к обычной жизни. Пустые проёмы затянули полиэтиленом, благо было ещё тепло. А вскоре неугомонные коммунальщики завезли новые рамы и стёкла, подлатали разбитый асфальт, вернули в дома свет и воду...

Иваныч в который раз обошёл весь двор, устало присел на скамейке. Прошло уже две недели, пропавшую кошку все давно считали погибшей. А вот ему почему-то не верилось.

В семье было несколько питомцев, Маруську все шутя называли папиной дочкой.

Возвращаясь домой после тяжёлой операции, Иваныч укладывался на старенький диван, и рядом неизменно оказывалась его любимица. Она перебирала мягкими лапками, мурчала у самого уха, уютно сворачивалась на его груди, и от этого куда-то уходила противная давящая боль в сердце, переставала ныть голова и даже сны становились светлыми и медовыми, как в детстве.

Иваныч ещё раз прошёл мимо подвальных пыльных окошек, на тихое «кис-кис» оттуда вынырнуло с десяток пушистых соседей. Разложил в миски корм, налил воды и отправился

в убежище. Там вот уже две недели жила юная мамочка с малышом.

Иваныч носил ей туда молоко и нехитрую снедь, пакеты с чистыми пелёнками, тёплые одеяла. И в который раз уговаривал вернуться домой, не дело держать ребёнка в такой сырости. Бедная девочка не могла себя заставить даже просто выйти из подвала и на все уговоры отвечала потоком горьких слёз.

Но сегодня был какой-то удачный день. Машенька впервые за это время улыбнулась и кивнула головой – пора.

Переселяли её чуть ли не всем домом. Проверяли замки и окна, натащили солений, варенья и прочих закусок, а потом сидели все вместе за большим столом – как в прежние времена.

Выходя из подъезда, Иваныч краем уха уловил тихий шорох в кустах крыжовника. Такими же невозможно зелёными глазами на него смотрела Маруська.

Он осторожно поднял её и прижал к небритой щеке, почему-то вдруг ставшей подозрительно влажной. Вот только было непонятно, чьи это были слёзы – его или Маруськины.

Иваныч прищурился, посмотрел вверх и сказал тихо, но твёрдо:

– Всё будет хорошо!

ДОМ

Дом стоял на семи ветрах. Так говорили жильцы...

Особенно это докучало весной, когда в окна и двери со всех сторон света врывались буйные потоки донецкого ветра – хлопали форточками, опрокидывали тонкие чашки, смахивали со столов кипы листов и старых газет, переворачивали книжные страницы...

«Такая вот роза ветров», – вздыхали обитатели дома.

С началом войны их число изрядно поредело. Кто-то ушёл на передовую, кто-то перебрался подальше от фронта или просто в более безопасные районы города.

А потом уехали все. Вернее – почти все.

Соседние дома уже давно глядели в мир пустыми глазницами окон. Израненные стены

кое-где обнажили ступени лестничных пролётов, и оттого все эти строения казались похожими на поверженных великанов.

Она осталась одна. Почти одна.

Уезжая, соседи в спешке оставляли ей ключи. Они тогда не верили, что это безумие надолго. Но время шло, обстрелы становились всё прицельнее и безжалостнее. Она уже почти привыкла к постоянному гулу и грохоту.

А дом...

А дом стоял как заговорённый. Почему-то ей казалось, что стоит только... нет, не уехать, стоит только уйти – и всё. Что всё? Это было уже за гранью. Об этом было лучше не думать.

Она ходила по осиротевшим комнатам, поливала разлапистые монстры и кожистые фикусы, кормила попугаев и котов, и дом продолжал жить одной только ей понятной жизнью.

Фотографии на тумбочках, старинный стетоскоп потомственного доктора, самоцветные камни и друзы в шкафах у старого геолога... И десятки других таких же важных предметов наполняли смыслом её жизнь и жизнь дома...

– Вот ведь, какой громадный вымахал! Натуральная пальма. Петровна этот фикус нашла где-то. Палка палкой из кадушки торчала, ни одного листочка не было. А у неё вообще всё растёт. Мы смеялись: «Петровна, ты черенок от лопаты в землю воткнёшь, он у тебя зацветёт...»

Кот Викинг, который сбежал с украинских позиций и перешёл на сторону России при штурме Попасной

Не квартира, а оранжерея. Они все её помнят. Поливаю их, а они словно трогают за руки. Трогают и как будто по имени её зовут. У цветов вообще крепкая память. И у вещей... Они их всех помнят. Где они теперь все?

Кто где... Но те, которые тут жили, они... Они продолжают тут жить. Те, довоенные.

В отражениях мелькают, шаги их шуршат по этим полам. Сны их тут... Бессонные ночи в ожидании загулявших подростов детей... Детские шальные мечты... Пока жива память, они...

А память жива. В каждой колышущейся шторе... В урчании этого героического кота.

А кот у нас героический!

– Ну, опять спрятался? Ну как хочешь, я тебе молока налила, захочешь – выйдешь...

Тут жил старый доктор.

Они, наши крепкие старики, когда были самые страшные обстрелы, выгоняли молодых докторов по домам, и оставались в операционных одни ветераны. Говорили: «Мы уже пожилы, а у вас семьи, вам ещё детей поднимать надо». Так и оперировали под канонаду и взрывы на улицах.

Так вот, этого доктора наш котофей однажды спас.

Старик уж на работу выходить собрался, а эта лохматая бестия устроил тут целую свистопляску. Носился по комнатам, посуду на кухне разгрохал. Иваныч его давай ловить, успокаивать. А кот как взбесился, царапается, убегает. Провозился он с ним с полчаса, не меньше, насилие успокоил. Сел после этого сам, успокоиться, чайку попить. Пришёл на работу, а там...

В эти самые полчаса в его кабинет прилетел снаряд и разворотил там всё. Так что, если бы не этот дебошир, не было бы больше нашего доктора. Он сейчас в центре живёт, поближе к больнице. Чтоб добираться было проще.

А кот уезжать не пожелал.

Уехать-то они все уехали, да выходит, что не совсем. Осталась тут их довоенная жизнь, уж очень мы дружно жили этим домом.

Жили и живём. Не знаю, как уж у них у всех сложилось на новых местах... А мы тут живём...

ДОБРОВОЛЕЦ

Враги грозят бедою у ворот!
 Не время ждать, когда придёт черёд...
 В час испытаний, посланных судьбой.
 Я добровольцем встал сегодня в строй.
 Твой сын, солдат запаса, рядовой,
 С тобой, Россия-матушка, с тобой!
 Наш русский дух вовек неистребим,
 Мы победим! Ты слышишь? Победим!

Идут на фронт защитников ряды,
 Чтоб уберечь любимых от беды.
 Чтоб оградить отцов и матерей,
 Сегодняшних и будущих детей
 От слёз, от геноцида, от оков.
 От натовских ракет и «лепестков».
 Наш русский дух вовек неистребим,
 Мы победим! Ты слышишь? Победим!

Ты не волнуйся, Родина моя,
 С любым врагом готов сражаться я.
 На поле боя, на передовой
 Тебя от пуль я заслоню собой.
 Исполню с честью долг священный свой,
 Как Невский, как Суворов, как Донской!
 Наш русский дух вовек неистребим.
 Мы победим! Ты слышишь, победим!

МАЛЬЧИК-СОЛДАТ

Трубы трубят – будят ребят:
 Тревога! Тревога! Тревога!
 Мой незнакомый мальчик-солдат,
 Останься живым ради Бога!

Мальчик-защитник, мальчик-герой,
 Сердце моё рядом с тобой!
 Мы за Отчизну в ответе.
 Ты мне – как сын! Ты мне – как брат!
 Мой незнакомый мальчик-солдат
 Стал самым родным на свете!
 Ночью и днём ты под огнём,

К победе трудна дорога.
 Мой незнакомый мальчик-солдат,
 Останься живым ради Бога!

Мальчик-защитник, мальчик-герой,
 Выпал тебе путь боевой,
 Подвигу сердце открыто.
 За русскую землю ты снова в бою...
 Тебе посылаю молитву свою ~
 Святой оберег и защиту.

Ночью и днём ты под огнём,
 К победе трудна дорога.
 Мой незнакомый мальчик-солдат,
 Останься живым ради Бога!

ПОСЫЛКА ДЛЯ ФРОНТА

Этот день особый, знаем,
 И ответственный вдвойне:
 Мы посылку собираем
 Тем, кто нынче на войне!
 В стороне не мог остаться
 Наш «детсадовский отряд»,
 Мы решили постараться,
 Чтоб поздравить всех солдат!

Чтоб улучшить настроенье
 В новогодний день и час,
 Пусть вернётся на мгновенье
 Детство к каждому из вас.
 В праздничной посылке этой
 (То, чего на фронте нет),
 Мы вам скажем по секрету:
 Там полным-полно конфет!

Карамельки, и помадки,
 И суфле, и мармелад...
 Это будет самый сладкий,
 Самый действенный «заряд»!
 Знаем точно, что конфеты
 Прибавляют сил в пути.
 Поскорее до победы
 Мы желаем вам дойти!

ДОЧКА ОФИЦЕРА

*Дочери погибшего замкомандира
десантно-штурмового батальона
морской пехоты ЧФ России
майора Дмитрия Вострикова*

С тумбочки и на пол...
Прыгаю в прихожей.
Я хочу быть, папа,
На тебя похожей!
Быть такою доброй,
Смелой и отважной!
Помнишь, на прогулке
Ты сказал однажды:

«Дочке офицера
Плакать не пристало –
Если даже больно,
Если ты упала.
На тебя равняться
Будет детвора –
Дочка офицера
Сильной быть должна!»

Я завет нарушить
Этот не посмею:
Смелой и правдивой
В жизни стать сумею.
Говорят, с тобою
Очень мы похожи.
Ты по мне скучаешь?
Я скучаю тоже...

Жду, когда вернёшься
Из командировки,
Покажу, как прыгать
Научилась ловко:
За тебя, мой папа!
За морской десант!
Вместо парашюта –
Белоснежный бант...

В то, что не вернёшься,
Верить не хочу!
В стёклышко портрета
Я тебе шепчу:

«Пусть никто не знает
Нашего секрета».
Трогаю губами
Краешек берета...

«Расскажи мне, папа,
Как с врагами дрался.
Как ты в Мариуполь
Под огнём прорвался.
Как, людей спасая,
Поделился хлебом,
А потом, как ангел,
Улетел на небо...»

Папа смотрит молча
На меня с портрета.
Знаю, он не выдаст
Нашего секрета.
О делах домашних
Мама всё расскажет,
Брат свои пятёрки
В дневнике покажет.

С тумбочки и на пол
Прыгаю в прихожей...
Я своим упорством
На тебя похожа!
Подрасту немного,
И случится чудо:
Прыгать с настоящим
Парашютом буду!

Я раскрою купол,
Словно крылья птица,
Крикну в небо: «Папа!
Можешь мной гордиться...
Не предам вовеки
Родину и Веру.
Вырасту достойной
Дочкой офицера!»

*Енот Херсон с его полосатым
братом-десантником*

«Разве тебе не жалко этот букет сирени»

*Всё, что я рисую – я вижу.
И хочу, чтобы видели и остальные.
Автор зарисовок и телеграмм канала
«Я вижу» передал оригиналы своих работ
Музею обороны Севастополя.
<https://t.me/mydrawingdiary>*

Машенька

Верны заветам предков. Новороссия, осень 2022

Ярое Око. Позиции ИБ Пятнашка на Авдеевском направлении., Ноябрь 2022.

Сергей ТЕСЛО
г. Севастополь

ИЗ ДОНЕЦКОГО АЛЬБОМА

Многие давно расстались с проводными телефонами – этими памятниками цивилизации из прошлого века. Оно и понятно, сейчас у всех мобильные, а то и по два. Это гораздо удобнее. Однако порой ещё встречаются вот такие вот экzemпляры – работающие.

Зачем?

Нет, это не чудачество. Это... Это скорее надежда. Да, пусть наивная... А надежда, она всегда наивная. Не замечали?

Надежда на то, что вдруг по нему возьмёт да и позвонит наша молодость.

Ну вот то наше «раньше» время, наша «раньше» жизнь, по которой у нас такая отчаянная ностальгия, в воскрешение которой мы так безумно, по-детски верим. И надеемся.

А оно, она... ну время, то есть молодость... они наших мобильных телефонов не знают, эти

мобильные появились как раз на грани времён... Они знают только этот, из прошлого века, номер которого был как пароль, а иногда как молитва...

Сейчас в этой трубке живёт только вот этот длинный зуммер.

Ничего мы ещё подождём. Мы пока ещё можем, держимся пока ещё. Надеемся. А ещё листаем вот этот альбом. Это наш донецкий альбом.

Мы встретились в этом городе три десятилетия назад, чтобы не расставаться больше ни на день. И потому его первые страницы заполнены ощущением непрерывного счастья.

В образе альбома есть какая-то особая задушевность, какое-то забываемое нынче ощущение времени, которое умудряется вить себе гнёзда на альбомных страницах, между которыми раньше любили устраивать гербарии. Это было так давно, что кажется, будто цветы и травы наших

воспоминаний, нашей личной истории вросли в сами эти страницы, что страницы спрессованы из них. Вот мы прикасаемся к ним кончиками пальцев, ощущаем пульс времени, и живые картины наполняют память упругой силой, неуёмной и неисчерпаемой, какая бывает только в детстве.

Мы очень любили этот город, и он отвечал нам взаимностью. Наши проекты росли как грибы – буйно, весело и нахально.

Мы тогда сотрудничали с Москвой. Работали настолько успешно, что нас регулярно звали туда переселиться. Мы лишь улыбались в ответ на эти приглашения и звали приглашавших в гости. Те, кто приезжали к нам, быстро понимали, почему мы не хотим менять свой Донецк даже на столицу.

Те наши реалии складывались в дивное сказочное пространство.

Один из самых успешных в стране киноклубов, молодёжный театр, две галереи, телередакция, молодёжный фестиваль, летняя школа для одарённых детей на азовском побережье и художественный пленэр в Святогорье, арт-альбом «Территория-Текст»...

Находились честные бизнесмены и порядочные чиновники, помогавшие нам в наших проектах... Ну в какой столице, скажите на милость, мы найдём всё это?

Жизнь текла весёлой рекой, и мы плыли по ней, как на волшебной лодке.

Но ветры лихих девяностых уже носились над родным городом.

Расстреливали людей в кафе и на трапах самолётов, взрывали на стадионах...

Это была настоящая война. И особый ужас состоял в том, что её упорно не желали считать войной. Её попросту старались не замечать. Гибли люди, исчезали возможности, страшные ветры перемен выдували из города всё то, из чего сложилось наше жизненное пространство.

Эти окаянные ветры всё же вынесли нас в Москву на долгие 20 лет. Грех жаловаться, столица приняла нас радушно. Были и столичный телеэфир, и работа в фестивальных дирекциях, общение с заслуженными и народными, стопки дипломов и полки, уставленные призами. И лю-

ди-то попадались в основном хорошие, спасибо им сердечное.

Но вот на Донбассе случилось... Словно опорные слои задвигались.

Но что это?

Фронт... И с разных его сторон говорят совершенно разное. Чтобы иметь своё мнение, нужно быть там. Нужно вернуться.

Да, стоит только вернуться. Но, Боже, как же нелегко дорого стоит это в наше окаянное время.

Сын прошёл эти 20 лет рядом с нами. Вышел мальчишкой и вернулся мужчиной.

Он вернулся первым. В четырнадцатом.

Приехал на первые блокпосты, оставив сытую московскую жизнь, завидную для многих работу, творчество талантливого фотографа, толкового оператора видеосъёмки и монтажа, актёра и литератора.

Сменял это всё на окопы и будни фронтовой разведгруппы. Увлечение альпинизмом и военным делом оказалось актуальнее.

И вот мы возвращаемся в Донецк собирать его следы. Снимать сквозь слёзы кадры, в которых его портрет плывёт над бескрайней рекой Бессмертного полка.

Господи! Ты дал мне жизнь. Ты сделал так, чтобы я родился в этом странном мире, и вот уже больше полувека я пытаюсь понять зачем. Тебе ли не знать, что никто меня тут не ждал. Все эти годы я непрерывно убеждался в том, что кроме Тебя обо мне некому было позаботиться.

Я не ропщу, Господи! Ибо Ты не дал мне возможности сомневаться в Твоей заботе. Ты посылал и посылаешь мне Свои дары, они спасают меня неизменно. Твои дары невозможно спутать ни с чем другим, поскольку появляются они тогда, когда им больше неоткуда взяться.

Когда я совсем было потерял смысл жизни, Ты послал мне ЕЁ, и в жизнь снова вернулось счастье.

А ещё Ты послал мне СЫНА.

Его все любили. Господи, Ты никогда не посылал мне столько любви, сколько отмерил ему.

Он вообще получал в жизни всё то, о чём я в своё время мог только мечтать.

Зачем Ты сделал его таким похожим на меня? Нет, я, конечно, понимаю, что сыновья должны быть похожи на своих отцов, но не настолько же... Хотя Тебе, конечно, виднее...

Ну не хочешь же Ты сказать, что СЫН – это такая форма меня самого, которая позволяет увидеть, как сбываются мечты... Или именно это Ты хочешь сказать?..

А потом грянула эта война.

Мог ли я удержать его, не пустить?.. Нет, отчаянно нет... Да он был уже и не мальчик. Он мужчина и сделал свой выбор.

И вот теперь мы с ней ходим по донецким улицам и тропам и собираем его следы. Ведь Ты же знаешь, что мы непрерывно ощущаем его присутствие рядом. Значит, послав нам его, Ты послал нам ангела?

Господи, можно мы будем так думать? Ты же знаешь, что мы не можем думать иначе. Иначе жизнь будет невыносима...

Спасибо Тебе, Господи, за ещё один ДАР. За ДАР ВЕРЫ в то, что СМЕРТИ НЕТ.

Знаешь, Господи, мне снятся тут дивные сны. Они очень мало отличаются от реальности. Так мало, что я уже воспринимаю их как одну из её версий. Их же много в нашей жизни. Есть реальность дома, есть реальность работы или службы, реальность праздника и реальность будней. Все

они имеют свои особенности, мало совместимые с соседними формами бытия. Мы же вряд ли станем разворачивать подробности окопной жизни в своём доме. Да и особенности шумного праздника на площади в уютных стенах дома тоже будут смотреться аляповато. Но это же не мешает всем этим разностям быть реальностями. Вот так и эти мои сны – они стали для меня одной из таких реальностей.

В центре моих снов обычно костёр, у которого собралось некое боевое братство. Мужественные лица освещены пляшущим пламенем. Их беседа несуетлива, но каждое слово и даже молчание их особо увесисты, за каждым словом и каждым взглядом глубокий смысл и чрезвычайная сила.

В свете этого костра нам ясно видно, что на этой земле выходит в реальность сама Русь – неделимая в пространстве и во времени. Все её герои из различных эпох плечом к плечу выходят из забвения, развеивая морок беспамятства. Русь, бесконечно возрождающаяся из пепла, как легендарная птица Феникс, как былинная Жар-птица, чьи световые перья мерцают в крови её защитников. В реальный мир является древняя мифология, получившая живительные силы тех, кто сегодня вдыхает в образы предков своё дыхание, сверяет с ними удары своего сердца и получает от них особую силу взгляда и крепость духа, который ещё никому не удалось сломить в известной миру истории.

Двенадцать месяцев

Татьяна ШОРОХОВА (Татьяна Сергеевна Чичкина)
г. Севастополь

Здесь высокого сердца горение!

А В ДОНБАССЕ УБИВАЮТ РОССИЮ

На Приморском и светло, и красиво,
Волны – в просинях...

А в Донбассе убивают Россию –
Новороссию.
Цвет акаций душу настроит
В лад с узорочьем...
А в Донбассе погибают герои
В сердце с горечью.
В Севастополе с могильными плитами –
Маки истовы...
А героев обзывают бандитами,
Террористами.
Роза прелестью своей озабочена
Рядом с тополем...
А в Донбассе оборона не кончилась
Севастополя.

Севастополь, 27.05.2014

БУДЕТ ПАМЯТНИК ЗДЕСЬ

Героям Новороссии

Вдовий плач... Детский всхлип...

Парень русского роду-племени
Здесь геройски погиб –
Это правда нашего времени.
За рубеж правоты –
Здесь высокого сердца горение!
Истекли на цветы

Капли крови на месте сражения.
А возмездье – не месть!
И победа всегда с перегрузками!
Будет памятник здесь!!!

А иначе – какие мы русские?..

Севастополь, 13.02.2015

БРАТУ НА УКРАИНУ: ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Ну что ж, харьковчанин, быть может, теперь
Поймёшь ты своих земляков на Донбассе?
...Куда он помчится, тот загнанный зверь,
Что рылом пристроился к натовской каске?
Спокойно ты спал по ночам восемь лет,
Когда по Донецку из пушек стреляли.
Эх, брат, не один там ребёнок отпет,
Пока твои дети в Европе гуляли.
Теперь возвращается Правда на Русь.
В подвале сиди. И молись. И не трись.

Не суйся за НАТО в несправедный бой.
Возможно, увидимся скоро с тобой.

Севастополь, 27.02.2022

БРАТУ НА УКРАИНУ: ПИСЬМО ВТОРОЕ

Зачем пришли? – мучительный вопрос
Тебя терзает, сердце рвёт сейчас...

Сумей понять: мы строим новый мост
Над пропастью, что разделила нас.
Ты сам найдёшь единственный ответ –

Расскажет правду Северский Донец.
Ты слышишь вопль земли «фашизму – нет!»?
А в ней – дядя лежат и твой отец,
Что пострадали на большой войне.
Не ты ли рядом с памятником рос?
Зачем ты предал их? Ответь и мне
На главный и мучительный вопрос.

Нам всё придётся вспомнить и понять.
И настоящих выявить врагов.
И мы сейчас возвращаем землю вспять
За право жить у мирных берегов.

Славянская семья не лишь погост!
Её роднит и веры общий глас!
...Сумей понять: мы строим новый мост
Над пропастью, что разделила нас.
Севастополь, 03.03.2022

БРАТУ НА УКРАИНУ: ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

В происходящем – не в бешенстве, –
Брат, разбирайся. Не в зѧпале.
Междоусобица? Если бы... –
Битва Востока и Запада!
Вряд ли тобою отвергнуты
Ценности – дед им порукою!
Как же смирился ты с гендерным
Экспериментом над внуками?
Пусть семьянин ты проверенный,
Да и в дерьме не испачкался,
Только мальчишки намеренно
В бездну отправлены пачками
Теми, кто с Западом снюхался.
Ты ли за эти «достоинства»?
Брат мой, опомнись. Очухайся!
Влейся в Спасителя воинство.
Вами командует ставленник
Сил сатанинских – на горе вам!
Знаешь, идѧт не случайно ведь
Бой на твоей территории...
...Скоро уж веточка вербная
Людам напомнит о злѧгоде¹.
Междоусобица? Ведай ты:
Русь поднялась против Запада!
Севастополь, 08–09.03.2022

Николай ИЛЬЧЕНКО

Севастополь

* * *

На земле, снарядами изрытой,
Нежные ромашки расцвели,
И солдатик битый-перебитый
Оторвал цветочек от земли.

Он прошѧл нелѧгие дороги,
Дом родной оставив вдалеке,
И сидит, в воронку свесив ноги,
Держит чудо белое в руке.

По годам он всё-таки парнишка,
Но в бою – с другими наравне.
Эта небольшая передышка –
Лучший из подарков на войне.

Скоро вновь на душу нараспашку
Он наденет свой бронезилет,
А пока он смотрит на ромашку
И гадает, любит или нет.

* * *

Тихо, над бухтой тумана плывѧт пелена,
Ветер прилѧг отдохнуть между лапами сосен.
Рядом врагами готовится снова война,
А в Севастополе мирно, спокойно и осень.

Снова засыпан листвою Приморский бульвар,
Огненно-жѧлтым пронизана светом аллея.
Старый буксир как кипящий пытит самовар:
Ташит он баржу огромную, сил не жалея.

Осень листву обрывает с кустов и деревьев;
Вот и не спрячутся в голые кроны вороны.
В небе железные птицы кружат, одурев, –
Это летят в нашем небе, как коршуны, дроны.

¹ Злѧгода (укр.) – согласие, лад, мир.

* * *

Над Донецком чайки не летают,
А летают мины и снаряды.
Здесь святые люди обитают
И стоят военные отряды.

Против обезумевших уродов
Родина собрала тех, кто в силе:
Братскую поддержку всех народов,
Всех национальностей России.

А в полях, где хлеб сложили косы,
В бездорожье, слякоти и стыни
Наши черноморские матросы
Защищают русские святыни.

И в боях бывает передышка:
Попритихли злые ВСУшки,
А из Севастополя «братишка»
Привыкает к сухопутной пушке.

Здесь работу делают посменно
И в душе надеются на Бога.
В блиндаже матрос уснул мгновенно,
Ведь на отдых времени немного.

Очень быстро те минуты тают.
На бушлате светятся награды.
Над Донецком чайки не летают,
А летают мины и снаряды.

* * *

Нынче в бухте волнуется море,
Брызги волн неприятно горчат,
Колокольные звуки в соборе.
И тревожные чайки кричат.

Небо хмурится, чайки кружатся,
И гудят, и гудят провода:
От предчувствий нельзя удержаться,
Что над городом кружит беда.

Я на пирсе стою, беспокоясь
Не от тонн налетевшей воды, –
Символ города, в море по пояс,
Беззащитен от злобной орды.

В непокорную часть моей суши,
Получив индугенций пакет,
Наши братья, продавшие души,
Тычут рыла английских ракет.

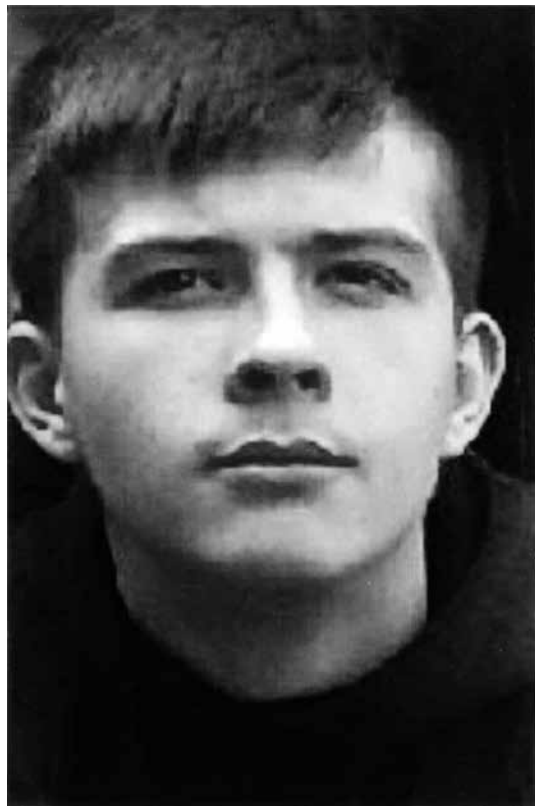
Мне не видеть покоя отныне.
Поломайте копья острие.
Защитите хотя бы святыни –
Не травмируйте сердце моё.

Татьяна ВОЛЬНОВА

ОДНА НА ВСЕХ МОЛИТВА

Одна на всех молитва –
Спаси и сохрани
Всех наших русских воинов
Для жизни и любви,
Для вспаханного поля,
Для утренней зари,
Твоя святая воля,
Спаси и сохрани
Для детской колыбели,
Для женского тепла,
Для новогодней ели,
Прозрачного стекла
На том столе, где праздник,
Где мама и жена,
Где за окном алмазно
Звучат колокола.
Прошу, спаси мальчишек,
Им надо долго жить,
Им жёны ребятишек
Должны ещё родить.
Спаси их и помилуй,
Они стоят за нас
Неодолимой силой
И с верой в Божий глас.

МЕЛЁХИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЧВК «ВАГНЕР»
(04.01.2002–18.10.2022)

«МАМА! ХОЧУ ДОМОЙ»

Анатолий ТРУБА

Дмитрий Мелёхин прожил очень короткую, но яркую жизнь, которую отдал за Родину.

С детства жизнь готовила ему испытания и закаляла. Воспитываясь в большой многодетной семье, Дима был с детства приучен к сельскому труду, помогал не только маме, и соседи могли рассчитывать на его помощь. Ну а мама, Наталья Евгеньевна, поднимая четверых детей одна, приучала их к взаимовыручке и доброте. Сыновья с детства много трудились – большой огород, подработки, помощь по хозяйству, ну и, конечно, баловались.

В детстве Диму напугала собака. Мальчик стал заикаться, но работал над собой и, чтобы победить страх, стал заниматься с собаками, принося щенков домой, перебарывая себя. В другой раз три брата ушли на «охоту» на уток, с

палками и заблудились. Река, лес. Искали пропавших детей всем селом, и только Дмитрий смог найти их и вывести к дому.

Рос Дмитрий обычным парнем. Любил играть в футбол, создал дворовую команду. Жал на Масленицу гирию. Рос спортивным парнем. Любил технику. Ездил на концерты в Мичуринск. Делился с родными мечтами, что женится и назовёт дочку Кирой. Окончив девять классов, поступил в Липецкий колледж на мастера по ремонту холодильников. Там жил отец, мама поддержала начинание. Стал Дмитрий и с девушкой встречаться.

Но в 18 лет попал парень в драку и в 2020 году был осуждён.

С началом специальной военной операции Дмитрий Мелёхин сразу решил пойти на фронт. Ярким примером для него стал старший брат Андрей, который два раза был командирован

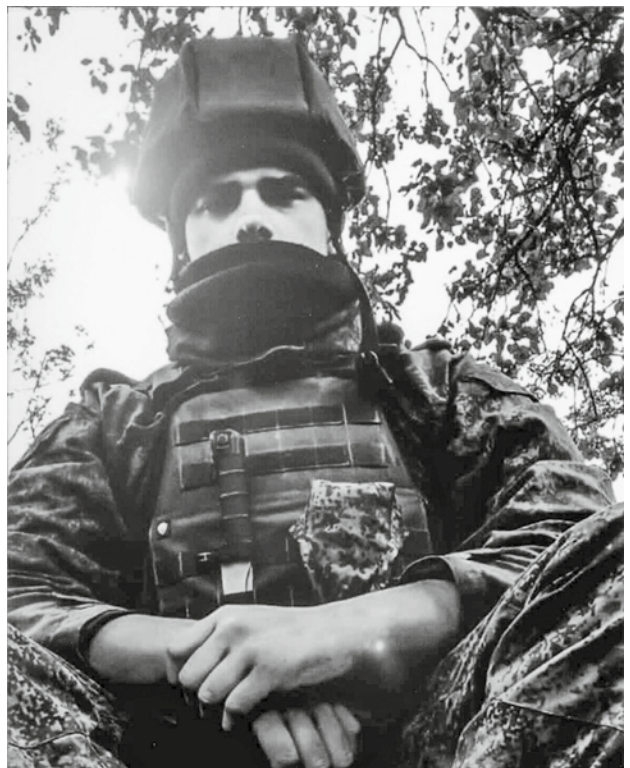
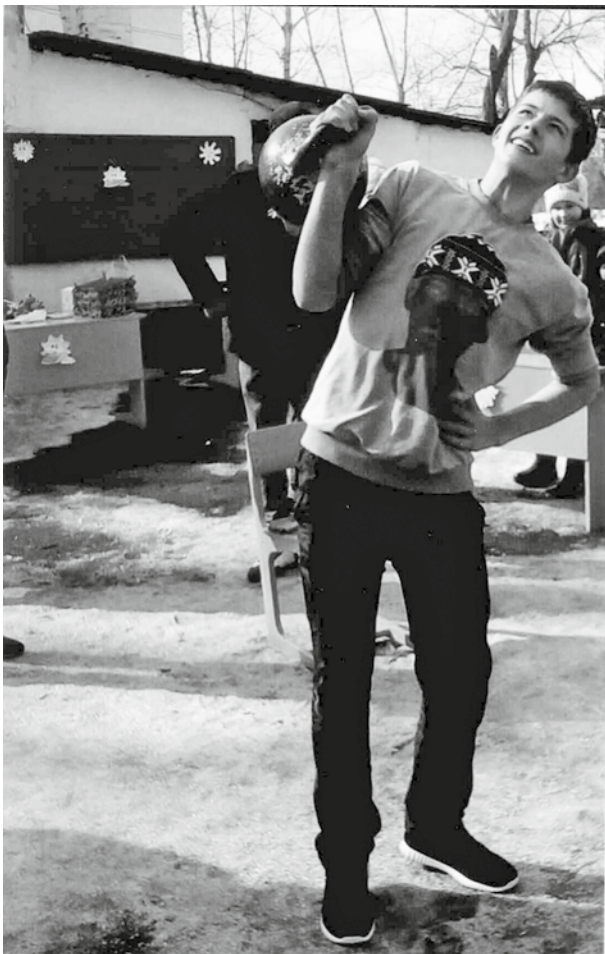
на Украину в составе добровольческого соединения «Барс», был ранен, но после госпиталя вернулся на передовую.

Вот и Дмитрий воспринял призыв ЧВК «Вагнер» как шанс, и 15 сентября после учебки под Краснодаром Дмитрий Мелёхин был направлен в самое пекло, под Артёмовск. 11 октября он последний раз связался с родными и попрощался фразой «Мы уходим в бой».

Дмитрий подорвался на mine во время боя. Погиб 18 октября 2022 года. Захоронен в Луганской Народной Республике.

Мама Наталья Евгеньевна узнала о смерти сына много позднее. Дмитрий стал сниться матери и просить: «Мама! Хочу домой». Несчастливая женщина долго искала могилу сына и нашла спустя полгода.

31 мая 2023 года Дмитрий Александрович Мелёхин был захоронен на родине, в селе Большая Сосновка Мичуринского района. Награждён медалью «За отвагу» посмертно.

**ЧАСОВСКИХ
КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ**
гвардии майор
(18.08.1989 – 19.09.2023)

РОКОВОЙ ВОЗРАСТ

Летом 1989 года в семье Часовских, проживавшей в городе Мичуринске Тамбовской области, готовились к рождению второго ребёнка. Мама, Валентина, надеялась, что родится девочка, к тому же все народные приметы говорили об этом, но факт рождения сына, которого по единодушному согласию назвали Кириллом, радости не убавил, а, наоборот, вселил надежду на продолжение рода.

Несмотря на слабое здоровье, мальчик рос любознательным, старался быть самостоятельным и всегда впереди. В доме постоянно слышалось: «Мам! Дай я! Дай я сделаю».

Спорт помог победить детские недуги, а любознательность и желание хорошо учиться у Кирилла были, так как появилась мечта стать военным. Этому способствовал факт того, что родственник семьи Сергей Валентинович Козлов прошёл всю Чечню, попал в плен, но несомненным вернулся в строй, став в итоге

кумиром для мальчишки и наглядным примером для подражания. К тому же стезю военного выбрал и старший брат Кирилла.

Беда пришла, откуда не ждали. В 2002 году Часовских возвращались с торжественного события – в Саратове прошла присяга старшего сына. Все ехали в приподнятом настроении, как вдруг практически на подъезде к дому произошла страшная авария, и находившийся за рулем глава семьи Сергей ударом был выброшен через лобовое стекло на асфальт. Пострадали все члены семьи, но все были живы, и тринадцатилетний Кирилл радостно прыгал, стараясь успокоить взрослых. «Слава Богу, все живы», – повторял ребенок. Но отец не выжил. Это было настоящим потрясением для подростка, травмировало на всю жизнь.

Вся мужская работа в доме легла на плечи Кирилла, заменившего отца в семье. Он много работал и помогал маме на даче, храня мечту,

и в 17 лет поступил в Костромскую академию химической и биологической защиты. В первый год обучения курсант сильно похудел, чем вызвал большое беспокойство мамы, Валентины Валентиновны, которую не переставал удивлять жизнелюбием. Они много гуляли с ней по старинному городу, Кирилл рассказывал об истории Костромы. После обучения был Псков, и спустя полтора года молодого офицера Кирилла Часовских распределили в город, который он полюбил всем сердцем, – Новороссийск.

В 2013 году старший лейтенант Кирилл Сергеевич Часовских выиграл конкурс среди командиров взвода и был назначен на вышестоящую должность в 108-й гвардейский десантно-штурмовой полк 7-й гвардейско-штурмовой десантной дивизии (горной), дислоцированный в Новороссийске, где он обрёл второй дом. Женился на девушке Ирине. Приобрёл друзей-товарищей. На свет появились две его дочери. Обзавелись собственным жильём. Валентина Валентиновна не могла нарадоваться. Приезжала каждый год к семье сына, радовалась, а уж когда Кирилл начал строить частный дом, то казалось, что все мечты сбылись.

Не обделён Часовских был и вниманием по службе. Кирилл Сергеевич получал очередные звания. Весной 2018 года капитан Часовских шёл в знамённой группе. Выглядело это торжественно и красиво. Мама была растрогана до слёз.

Дослужился до майора. От службы не бежал. Был направлен в Сирию, награждён медалью Жукова.

В феврале 2022 года началась специальная военная операция, и майор Часовских стал готовить мобилизованных. С первых дней был на

переднем крае. Работал аврально. Фактически всё время проводил с бойцами. А подготовив, заходил вместе с группой «за ленточку». Трижды. Получил военную травму и вынужденно вернулся домой.

В августе 2022 года семья Часовских въехала в новый дом. Радости не было предела. Сбылась давняя мечта – свой дом в любимом городе, на берегу моря. Была военная пенсия, и сын попросил мать переехать к нему, помочь с внуками.

Валентина Валентиновна с большой опаской наблюдала за жизнью сына. Боялась она цифры 33 – возраста распятого Христа. Предчувствие беды не покидало её, и когда Кириллу исполнилось 34 года, вздохнула с облегчением. Тогда-то беда и пришла...

В начале сентября Кирилл Сергеевич Часовских повёл четвёртую группу российских солдат в Запорожскую область. 19 сентября проходило оперативное совещание с его участием, и целевым попаданием были разрушены два бункера.

Гвардии майор Кирилл Сергеевич Часовских погиб 19 сентября 2023 года близ посёлка Скелеватое Пологовского района Запорожской области. Похоронен 23 сентября на воинском кладбище города Мичуринска.

Посмертно награждён орденом Мужества.

БЕЗРУКИЙ ВОИН

ОТРЫВОК

Сергей АВДЕЕНКО

г. Мелитополь

...Первые полтора месяца в московском госпитале были ужасными. Петрова мучили сильные боли. Он кричал до тех пор, пока силы не покидали его. Позже, когда боли поутихли и Василий осознал весь трагизм своего положения, ему казалось, что жизнь потеряла всякий смысл. Чтобы заглушить душевные страдания, Петров много курил, иногда до ста папирос в день. В те дни он находился в такой глубокой депрессии, что не хотел никого видеть рядом.

Петров лежал в дальней маленькой палате, и к нему входили лишь при крайней необходимости. На вопросы врачей отвечал коротко, неохотно. А тех, кто пытался его «развлечь», он угрюмо обрывал на полуслове и отворачивался к окну. Все видели, что Василия Петрова одолевают приступы мрачной тоски, безнадёжности, но как ему помочь, никто не знал.

«Что произошло? Почему судьба так жестока ко мне?» – спрашивал он себя и не находил ответа. Он вновь и вновь до мельчайших подробностей прокручивал в памяти тот день, когда произошла трагедия. Конечно, можно было спрятаться, отсидеться в блиндаже. Но что подумали бы о нём сослуживцы, те, кто видел в нём отважного воина?

Вернувшись из небытия, Петров оказался перед стеной, и не было никаких сил, желания её преодолеть. Если бы он не был забинтован, то нашёл бы способ, как прервать свою жизнь. Однажды, улучив момент, когда в палате никого не было, сполз с постели, подошёл к окну, которое было приоткрыто. Это был шестой этаж. Василий посмотрел вниз, на асфальтовую дорожку. Если удастся выпрыгнуть, то сразу закон-

чатся все его мучения. Но не судьба! Вошедшая в палату медсестра успела схватить Петрова за рубашку.

Однако Василий не смирился с неудачей. Он долго просил врачей принести ему какую-нибудь отраву, чтобы выпить её и не проснуться. Однажды ему дали такую таблетку. Она лежала на тумбочке. Можно было губами взять её в рот. Петров долго смотрел на неё и не решался проглотить. Не оттого, что он вдруг испугался смерти. О ней Петров мечтал как о величайшей награде. Но что-то удерживало его.

Потом он скажет, что удержало его сознание того, что скажут о нём окружающие люди, боевые товарищи. «Петров – обманщик! Он сдался перед врагом, капитулировал! Говорил, что сильный! На самом деле он слаб...»

Однажды госпитальный врач – пожилой мужчина с усталым лицом – зашёл в палату к Петрову.

– Вы остались живы, – пытался он утешить раненого. – Можно сказать, вам повезло...

– Говорите, повезло?! А на что мне нужна жизнь? Без рук! – послышалось в ответ. – Лучшее бы осколок в сердце – и конец мучениям!

– Милый мой! У меня тоже бывают дурные мысли, – сказал врач. – Я мучаюсь, что плохо делаю свою работу, что не мог спасти того или иного раненого воина. Меня постоянно тревожит, что я не всё сделал для своей Родины. А вы сделали всё! Вы счастливый человек!

– Нашли счастливого! – невесело усмехнулся Петров. – Вы ошиблись адресом, доктор...

– Нет, не ошибся! Сейчас я вам сообщу радостную новость. Сегодня по радио передали, что

вам присвоили высокое звание Героя Советского Союза. Вот пришёл вас поздравить. Вы свой воинский долг выполнили, и Родина вас не забыла...

Петрову и раньше говорили, что у него долг перед Родиной. Но о каком долге идёт речь? Если бы он по своей слабости сдался в плен – хотя обязан был сражаться до последнего, – тогда можно было бы говорить о долге...

И кроме того, что такое Родина? Начинается она не с ручейка, как поётся в песне. Для славянина это место его рождения. И сознание сопричастности к тому, что было до него, ощущение неразрывной связи с отцами, дедами, прадедами, со всем прошлым. Петров говорил, что память предков дорога для него. И он поступал так, как поступали бы они на его месте. Он рождён на своей земле и никуда не мог от неё уйти. Это его Отечество!

Как-то Василия Петрова посетил начальник штаба полка майор Кулемин. Специально приехал, чтобы повидать, передать ему боевой привет от сослуживцев. Когда прощались, как бы невзначай сказал:

– Василий Степанович, не пора ли возвращаться домой? Вижу, вы уже на ногах. Вас полк ждёт.

– Ждёт? – удивился Петров.

– Да, ждёт. Все надеются, что вы снова примете полк. И командир бригады так считает и просит передать вам это. Выходит, дело за вами.

– По-вашему, я смогу ещё воевать? Без рук?..

– Не одними же руками воюют... Я тут вам письма от наших артиллеристов привёз...

Кулемин вытащил из командирской сумки увесистый пакет:

– Адъютант вам поможет...

Петров не знал, что это только начало. Писем в госпиталь стало приходить всё больше и больше. Ответить на всё было физически невозможно. И всё же он старался по возможности писать ответы, диктуя их своему адъютанту. Позже ему захотелось вести переписку самостоятельно. Он стал пристраивать ручку на резинке, брать её в рот и писать, двигаясь всем корпусом. Ежедневно трудился по 14–16 часов. Вначале он научился писать свою фамилию, затем – воинское звание.

И через три-четыре месяца неустанных тренировок мог похвастаться первыми результатами. Дальше – больше. Петров придумал приспособление со специальным зажимом для карандаша и ручки, который прикреплял к плечу. В мирное время он сам написал диссертацию и мемуары. А это сотни, тысячи страниц рукописного текста. Научился ещё кое-что: подхватывать плечом телефонную трубку, пить воду через соломинку. Тогда он понял смысл выражения о спасательной соломинке, за которую хватаются утопающие...

Константин Хабенский с ветеранами СВО на спектакле в МХТ им. Чехова. Москва, декабрь 2023.

Дмитрий БАЛЫНСКИЙ
г. Мелитополь

ЯХТА МЕЧТЫ

Несётся кораблик мечты.
Он мчит из далёкого детства.
А луч путеводной звезды
Укажет дорогу к наследству.
Но это не банковский счёт,
Не дом, не завод и не шахта.
К удаче и счастью плывёт
Мечты быстроходная яхта.
Не страшен ей гребень волны.
По курсу бескрайние дали.
Туда, где есть остров весны
И нет ни тоски, ни печали.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Жалеешь о потерянных минутах,
О том, чего уже не совершишь?
Но всем известно: жизнь – такая штука,
Не каешься, пока не согрешишь.
И время тратишь в поисках ответа:
В чём истина мирского бытия?
В журналах ищешь или же в газетах,
Тогда не слышишь трели соловья,
Не замечаешь красоты восхода,
Всей прелести предутренней зари.
О, как прекрасна матушка природа,
Свою ей душу, сердце подари.
Подумай, чем засеешь жизни поле,
Не хлебом же единым ты живёшь.
И выбор за тобою в этом споре,
Какое семя бросишь, то и жнёшь.

У МОГИЛЫ

В траурной одежде у могилы мать.
Сын её погибший будет вечно спать.
И никто на свете ей не объяснит,
В небесах душа его для чего парит.
Как она мечтала: вот придёт домой,
Скажет, обнимая: «Мама, я живой!»
Дух перехватило, слёзы на глазах,
Мать платок промокший теревит в руках.

Сын её надеждой и опорой был,
Без него нет радости, белый свет не мил.
Пустота на сердце, а в душе тоска,
Но зовёт как будто глас издалека.
Голову поднявши, шепчет небесам:
«Подожди, сыночек, скоро буду там...»
В траурной одежде у могилы мать,
Сил уж не осталось плакать, горевать.

Богдана ГАЙДУЧЕК
г. Мелитополь

РОДНАЯ КРОВЬ

Варвара сидит на стуле, положив ладони на парту. Слева от неё за полураспахнутыми створками белой пластиковой рамы томится в предполуденном зное светлолицая Евпатория. Мерно стучат стрелки часов. Влажно поблёскивает свежевывытая тёмно-зелёная доска. Варвара ожидает: вот-вот стрелка доползёт до двенадцати, и в душное, но приветливое пространство аудитории нагрянут шумные студенты. В душе у Варвары противоречие. Заmeshательство, вызванное необычной встречей, случившейся накануне, поселило в сердце тягучую тоску и в то же время какую-то добрую, жизнеутверждающую возбуждённость, что отразилось на её поведении.

Варвара стройна и хороша собою. У неё гладкие волосы, чувственный рот и нежная линия подбородка. Её ухоженные, сильные руки аккуратно сложены на коленях – она сосредоточенна и расслабленна. Серьги-жемчужины притягивают внимание к красиво очерченному профилю, а сарафан из струящейся ткани подчёркивает фигуру.

Сквозь оконное стекло виднеется серый железобетонный забор, ограждающий унылый исполинский долгострой, так некстати громоздящийся в центре города. Сегодня последний день занятий, затем последует итоговый экзамен и отъезд.

В классе появляются первые студенты – долговязые светловолосые парни с открытыми лицами и маленькие скромные девушки. Скоро она увидит Танечку, темноглазую студентку-второкурсницу, улыбочивую и подвижную. Ещё мгновение, и она быстрым шагом пересечёт порог класса и так же легко одна из первых в пятиминутный перерыв выпорхнет из тесной аудитории. При мысли о ней Варварино сердце сжимается. Танечка напоминает Варваре родную сестру, которой вот уже семь лет нет в живых. Замечая сходство, Варвара скорбит и радуется. Скорбит – оплакивая свою горькую утрату, радуется – возможности видеть дорогие черты в живом человеке. Ещё и каком живом! Живёхоньком! Варваре кажется: Танька – олицетворение целого потока жизней и энергий.

Вот Татьяна повернула голову, отбросив золотистые косы, вот улыбнулась, засмеялась, неловко прикрыв рот ладонью, случайно прикоснулась пальцами к Варваринной руке, передавая книгу, или сосредоточилась, нахмурил тёмные широкие брови, и в груди у Варвары разлился целый океан нежности, любви и благодарности. Любви – к навеки ушедшей родной крови, чистой нежности – к Татьяне, благодарности – к миру.

Варвара вздыхает и глядит на наручные часы. Без десяти девять. Быстро отбрасывает с плеч тёмные пряди, машинально касается жемчужных бусин.

Профессор начинает занятие. Минут двадцать Варвара слушает лекцию с напряжённо-острым вниманием, сложа руки на груди и нахмурил длинные, тонкие брови. Где-то в третьем ряду противно скрипит стул, шепчутся соседки по парте, за окном порывкивает неуёмный инструмент рабочего, надрывно гудит вентилятор, стараясь разогнать паркий воздух. Варвара думает о зное в аудитории и проводит параллель с парилкой, где так же «плавится мозг» и учащается сердцебиение. Перерыв проходит в общей суматохе. Варвара откидывается на спинку неудобного стула, разводит руки, потягивается, улыбаясь, подставляет широкое открытое лицо пока ещё нежному, но коварному евпаторийскому солнцу.

Профессор объявляет о предстоящем завершении занятий, и возбуждённый класс начинает гудеть как улей. Варвара знает: впереди расставание. Она смотрит на Танин затылок, и её светло-синие глаза увлажняются, становятся светлее. Сложно будет забыть нежную Татьяну, иной раз порывистую и темпераментную, иной раз тихую и задумчивую, незнакомую, но ставшую особенной для тоскующего Варваринного сердца. «Зачем забывать? – думает Варвара, – пускай остаётся в памяти вместе с тёплым и лукавым евпаторийским солнцем, то греющим, то обжигающим, с прохладным вечерним воздухом и изменчивым морем, лелеющим и пугающим». Варвара поднимается, стряхивает с себя невидимые пылинки, вздыхает и улыбается старому профессору, одетому в не по-летнему тяжёлый, строгий костюм, привычно откидывает за плечи чёрные пряди и с видимой лёгкостью выходит из аудитории. Завтра она отправится в скромный родимый город, который любит вместе с живой родной кровью и кровью чужой, ставшей дорогой её открытому сердцу.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Небо объято дивным мерцанием
Алой зари.
С утренним светом уходит молчание,
Лес говорит.
Утро рассыпало в травах играющих
Бусины рос,
Будто подарок от где-то блуждающих
По небу гроз.
В зыбкое озеро робко опущены
Локоны ив.
Озеро дремлет, к покою зовущее,
Свет позабыв.
Радостный звон дополняет манящая
Трель соловья.
Солнечный день принимает бурлящая
Жизнью Земля.

ТОПОЛЯ

Виктор ГНЕДАШЕВ

с. Радивоновка, Запорожская обл.

Деревья-символы. Сколько их в наших приазовских краях? Известна калина. Не менее известна ива. Символичны берёза и дуб. Многие из названных растений – национальные символы, но в отличие от человека природа растений не имеет понятия «национализм».

И слава Богу!

Ещё в школьные годы на уроках детям поясняют, что деревья, как и люди, рождаются, живут и умирают. Рождается дерево из маленького и незаметного семечка. И коль родилось дерево, оно живёт красивой и бурной жизнью. Только бы жить ему не мешали засухи да сушовеи. А умирают деревья тихо и незаметно. Иногда мы можем услышать жалобный предсмертный стон ломающегося могучего ствола. Он с грохотом припадает к родной земле, чтобы в последний раз возблагодарить её за жизнь.

Всё как у людей.

...Некогда в нашем селе, неподалёку от широкой балки около ставка, росли могучие, стройные белокорые тополя. Своими раскидистыми ветвями они защищали землю от летнего зноя. Так, наверное, благодарят дети вскормившую их мать. Дарили тополя свою тень и людям, решившим отдохнуть на берегу рукотворного степного озера.

Давно в селе повелось, что парни под ветвями тополей лунными ночами назначали своим девчатам свидания. Стволы тогда ещё молодых деревьев долго хранили тепло ладоней влюблённых пар, ощущая волнуемые биения молодых сердец. Проходили годы, но тополя помнили минуты волнительной радости и жгучие слёзы расставаний.

Почему, собственно говоря, помнили?

Да потому, что сегодня об этих тополях в нашем селе уже вспоминают далеко не все.

Нет больше тополей. И не руки человеческие вмешались в их судьбу. Усталостью старческой и неумолимым временем свалены были некогда крепкие деревья.

Долго, очень долго на своей белой коре тополя хранили истории любви. Через многие годы несли к нам память о ребятах, которые в 1941-м ушли на фронт защищать свою землю, свою родину, свой дом от коричневой чумы фашизма. Эти тополя хранили имена и тех ребят, которые ушли осенью 1943-го и остались на полях смерти под Лепетихой. Остались навечно. Их безжизненные тела тогда прикрыли нежным белым саваном первые несмелые лёгкие, ажурные снежинки.

...Уходили ребята в вечность. Таяли вдалеке за селом платки матерей и любимых. Застрелвал комок в горле новобранцев от расставаний. Не ведая, сколько будет длиться война и кому выпадет счастливая судьба снова встретиться...

Таяли образы родных и любимых людей, уходящих за горизонт. Но долго ещё виднелись взмахи тянувшихся ввысь тополиных ветвей, а переливающаяся на солнце их серебристо-белая листва напоминала белые платки матерей, жён, невест, окропленные горькою слезою. И оглядываясь, покидая родное село, парни видели тополя. Они врезались в память, словно возносились над землёю матери и продолжали махать своим сыновьям, словно поднимались ввысь жёны, словно прощались невесты со своими сужеными...

Приходили к белокорым тополиным стволам женщины, прибежала шумная гурьба детворы. Читали имена молодых парней, даты их последних свиданий с невестами. Здесь, под раскидистыми тополями, в мягком шёпоте листвы всё ещё слышался нежный шёпот влюблён-

ных. Они сливались воедино, растворяясь друг в друге, напоминая о минутах расставания... Для многих – навсегда...

Долго сквозь неумолимое время несли тополя к нам память о любви и разлуке. Несли... Но всё тише становился шёпот листвы. Отмирали тополиные ветви и с шумом падали на землю. Они умирали вместе с теми, кто не возвратился домой, в родное село. Кто больше никогда лунными ночами не будет сидеть под раскидистыми тополями. Кто уже никогда не сможет, нежно обнимаясь, перешёптываться под шелест листвы со своими любимыми.

...Кому-то улыбнулась судьба, и они возвратились с войны в родное село. И часто приходили лунными вечерами к тополям пары, обнимали их тёплые и гладкие стволы, а потом жарко целовались. Слово до войны... Сквозь тишину летних вечеров под сенью тополей слышался наполненный грустью разговор человека и дерева. Вместе они вспоминали о нерастратченной любви, горевали о погибших друзьях. Даже по мужским щекам текли большие горькие слёзы. Никому не понять этих слёз. Но тополя, будто понимая человека, шептали в ответ: «Живы мы... Живы мы...»

Долго ещё ходили девчата к белым могучим тополям-шептунам. Здесь, казалось, самой природой была заложена встреча с любимыми. И верилось, что вот сейчас из-за белого ствола выглянет он, вернувшийся с фронта солдат. Закрывали глаза в ожидании чуда. Вот сейчас нежные ладони коснутся глаз и счастье неожиданно-ожидаемой встречи ворвётся в сердца обоих нескончаемой радостью. Но правда войны жестока...

Белокорые тополя своей серебристой листвой уверенно шептали в ответ девчатам: «Живы мы... Живы мы...»

Шли годы. Взрослели дети. А тополя под сенью своих ветвей встречали гостей, шёпотом своей серебристой листвы провожали сельскую молодёжь в города. И продолжали в селе верить, что, пока стоят тополя, пока шумит их листва, живы солдаты. А значит, когда-то вернуться с той жестокой и кровавой войны.

Пришло время, и упали со скрежетом и стоном сложенные возрастом деревья. Падали, как срезанные пулями солдаты. С печалью забирали из балки ветви и стволы тополей сельчане, чтобы в последний раз ощутить тепло огня своих родных и любимых...

И умер последний тополь. Печально и медленно умер. С тихим стоном упал он, ударившись о землю. Даже несколько раз подпрыгнул, будто пытаясь встать.

Так медленно и тихо умирает память в селе о тех далёких событиях...

Но не хочется в это верить! Если уж нет давно тополей, а люди о них всё ещё помнят, значит, жива память, а значит, живы и любимые парни, живы сыновья, живы мужья и отцы. Просто они вышли... Ненадолго... Значит, живы и наши тополя.

И будут они жить в веках, ибо сама жизнь, как и память людская, бессмертна.

...Степной ветер, проносясь по широкой опустевшей балке над простором небольшого ставка, уже из далёкого далека принесёт в село долгожданную весточку: «...Живы мы... Живы мы... Только помните о нас...»

Ольга ДУНАЕВА,
поэт, писатель,
г. Мелитополь

МАТЬ

Расплылся образ на мольберте,
Цвета смешались, став единым.
В них мать солдата видит сына,
Бегущего навстречу смерти.
Ему пророчили признание
Среди художников маститых,
Но не попал он в круг элиты –
Война дала другое званье.
Цветы салюта красят небо
Под канонады мирный грохот,
И гам кругом стоит и хохот –
И всё, что было, словно небыль.
Холст пожелтевший на мольберте,
А для неё теперь едины
Последняя работа сына
И память, что сильнее смерти.

БАБИЙ ЯР

Душою я вижу, и сердцем я слышу –
Здесь, в Бабьем Яру, земля словно дышит,
Готова сквозь годы поведать о боли,
Чтоб помнили люди о горькой неволе.
По-прежнему любим мы осени краски
И верим, как дети, в наивные сказки.
Но в прошлое память опять возвращает,
О предках погибших она нам вещает.
Здесь ветер поникшие ветви колышет,
А птицы поют и печальней, и тише.
Туманы, как саван, ложатся на травы,
И стонут, и плачут поля и дубравы,
И словно в кино, вижу я то, что было:
На лицах людей безысходность застыла,
Идут чередою, которой нет края,
Колонна одна, вон колонна вторая...
Бредут старики и уставшие дети,
Их матери прячут, чтоб враг не заметил.
Вон там, возле самого краешка Яра,
Ром сбросил сюртук и оставил гитару,
А мальчик еврейский закрылся ермолкой,
Чтоб скрыться от взглядов колючих и колких,

И каждый по-своему молится Богу.
Но выстрелы их обрывают дорогу.
Как страшен нацизм, обладающий силой,
Который больная идея взрастила.
Во все времена ей пощады не будет,
Ведь праведный гнев наш никто не остудит!

Светлана НЕПОМНЯЩАЯ
г. Мелитополь

ДОМ, В КОТОРОМ ОСТАНОВИЛОСЬ ВРЕМЯ

Едва переступила порог знакомого дома,
как на меня набросилась ТИШИНА. Липкая,
сонная, давящая. Остановилась в замешательстве.
Раньше бывала здесь множество раз. Дом
встречал звоном детских голосов, ароматом
ванили, доносящимся из кухни, приветливой
улыбкой хозяйки, чашечкой кофе с ещё тёплыми
булочками. Что изменилось? Прошла
по всем комнатам, внимательно оглядываясь
по сторонам. Как будто ничего. В углу мягкого
уголка по-прежнему сидит мохнатый кот, подаренный
мною на прошлое Рождество маленькой Танюшке.
Шкафы заполнены книгами и трофеями,
добытыми в спортивных соревнованиях шестиклассником Мишей.
Гитара хозяина дома. И часы. Везде над дверью часы.
В зале и спальне, в детской и на кухне, в кабинете

и даже в коридоре. Хозяева ценили каждую минуту. Время для них действительно было на вес золота. Помещение всегда наполняло ненавязчивое, монотонное, размеренное постукивание: тук-тук-тук, так-так-так, тик-тик-тик... Я поняла: они молчали! В этом доме исчезла ЖИЗНЬ, в нём остановилось ВРЕМЯ.

В удручённом состоянии заперала все замки, честно выполнив просьбу подруги проверить, всё ли в порядке. Сейчас она далеко.

Как хочется надеяться, что однажды все вернутся домой, что проснутся спящие стены, что снова забурлит жизнь в охраняемом ими пространстве, что удастся реанимировать время и услышать знакомое мурлыканье часов...

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Они уходили в Вечность
И загорались звёздами.
И зажигали свечи
Памяти дети и взрослые.
И говорили шёпотом,
И вспоминали прошлое.
И проносился с топотом,
Как по лугам нескошенным,
Резвый табун неистовый
Мыслей, рассказов, повестей
О тех, кто сумел и выстоял,
Став эталоном доблести.

* * *

Не умею я жить, но могу выживать,
По течению не плыть, и не брать, а давать.
Не учите меня прогибаться и льстить,
Пусть не рвётся в душе знойной совести нить.
Я ещё поживу, покопчу небосвод,
Защищая родных от потерь и невзгод,
Согревая теплом и друзей, и врагов:
Если сердце стучит, значит, выбор таков!
Я бразды отпущу и отдамся ветрам,
В сердце гнев не впущу, прошлых дней
не отдам

Ни за летний сезон, ни за шелест купюр,
Ни за труб медных звон, ни за ложь
конъюнктур.

РЕИНКАРНАЦИЯ

Я прожужжу пчелой над летним лугом,
В нектар душистый превращу любовь,
Четвероногим стану вашим другом,
Чтоб защищать, оберегая, вновь.
А может быть, я камнем на дороге
Под ваши ноги лягу в час ночной,
И вы споткнётесь о него в тревоге,
Но будет невдомёк, что он живой.
Я загляну в окошко ветром смелым
И шторой мягкой ласково кивну
Да обниму за плечи между делом,
К щеке чуть слышным шорохом прильну...
Кто знает, в чём душа живая бьётся,
Через кого нам тёплый шлёт привет,
Росою плачет, радугой смеётся,
Ища в толпе знакомый силуэт?

* * *

Когда зажигаются звёзды,
Чьи-то уходят души.
Знаю, ещё не поздно
И говорить, и слушать.
Когда закрываются двери,
Нету назад возврата.
А до поры той, верю,
Не истребит брат брата.

Коты со стальными нервами. Защищенное музыкантами Зайцево, октябрь 2022

ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Елена ШЕЛЕСТЕНКО

г. Херсон

* * *

Даже птицы в России знают,
Что душа тут особого сорта.
Наша общая цель закаляет,
Не боимся ни бога ни чёрта.
Никогда мы не бросим друга,
Ни за что не пройдем мы мимо.
Ни жара, ни метель, ни вьюга...
Если надо, дойдем до Рима.
Жаль, поляки совсем забыли,
Кто в концлагере выключил печи.
Они, видимо, слишком остыли,
У солдата не дрогнули плечи.
Мы спасаем всю Землю снова,
И плевали мы на запреты.
Дружба, честь и любовь – основа,
Ведь Россия – душа планеты!

* * *

Сегодня закат был багряным,
Победу учуяв как будто,
От свежего ветра пьяным.
Шёл русский солдат ранним утром.
Девятое мая скоро,
Для нас это праздник главный,
Не надо для нас другого,
А вас ждёт конец бесславный.
Вы проклятые навеки,
В свои обмотавшись флаги, –
Моральные вы калеки
С коронами из бумаги.
Идите куда подальше
С Бандерой, своим героем,
Пропитаны насквозь фальшью,
Толпитесь осиным роем,
Поёте чужие песни,
Дудите в чужую дудку,
Вы мерзкие, хоть ты тресни,

Идите в собачью будку.
Сегодня закат был свинцовым.
Россия, расправив крылья,
Дойдет до Берлина снова,
А вы покроетесь пылью.
Герои ваши как черти,
Лишь русские люди с Богом.
В аду вам гореть после смерти,
Туда вам прямая дорога.
За что воевали деды?
За ваш озорной гей-парад?
Мы празднуем свой День Победы.
А вы отправляетесь в АД.

* * *

Вместо птиц тут летают дроны,
На полях не растут цветы,
И вокруг только боль и стоны,
Материнского сердца мольбы.
Вся Херсонская область в руинах,
Нет живого места уже.
Вся земля в окопах и минах,
Как открытая рана в душе.
Сколько жизней война забрала,
Сколько судеб постигла боль!
Но Америке этого мало,
Ей умножить всё нужно на ноль.
На планете ненужные люди,
Беспринципные, без души.
Всё хотят получить на блюде.
Всё хотят скупить за гроши.
Только русская сила крепче,
Только русский дух не сломить.
Только русский планету лечит.
Только русский умеет любить.

* * *

Дорогой мой питерский солдат,
Мысленно с тобою вся страна.
Пусть не будет для тебя преград,
Пусть дрожит от страха Сатана.

Ты уже увидел мой Херсон,
А теперь поехал на Донбасс.
Это всё один кошмарный сон,
Божье испытание для нас.

Ты стоишь на страже доброты,
Правда и победа за тобой.
Потому что русский мальчик ты,
Просто ты не можешь быть другой.

Каждый вечер я за вас молюсь.
Каждый день рискуете собой.
Если бы ты знал, как я боюсь.
Лишь бы ты пришёл домой живой.

P.S. Я на твоё фото посмотрю,
Подниму я руки к небесам.
Я тебе всё время говорю:
«Я тебя узнаю по глазам».

ПРАВДА О РУССКОМ ХЕРСОНЕ

24 февраля весь город проснулся раньше обычного. У всех в голове крутилось одно слово – «война», началась война, бомбят аэродромы по всем городам нынешней Украины.

Понимание происходящего пришло не сразу. Только спустя какое-то время дошла информация, что после официального признания В. В. Путиным Донецкой и Луганской народных республик украинские, наплевав на объявление Президента России, в очередной раз принялись обстреливать Донецк.

И через два часа после этого был отдан приказ бомбить аэродромы Украины.

Так что на самом деле все эти действия спровоцировала украинская власть. Но это уже нет смысла обсуждать. Этот факт остался за кадром последующих событий.

Очевидцы рассказывали, что видели, как из здания СБУ оперативно выгружали документы, технику и вывозили в неизвестном направлении. То есть за город сражаться никто и не собирался.

Но и это не самое интересное.

Несколько дней на Антоновском мосту, построенном ещё при СССР, в 1986 году, шли тяжёлые бои, были потери техники и людей с обеих сторон.

И только 1 марта в Херсон вошли русские войска.

Заходили с нескольких сторон города, в некоторых местах их пытались силой остановить неподготовленные люди, называющие себя территориальной обороной, которым наспех выдали по автомату, да ещё и один херсонский активист Константин Рыженко, начитавшись в интернете рецептов коктейля Молотова, помог ребятам наколотить этой гремучей смеси, а сам в это время пошёл отсыпаться в бункер.

Со слов очевидцев, русские войска, входившие в город, никого не трогали, прошли мимо кладбища, мимо овощных баз, просто осматривая местность, дошли до большого супермаркета «Новая Линия», там стояли нанятые хозяином охранники с оружием, но они сразу подняли руки вверх, даже не попытались воспользоваться этим оружием, и пояснили, что они просто охранники, их не тронули.

Но когда прошли ещё немного, на пути у военных встала тероборона.

Им было тут же предложено разойтись по-хорошему, так как отдан приказ войти в центр города. Но тут кто-то из украинцев крикнул: «Огонь!» И началось...

Перестрелка длилась около часа.

Из-за того, что тероборона обосновалась между жилых кварталов, пять домов полностью сгорело, многие были повреждены, каким-то попало в крышу, у каких-то вылетели окна.

Был и смешной случай.

Из крайнего дома подвыпивший хозяин с радостью вышел встречать русских, выкрикивая: «Хлопцы, хлопцы, наши идут!» И тут русский спецназ показал свою сущность. Отстреливаясь справа, они спасали слева весело-

го мужика, положив его на землю и крикнув: «Ползи домой, балбес, тебя же сейчас убьют». Жена балбеса чуть с ума не сошла за эти несколько минут, показавшихся вечностью. Но, забегая вперёд, уточню: с мужиком всё в порядке, спецназ его спас.

Ближе к вечеру, после боя, люди из окрестных домов стали потихоньку выходить. 36 трупов тероборонцев валялось в округе.

Это был бой в Сиреневом парке. Да-да, именно тот бой, видео которого показал у себя на канале Владимир Соловьёв.

Погибших убирать никто не собирался, администрация города не стала утруждать себя этим. А вот бродячие собаки сразу же начали растаскивать тела по частям. Это было реально жуткое зрелище. Пришлось людям самим организовывать сбор и перевоз погибших на кладбище.

Ещё одна курьёзная вещь произошла в это время. Из кармана одного из погибших выпал звонивший телефон. На табло отобразилась надпись «Жена». Женщина, помогавшая собирать останки, взяла трубку дрожащими руками, чтобы сообщить о смерти мужа звонившей жене, и стала говорить: «Я, такая-то, нахожусь в Херсоне, в Сиреневом парке...», но жена, не дослушав до конца, истерическим голосом стала орать на женщину со своим жутким западным акцентом: «Ты чего це зи мною не на державний мови розмовляєшь, сука москальска?!»

От неожиданности женщина швырнула телефон в заросли и пошла домой.

А теперь самое интересное.

Сбор тел происходил 2 марта. Как мы уже поняли, администрация не соизволила заняться этим сама. Так же как и не нашлось волонтеров, желающих помочь в захоронении.

А вот грабить магазины вышел практически весь город. Именно в этот день были разбиты витрины многих магазинов, как крупных супермаркетов, так и мелких бутиков, был даже под шумок ограблен самый огромный в городе торговый комплекс «Фабрика».

После этого президент Зеленский присвоил городу звание города-героя.

И пошёл новый отсчёт в жизни Херсона.

Русские сразу стали раздавать гумани-

тарную помощь. Приезжали в каждый район города и раздавали всё, там была любая еда: башкирский мёд, кубанское молоко, сыр, колбаса, московские конфеты, крымское печенье – посылки со всей огромной России. На коробках были надписи: «От уфимцев», «Из Кабардино-Балкарии», «Из Новгорода», «Из Питера», «Из Москвы», даже из северных районов: «Чита», «Магадан», «Челябинск», «Омск».

Отовсюду люди передавали всё что могли, там было всё, абсолютно всё. В те, первые, самые тяжёлые недели именно простые русские люди не дали умереть с голоду херсонцам. Солдатики целыми днями раздавали всё это на улицах города, особенно бросалось в глаза, с каким участием они стараются дать побольше пожилым людям, как потом мы узнали, они нередко отдавали и свои продуктовые пайки.

Украинская гуманитарка была только на картинках и в отчётах чиновников.

А вот русские, даже офицеры ФСБ, без раздумий отдавали все свои запасы продовольствия детям из многодетных семей. На вопрос «А что вы будете есть?» устало улыбались и отвечали: «Мы переберёмся, у нас ещё остались макароны».

Спали офицеры на полу, не было у них ни одеял, ни подушек, всё было роздано людям. Как сказал один из них, «подушки сейчас для нас – это роскошь».

Как же можно их не уважать?

Честным, добрым, душевным, прямолинейным – вот таким мы увидели русского солдата.

Потом нам приходилось встречаться всё чаще, с разными подразделениями, и никто не упал в грязь лицом. Были парни из Донецка. Они стояли на блокпостах за городом, жили в землянках, еду готовили на костре. Стирала и мылись в речке. Загорелые от солнца и ветра лица, чёрные как смоль. Но в глазах бесстрашие, гордость и отвага.

Остановишься возле них, посмотришь – в котелке каша с тушёнкой, сухари и чай. Люди старались угостить их хоть чем-то, кто-то нёс бутерброды, кто-то клубнику, кто-то свежий хлеб.

Все старались помочь. Понимали, что это наши освободители.

Я обнималась с ними и мысленно просила Бога сохранить каждого из этих мальчишек.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ПРО РУССКИЙ ХЕРСОН

МАЛЬКЕВИЧ

Не буду писать много о тех людях, которые были в первых рядах становления русского Херсона. Но про некоторых, самых ярких и значимых, нужно рассказать. О них должны помнить и ценить их.

Один из таких людей – это Александр Малькевич. Житель Санкт-Петербурга, который занимал там хороший пост, возглавлял телевидение, был (и остался) членом Общественной палаты России, жил бы и не тужил в стольном граде Питере.

Но, как настоящий русский, он не смог оставаться в стороне и приехал в Херсон налаживать у нас мирную жизнь, создал с нуля региональную телерадиокомпанию, возглавил кафедру журналистики в Херсонском государственном университете, создал медиашколу, всячески поддерживал и солдат, и жителей города.

Рискуя своей жизнью, одним из последних покидал город, пытаясь спасти своих работников и всё, что было создано им всего за полгода работы.

Невозможно даже вообразить, как тяжело ему было оставлять своё детище, ведь в здании телерадиокомпании уже практически был закончен ремонт и завезена новая, современная аппаратура.

Он пытался спасти всех: как курочка прячет своих цыплят под крылышко, так и Сан Саныч пытался быстро вывезти всех своих журналистов.

Парни, которые брали город. Март, 2022

Мою семью с тремя маленькими детьми он за свой счёт отправил чуть раньше, буквально за два дня до отъезда всех журналистов, оплатив нам микроавтобус, который нас довёз до вокзала в Симферополе. Мои дети уже на тот момент успели побывать под обстрелом, и младший был ранен маленьким осколком. Да и постоянные угрозы не предвещали ничего хорошего.

Вся моя семья безмерно благодарна Сан Санычу за спасение. А вот остальным работникам не повезло. Они попали под обстрел на Антоновском мосту, их обстреляли из «хаймарсов» прямо на понтонной переправе.

Мы прекрасно понимаем, что главной целью был сам Сан Саныч, именно в тот октябрь 2022 года на него было более трёх покушений.

Взрывали именно те здания, в которых находился Малькевич, нетрудно догадаться, кто был мишенью. Но, несмотря ни на что, он не сдался и не уехал обратно в свой родной прекрасный Питер.

Он продолжил свой нелёгкий путь русского человека и продолжает назло всем укронацистам развивать все вернувшиеся в Россию земли.

Автор текста – Херсонский дед
Мы не можем сейчас выставлять
его фото, он находится на Украине и
оттуда отправляет нам стихи.
Но я не могу не выложить именно этот.

Е. Шелестенко

Случится, может, диво в Вашингтоне:
Взметнётся к небу изумлённый вопль,
Когда, как в клумбу, в центр Пентагона
Посажен будет наш российский «Тополь»!..
В Канаде тоже может так случиться:
Не глядя на нелётную погоду,
Откуда-то из космоса примчится
Наш русский многотонный «Воевода»!..
Быть может, австралийцы онемеют
(Ведь недоступно им искусство мата),
Когда измерить яму не сумеют
На месте приземления «Сармата»!..
И в Англии всё может быть печально,
Когда к британским берегам солёным
С визитом (не вполне официальным)
Направится эскадра «Посейдонов»!..
Окажется: в Европе – тесновато!
Какой скандал!
Импичменты, отставки...
Подумать только: русский танк «Армата»
Пришёл к Ла-Маншу на одной заправке!..
Случится может так, что над Стокгольмом
Начнёт жужжать моторчик утром ранним,
И не понять: летит ли шведский Карлсон
Или в полёте – русские «Герани»?..
В Брюсселе может стать так, что ловко
Российский воин перекроет кран
И статую по бронзовой головке
Погладит и шепнёт: «Не ссы, пацан!..
А может, всё случится без солдата:
«Калибр» или «Кинжал» в окно заглянет,
В брюссельский офис штаб-квартиры НАТО,
И «писающий мальчик»... какать станет!..
Но в мире вряд ли кто-нибудь заплачет
(Кто не подлец, не зверь и не балда)
В тот светлый день, когда к чертям собачьим
Четвёртый Рейх исчезнет навсегда!

Андрей РЮРИКОВ

г. Одесса

ГОРОД-ДУША

– Как хорошо здесь. Тихо, спокойно, тепло.
И уютно. Мне давно не было так тепло и уютно.
И воздух. Не могу надышаться родным одес-
ским воздухом, мне всё кажется, до страха, до
озноба кажется, что придётся уехать – и я умру.
Умру от нехватки воздуха, особого одесского
воздуха. Задохнусь и умру.

– Так оставайся, Катюша. В конце концов,
это такой же твой родительский дом, как и мой.
Не езди в Киев, вызывай своего мужа из сто-
лицы – и живите.

– Киев... Знаешь, Толик, в Киев едут кар-
рьеристы. Там хорошо сейчас делать карьеру.
Там работают чаще локтями, чем головой. А
в Одессу едут люди, любящие комфорт и де-
лать деньги. Но даже деньги тут делают без
напряжения, как бы между прочим. Тут сама
атмосфера располагает к добродушию, жизни
с лёгкой ленцой. Думаю, что Одесса – самый
комфортный город нынешней Украины.

– Ты думаешь? А другие крупные города?
Харьков? Львов?

– Львов! – Катя фыркнула и поёжилась. –
Во Львов едут ненавидеть.

– Ну ладно, не преувеличивай, Катюша.
Красивый город. И кого там можно ненавидеть?

– Не там, а оттуда. Оттуда очень удобно
ненавидеть. И безопасно. География такая у
города. А Харьков... Харьков потерял себя. Рань-
ше это был город мысли, науки. А сейчас... сей-
час ему отрубили голову. И мысли негде быть.
Умерла мысль в Харькове.

– Какие странные у тебя образы. – Толик
потянулся к початой бутылке на столе. – Тебе
налить ещё вина?

– Нет, спасибо, не хочу больше пить.

– А помнишь, я в прошлом году приезжал
к тебе в Киев?

– Конечно, помню. Ведь я тогда болела. Ты
вообще навещаешь меня, только когда что-то
случается. Так просто тебя из Одессы не вы-
тянешь.

– Да, ты тогда заболела. Так вот, Киев мне тогда совсем перестал казаться столицей. Я не знаю, как это объяснить...

– Ты правильно прочувствовал Киев, Толик. Просто Киев потерял то, что делало его столицей.

– Что ты имеешь в виду, Катюша?

– Я имею в виду ответственность.

– Ответственность? – Толик удивлённо посмотрел на сестру.

– Да. Каждый город имеет что-то своё, самое главное, без чего он не может существовать, без чего теряется смысл. И если Одесса – это город-душа, город-сердце, а Харьков – это голова, мысль, то Киев – это город-совесть, город-закон, ответственность. Но Киев потерял закон, совесть и ответственность...

ЗАПИСКИ ЭМИГРАНТА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Саша Варшавер уехал из Одессы в Германию лет тридцать назад по известной немецкой программе для евреев бывшего СССР. Уехал скрытно, суетливо, почти бежал, так как за месяц до того кинул на двадцать пять тысяч немецких марок (до надёжности и ценности которых современному евро так же далеко, как нынешней гривне далеко до надёжности и ценности советского рубля эпохи раннего Брежнева), на которые собирался в Гамбурге, по словам Саши, «жить хорошо и припеваючи у этих дойче».

Но «хорошо жить» получилось недолго, похмелье наступило через полгода. Саша не впал в зелёную тоску, быстро понял, что таки есть место на земле, где за работу, даже не директором базы на Молдаванке, платят столько, что прожить на них вполне можно, даже покупая в пятницу вечером на выходные красную икру и хороший виски. В общем, Саша таки стал работать, чего ранее никогда в жизни не делал. Постепенно обжился, обустроился и ко всему ещё женился на немке Биргит, которая нежно называла своего любимого Александра

русским дровосеком. Так и говорила: «О мой грубый русский дровосек» – и игриво ворошила Саше копну непослушных и жёстких, как проволочка, еврейских волос на голове. Саша не так удивлялся тому, что супруга в нём, никогда в жизни не державшем топор в руке, разглядела дровосека, как своей новой национальности. Но со временем смирился: «Русский так русский. Вон туркмен Сапармурат, торгующий в соседнем парке гашишем, для них тоже русский».

И если Биргит Варшавер понравился сразу, то он в ней разглядел будущую жену, а не временную связь только после первой совместно проведённой ночи, когда она его поразила знанием русского языка, почерпнутого от дедушки Вилли, проведшего десять лет в плену на стройках в Киеве. Познания в русском языке у немки были несколько своеобразны и узкопрофессиональны, но она так чётко и сексуально говорила «майне, б...ь» и «вире, нах...», что сумела растопить сердце процелыги с Молдаванки.

Прошли годы, десятилетия, вырос сын, названный в честь бывшего военнопленного родственника-гитлеровца. Вильгельм Александрович Варшавер стараниями отца знал русский язык гораздо лучше мамино «майне-вире», читал в оригинале Пушкина и оканчивал саарбрюккенский университет, угрожая родителю стать учёным.

– Ой, видел я в Одессе тех учёных! Сидели в своём НИИ на улице Терешковой и торговались со мной в курилке за джинсы на каждую честно мною заработанную десятку. Нищebroды и грабители! Я на них не одну сотню рублей потерял. Вилька! Варшаверы никогда не были нищebroдами, заруби это себе на носу!

– Йа, йа, папа! – лениво, с налётом снисходительности отвечал сын.

– «Йа, йа», – передразнил Саша сына. – Подумай о нормальной специальности, сынок. Учёный – это не профессия, а сомнительное увлечение, которое приносит случайный заработок, а не стабильный доход.

...В общем, прошли годы, вырос сын, названный в честь бывшего военнопленного гитлеровца, Саша со временем смирился с учёностью отпрыска и приготовился встречать с

женой старость в тихом пригороде в Баварии в собственном доме с аккуратно подстриженными газоном и забором из ровненьких ухоженных кустов.

Погода была отличная, Варшавер сидел в саду, слушал соловьиные трели и ждал Биргит с кофе.

– Здоровеньки булы, добродию. Нам хозяин дома, дэ мы живэмо, казав, шо вы з Украины? – долетело до Варшавера с улицы через забор из подстриженных кустов. – Нам казалы, шо Вы з Одэсы, з Украины.

– Э-э-э, да, из Одессы, – растерялся Александр.

– Мы також з Одэсы. Шукаемо прытулок в Нэмэччине. Може допоможете?

– Что вы... э-э-э... шукаете? Притулу... – удивился Саша. – Откуда вы? Из Одессы? И что, в Одессе теперь все говорят, как вы?

– Писля того, як россияне напали на Украину, вси нэбайдужи громадяне перейшлы на мову. И в Одэси також. Вы, як украинэць, також забоввязаны боротысь с ахрэссором, якый зныщуе вашу Батькывщину.

– Я? Забо... ввьязень... тьфу ты! И кто я? Украинец? – Саша всё больше поражался услышанному. – Я украинец? Да я тридцать лет назад вдруг узнал, что я русский, и вполне счастлив от этого. Вот моя Биргит удивится, что я им перестал быть! Знаете что... э-э-э... как вас там... громадяне... шли бы вы... Вот вам пять евро на ваше украинство, и идите с Богом. Не хочу расстраивать Биргит...

ОДЕССКИЕ ЗАРИСОВКИ

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Яркое тёплое майское солнце. Дворы города наполнены запахами акации, жареной рыбы вперемешку с лёгким кошачьим ароматом. Вбегаю на третий этаж чистенькой парадной дореволюционного крепкого дома, с целой, без трещин, мраморной лестницей. Звоню в дверь.

– Здравствуйте, вы мне звонили поговорить о продаже квартиры, – говорю я крупной

дородной женщине лет семидесяти с тяжёлой фигурой и двойным подбородком под ярко накрашенными пухлыми губами.

– Андрей Витальевич? – грудным, с долей официоза голосом спросила дама.

– Да. Марта Борисовна? – подстроился разговором под даму я.

– Естественно! Проходите и можете не снимать обувь. Ковры, эти древние пылесборники, давно отвезла на дачу. Но даже и там муж определил их на чердак. Выкинуть жалко, знаете ли, а использовать по назначению уж слишком по-мещански. Вы не находите?

– Что? – не сразу ответил я, занятый осмотром квартиры. – А, ну да, ковры уже не в моде.

– Да. Понимаете, нам надо разъехаться. Три поколения в одной квартире – это невыносимо. Отцы и дети, знаете ли... Очень, очень сложно с детьми и внуком. Да, а вот кухня, видите, вполне просторная. Двенадцать квадратных метров. А здесь комната сына с невесткой. – Марта Борисовна без стука распахнула дверь, за которой, чуть наклонившись к замочной скважине, стояла женщина в нижнем белье, а в комнате на кровати лежал полный, с таким же подбородком, как у Марты Борисовны, мужчина лет сорока пяти. – Тут у нас все заняты своим обычным делом. Зоенька, оденься, маклер пришёл смотреть квартиру, а не тебя.

– Мама, за четверть века вы так и не научились стучать в дверь нашей комнаты. Мало ли чем мы можем быть заняты!

– Вы ничем уже меня удивить не сможете, – парировала Марта Борисовна, распахнула дверь напротив и обратилась ко мне: – А вот здесь комната внука. Опять спит, лоботряс. Ночью гуляет, а днём спит. Удивляюсь я нынешней молодёжи!

– Не трогайте Витеньку! Витенька не гуляет по ночам, а работает, – вмешалась в разговор Зоя.

– Вот здесь моя с мужем комната, – проигнорировала замечание невестки Марта Борисовна. – Она с балконом во двор. А двор у нас хороший, с акациями и цветочной клумбой. Вы видели розы на дворовой клумбе?

– Да, прекрасные розы.

– Это мой муж, Мишенька, их садил. Да, а вот здесь маленькая комната без окна. Будете смотреть?

– Конечно!

– Она... очень маленькая, – замялась Марта Борисовна.

– Ничего, я гляну. Это моя работа.

– Там... несколько запах нехороший. Мой папа очень стар, знаете ли, старость... – И хозяйка открыла дверь.

В маленькой, без окна, тускло освещённой и бедно обставленной комнатке, больше похожей на чулан, на старой железной кровати лежал худой старик. Рядом на столе стоял открытый пыльный патефон с пластинкой и стул, на котором висел пиджак с наградными планками, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и орденом Отечественной войны первой степени. В комнате стоял запах старости и мочи, всё было пропитано безнадегой.

– Опять ты в дом маклеров тащишь, Марта? Не продаётся квартира! – из последних сил, тяжело дыша, просипел старик.

– Папа, мужчина пришёл просто посмотреть!

– Посмотреть? Квартира не невеста, чтобы смотрины устраивать.

– Извините, я уже ухожу, – повернулся я к выходу.

– Стой, – остановил меня старик. – А ты иди, Марта. И закрой за собой дверь.

Старик начал меня рассматривать.

– Одессит?

– Да.

Взгляд старика подобрел.

– Садись на стул. Только пиджак не помни, его на меня ещё надевать будут. На моих похоронах. Думал девятого мая пойти на Аллею Славы, но не смог, зря пиджак вытащил. А назад повесить – сил нет. Да и недолго ему тут висеть на стуле. Не могу уже ходить. До нужника уже не всегда дохожу. А эти, – кивнул старик в сторону двери, – не то что отвезти на Аллею Славы в День Победы не хотят, но и до нужника не доведут. Всё им некогда.

Помолчали.

– Тебя как зовут, внучок?

– Андрей.

– А меня Борис Маркович. Вот что, Андрюша. Умереть я хочу в своём доме, который ещё моего отца помнит. И на своей кровати. Они тут меня недееспособным по бумажкам сделали, и я прав никаких не имею. Но умереть хочу здесь. Понимаешь? Раньше защищал города, – кивнул старик на пиджак, – а теперь даже свою квартиру не в состоянии защитить.

– Понимаю.

– Так вот, сынок, дай мне слово, что не будешь продавать мою квартиру, пока я жив. Дай слово солдату.

– Даю. Я пойду, Борис Маркович?

– Иди, Андрюша. Только дай мне умереть дома. Ты слово дал.

– Не волнуйтесь, Борис Маркович. Прощайте. – И я вышел из комнаты-чулана, где доживал свой век старый солдат.

– Ну как вам квартира, Андрей Витальевич? – встретила меня в коридоре Марта Борисовна.

– Отличная квартира.

– И сколько она стоит?

– Нисколько.

– Как это – нисколько? У нас все документы в порядке. – У Марты Борисовны затряслись оба подбородка. – Поймите, нам очень нужно разъехаться, три поколения в одной квартире – это ад.

– Четыре.

– Что?

– В вашей квартире четыре поколения, Марта Борисовна. И когда вы это поймёте, может, тогда до вас дойдёт, что вашу квартиру пока продавать нельзя. Будьте здоровы. – И я вышел в парадную.

– И ещё по рекомендации от хороших уважаемых людей таких проходимцев в дом пускать приходится! Ничего не стоит моя квартира! Ты слышала такое, Зина? – уже спускаясь по лестнице, сквозь свои шаги услышал я грудной голос Марты Борисовны...

Евгений ГОЛУБЕНКО

г. Одесса

* * *

Закончилась последняя война:
Ни крови, ни зачатия, ни гари.
Не пустят больше корни семена,
И не родятся Пушкин и Гагарин.

Есть каждому безумию конец,
Но мы с тобою это не увидим.
Мишень мою сердечную свинец
Найдёт, войдёт, пройдёт насквозь и выйдет.

Уходит на закланье народ,
Покуда прокуратор моет руки.
Сегодня мы, а завтра ваш черёд
Пройти хулу, бесчестие и муки.

И никого не будет на Земле,
Да и самой Земли, поди, не будет.
Ни голубой планеты в чёрной мгле
И ни того, что называлось – люди.

* * *

В тени украинских черешен,
Оберегая русский слог,
Славянского союза брешу
Заштопываю нитью строк.

Крепка, сурова и надёжна
Простая искренняя нить,
Но даже ей чертовски сложно
Отчизну вновь соединить.

Поводыри, рвачи, чинуши
И прихлебательская рать,
Лапшу навесив нам на уши,
Державу в клочья стали рвать.

Пусть не святой я, пусть я грешен,
Но, как бы ни был слаб и плох,
В тени украинских черешен
Оберегаю русский слог.

О ГОРОДЕ И ТОЛЬКО

Дождлся я, пришёл и мой черёд
Спеть об Одессе лучшую из песен,
Чтоб и тому, кто чёрт-те где живёт,
Вдруг захотелось побывать в Одессе.

Здесь жизнь течёт со вкусом, не спеша.
Здесь море лучше пенится, чем пиво.
Здесь каждая одесская душа
И гармонична, и чуть-чуть строптива.

Акаций белоснежных аромат
Толпится в подворотнях и в аллеях.
И всякий встречный вам безмерно рад,
От воздуха подобного хмелея.

Живём не в суете, не впопыхах.
И со всего имеем понемногу.
Мечеть от синагоги в двух шагах...
И всё у них спокойно, слава Богу.

У нас уже полмира земляков.
И отыскать их можно где угодно...
Одесса всех вас ждёт. У нас легко,
Радушно и пока ещё свободно.

Геннадий ШЕЛЕСТЕНКО

г. Херсон

КОСТЮМЧИК

Мой дед окончил войну в Вене, но домой, в Херсон, он вернулся только в 1946 году. Голодное послевоенное время, город разрушен, большинство работоспособного мужского населения ещё не вернулось. Неурожай 1946 года ещё больше усугубил положение, еды не хватало, люди выживали как могли.

Мой дед никогда хапугой не был, с фронта вернулся с одним вещмешком, в котором из трофеев было несколько кусков ароматного мыла и детский костюмчик белого цвета, костюмчик юнги, с мицей и пристёгивающимся воротником – гюйсом.

Так, налегке, дед и вошёл в дом. Радость встречи моей бабушки со своим мужем понятна, но радость моего отца наверняка была ещё больше. Когда в 1944 году мой дед ушёл на фронт, папе было пять месяцев, и понятно, что он не мог его помнить. Мой дед был для отца мифическим героем, который есть, но которого он никогда не видел и только рисовал его образ в своём воображении. Мечта отца сбылась, его папа, его мифический герой вернулся домой, он был ещё больше, чем рисовало воображение. Дед взял своего трёхлетнего сына на руки, первый раз подбросил его к потолку, невысоко – потолки были низкие, – поймал и крепко прижал к своей слегка небритой щеке. Так и запомнилась моему отцу эта встреча на всю жизнь, колючим прикосновением родной щеки.

Дед достал из вещмешка подарки: для жены мыло, а для сына трофейный костюмчик юнги с надписью на мице на иностранном языке – названием какого-то зарубежного корабля.

Для ребёнка это была первая не самошитая одежда, самый красивый костюмчик в жизни. Он примерил его сразу, костюмчик был большой, но мицу он надел и побежал на улицу,

где на оврагах «военки» он со сверстниками играл в футбол. «Папка вернулся!!!» – кричал на всю округу мой отец и всем встречным хвастался подарком, белой мицей с золотыми буквами. Оповестив всю округу об этой радостной новости, он вернулся домой. Ещё стоя в коридоре, услышал, как мама ругала отца: «Как ты мог подарить такой костюмчик? Дома есть нечего, за такую вещь можно выменять целый мешок муки!» Так было всегда: кто-то голодал, а кто-то имел доступ к продуктам и приторговывал ими, так и в блокадном Ленинграде кто-то пух от голода, а кто-то за кусочек хлеба выменивал себе серьги с бриллиантами.

Когда папа зашёл в комнату, дед предложил ещё раз примерить подарок. Конечно, ничего не изменилось, он был велик для отца. Тогда дед аккуратно, стараясь не расстроить сына, предложил его продать и пообещал, что отцу пошьют такой же чуть позже, когда он подрастёт.

Вот таким недолгим было обладание моего отца новым костюмом, он с лёгкостью расстался с ним, но это чувство радости от подарка запомнил на всю жизнь. Успокоение детской души было в том, что будет целый мешок муки. И мысль о хлебе радовала больше подарка:

ДОНЕЦК

Анаит АГАБЕКЯН

г. Донецк

* * *

Ты – впереди, но всегда один.
Я – на задворках, типичный ноль.
Кодом двоичным соединил
Наши судьбины в своём панно
Некий расчётливый демиург.
Как же хвалу воздавать теперь,
Если в его расписном мире
Так филигранны витки потерь,
Несовпадения режут нить,
Сшиты которой в один лоскут
Та, что тихоней слыла, и тот
Странник извечный да баламут?
Нам разлететься бы, как шрапнель,
Сердце очистить, нажать Delete.
Только во всю эту канитель
Каждый из нас безнадёжно вшит.

* * *

Остановись, взгляни в окно, внимая знакам:
февраль-суфлёр напомнит вскользь
о Пастернаке,
что гул затих и снег идёт, а на подмостках
дворов и улиц городских совсем не броско
играют пьесу лицедеи-самоучки,
легко фальшивят, не боясь морозной взбучки,
а декорации нелепы и пространны...
и только занавес зимы сотрёт изъяны.

* * *

Прииди, Блаже, вселися в ны,
очисти же нас от скверны...
Наши суждения так сложны,
но в корне своём – неверны.

Путь неясен, извилист и крут,
а в душах – горнило страсти.
Не отыми, совершая Суд,
надежду и дар причастья.

Наши мытарства – сизифов труд,
все оправдания тщетны.
Отпрыски клавдиев и гертруд
достойны ли всепрощенья?

Отче, ты снова скорбишь о нас,
а в электровольтах тока
Земля, как старенький тарантас,
всё катит своей дорогой.

И как нас, немощных во грехе,
спасти от такой юдоли,
вне правил, смысла, пропорций, схем
врачующих раны солью?

Андрей ИКРИН

г. Горловка – г. Алупка

ДОНБАССКАЯ РУЛЕТКА

Придётся врать, что не кулак, что ветка
До крови разукрасила лицо –
Закрутится донбасская рулетка,
Живущих превращая в мертвецов.

Придётся жить, увы, вдали от дома,
Забросить всё и выйти из игры,
Нас разбросало по краям разлома...
А в Горловке бомбят мои дворы.

СМЕНА ПАРАДИГМ

Мир многократно сошёл с ума:
Пушкин стал Александром Дюма,
Здесь – обманут, а там – убьют,
Вместо «Правды» теперь – «Ютуб».

Раньше пестили молодёжь,
А теперь – только кайф и балдёж,
Раньше верили в светлый путь,
А теперь ты о нём забудь...

Жить при смене пришлось парадигм,
Всё, теперь мы тебя продадим,
Рвётся Родина с Родиной в бой,
Жизнь, расстрелянная войной...

СЛОВА ПАВШИЕ СОЛДАТЫ

Вы в земле, а сверху – гравий.
Не осталось фотографий,
Вот и всё – купайтесь в Лете...
Не отыщешь в интернете.
Слова павшие солдаты,
Стёрлись имена и даты...
Разорвутся сна вериги,
Прорастут сквозь землю книги.

ПАМЯТИ ВИКТОРИИ ПОЛЯКОВОЙ

1

Моих друзей смолкают голоса,
Всё пропадает медленно во мраке,
Тепло не успевая разделить,
Запишут в шизофреники, собаки!
Жизнь пешки словно тоненькая нить...
Где волосы, улыбка и глаза?
Стихи, наивные мечты и планы?..
Нас в бездну поглотившая война
Разрушила и разбросала странно,
Теперь стирает наши имена...

2

Когда сыграет музыкант,
Солистка допоёт,
Я был влюблён в её талант,
Но только не в неё...

Её я имя повторял
По десять раз на дню.
Пускай твердят, что умерла,
Её талант люблю...

Александр МОРОЗОВ
г. Дебальцево (ДНР) – г. Островец
(Беларусь)

* * *

*Я устала писать о войне –
нет коварней её... и верней.*
Елизавета Хагланова

Не хотелось писать о войне –
Десять лет я ору вам о ней,
Чётко помню, как всё начиналось...
Ежедневные сводки с фронтов
Не могу отложить на потом
И хочу, чтобы правда осталась.

Я пытался писать о весне,
О любви и к жене, и к стране,
О заветах, что были в начале.
Но всему есть свой срок и цена –
Если в доме лютует война,
Строки сами к фронтам возвращали...

На челе и печаль, и печать,
Как молчать, если нужно кричать,
Коль вершится вокруг святотатство?..
Где-то снова устроят демарш,
Кто-то наш, ну а кто-то не наш,
А до многих не достучаться...

Если ты настоящий поэт,
Для тебя невозможного нет,
Помнишь корни свои и истоки.
От беды пусть ребят сберегут,
Сил в окопах бойцам придадут
Вдохновенные, яркие строки.

ДОМА

По всей стране готовятся салаты,
Дождь целый день с небес неспешно льёт.
В лесу на ивах зимние опята
Полезли аккурат под Новый год.

Здесь, в Беларуси, чисто и красиво –
И жизнь течёт без лишней болтовни.
Поздравили друг друга в коллективах,
Сверкают новогодние огни.

Для многих эта суета знакома,
У всех хозяек множество забот
Предновогодних, радостных, а дома
Сегодня ночью снова был прилёт.

И разлетались в стороны осколки,
И слухи разлетались по Руси.
А людям сразу стало не до ёлки...
Спаси их, Боже, Господи, спаси.

* * *

Смотрю в окно, здесь столько снега выпало,
Красив предновогодний Островец.
А на Донбассе не смолкают выстрелы
И красят алым Северский Донец...

А шарик по своей орбите крутится,
Начнётся новый цикл и новый год...
В метеосводках – мокрый снег с распутицей,
В военных сводках – не один прилёт.

Нас учит жизнь совсем не по учебникам –
Мы огребаем каждый день сполна.
Так хочется порою стать волшебником
И сделать так, чтоб кончилась война.

СОЛДАТ ГЕОРГИЙ

Хирург говорил: «Повезло, ты в надёжных,
умелых руках,
Сейчас подлатаем тебя, будешь жить
непременно».

Когда же Георгий очнулся в палате
в кровавых бинтах,
Случайно услышал ужасное слово «гангрена».

А рядом на поле мальчишки играли в лапту
и футбол,

В рабочем посёлке по улицам шастали
штатские.

Безногий Георгий с кровати вдруг встал
и куда-то пошёл,

Весеннее солнце медалью блестело на лацкане.

Внезапно исчезли бесследно и боль,
и сомненья, и страх.

Пропали просёлочный тракт, и посёлок,
и госпиталь.

Солдат в небесах не витал – он шагал строевым
в облаках

И тихо шептал лишь: «Прости и прими меня,
Господи...»

Жизнь прожил свою, не имея каких-то чинов
и наград,

Представлен посмертно за ратные подвиги
к ордену.

Раб Божий Георгий навечно зачислен
в небесный отряд

И службу несёт под командой святого Георгия.

Иван НЕЧИПОРУК
г. Горловка

СРЕДИ ПОЛЕЙ

Среди заснеженных обветренных полей
Рождает время траурные числа,
Эпоха, накалившись, стала злей,
Лавкрафтовским чудовищем зависла
Над несуразною судьбой моей.
Закатов кровь и боль сплошных потерь,
Сливаясь, предстают великой силой,
Которую боится даже смерть...
А ширь степей надежды расстелила,
Чего-то ждёт, как обречённый зверь.

БЕЗ ТЕБЯ

Я один по улице бреду,
А прогулка равнозначна бреду.
Я спешу, читая на ходу
Наизусть твои стихи и беды,
Что шагали за тобой по следу,
А теперь они за мной идут.

Вновь тревоги душу теребят,
И стоят вопросы на вопросе.
Я бреду, сомненьями объят,
Сквозь промозглую и ветреную осень.
«Как живёшь?» – никто меня не спросит
В городе, где больше нет тебя.

НО Я ОБЯЗАН

Внутри меня тревог сплошная слякоть,
И червь греха в моей душе живёт.
Но за паденьем вновь приходит взлёт,
И робкий свет пронзает тело мрака.
Я чувствую себя как Симон-Пётр
И после пенья петуха готов заплакать.

Но мир течёт через пороги слога,
И кажется, надеждам нет пути,
Но я обязан двигаться, идти,
Что непосильно мне – по силам Богу.
Любовь моя, как мотылёк лети
И не суди мои терзанья строго.

ЦВЕТЁТ ЛЮБОВЬ

Ещё вопросы не созрели,
А мне Господь даёт ответы.
И в каждом проявленье света
Назло дождям, ветрам, метелям
В любви, как в Божьей колыбели,
Душа моя огнём согрета.

Мой путь к паденьям и победам
Отмечен гусеничным траком,
Я, как дитя, живу по знакам,
Я, как дитя, иду по следу,
Туда, где, несмотря на беды,
Цветёт любовь багряным маком.

Александр РАК
г. Макеевка

И НЕ СВЯТ, И НЕ ГРЕШЕН...

И не свят, и не грешен,
Я обычен вполне,
К этой жизни подвешен
На гитарной струне.

Может, ночью мне к Богу,
Может, завтра к утру –
Я не знаю, как долго
Ей звенеть на ветру.

И хоть мир интересен,
Неизбежен полёт...
Кто-нибудь наши песни
Веселее споёт.

ХМАРЬ

Мажет хмарь по серым стёклам
Днём вечерние огни;
Птиц не видно в небе блёклом –
Да и есть ли где они?
Только дождь и только ветер,
Как за дни златые мечь.
Есть ли мы на этом свете?
Есть, наверно.
Где-то есть...

РАЗЛОМ

Раскат и взрыв – что в крышку гроба цвях,
 Вчера, сегодня, завтра – ровно в восемь...
 Вытаивают мины на полях:
 Такая нынче уродилась озимь,
 Что сей не сей, а будешь убирать,
 Коль хочешь поутру пройти к колодцу.
 Там, за селом, куку кукует рать –
 Куда ни глянь, сплошные инородцы,
 Что заявили к нам не с северов,
 Не из степей и прочих палестин –
 Пыль выпала от западных ветров...
 А впрочем, это знает чёрт один.

Туда не глянь, сюда же не ходи –
 Пошли вам Бог чуму или холеру, –
 Зато уже успели научить,
 Чтó с трактора подходит к бэтээру,
 Что не бывает зла и нет добра
 И отвращению к акации с гвоздикой...
 ...А курица, что смылась со двора,
 По кодексу должна считаться дикой,
 Как эта степь, как бабы за селом –
 Хранители курганов и столетий...
 Как этот дикий временной разлом,
 Который не для слов – для междометий.

ДО БОЛИ...

До боли наш пейзаж привычен:
 Ставок, посадка, террикон...
 И я – угрюм, косноязычен –
 Бреду по жизни с матерком:

Тебе, мой друг, и милой роще,
 И в синей выси журавлю –
 В стихах своих мне много проще
 Сказать о том, как вас люблю...

Павел СЕРДЮК

г. Донецк

* * *

Как состояние души,
 туманный свет пришёл из окон
 и тихо шепчет мне: «Пи...ши...»
 На ветках абрикоса кокон
 из целлофана, снега, тьмы...
 Протяжно ветер подвывает
 концом постылой в хлам зимы.
 Никто взрывчатку не взрывает,
 убить меня никто не хочет,
 так непривычна тишина,
 и кровь в сосудах мироточит...
 И полдень, словно старшина,
 велит очнуться в мир скорее
 и приспособиться к нему,
 пока не бахнет батарея
 обстрелом, судя по всему...

* * *

Небо, как надрезанный арбуз,
 красным на Малевича «Квадрате»...
 Отголоски вспышек аркебуз
 и других орудий смерти рати...
 Всполохи грозы предгрозовой,
 большей и ужасней, чем иная.
 Вот автобус едет грузовой
 с «грузом 200», гнётся ось земная,
 и скрипит телеги колесо,
 и горит закат неотвратимо
 вечерним стоянием лесов
 страшно, неизбежно и картинно...

* * *

Вечность вырыли по росту,
схоронили почивать,
занесло цветов коросту,
нечем стало потчевать
птиц и прочую живучесть,
крест склонился от ветров,
трескаясь, вживаясь в участь,
дым стелил от хуторов,
стадо шло доиться на ночь.
Как парное молоко,
испарялись мысли напрочь,
но страницами веков
шелестели обереги
неприкаянных стихов.
Ветер их отпел, как регент,
снежной сединой верхов...

* * *

Чёрствый вечер, чёрный вечер,
ты не чётный надо мной,
ты не вечен, я не венчан.
Вдоль поверхности земной,
чёрный ветер, ты не вейся –
надоело горевать.
Чёрный ворон, ты не весел,
буду утро утравать...
Буду праздновать зарницы,
птичье пенье и листву...
Солнце вкусное, как шницель,
на тарелке к торжеству...
И ещё мелькнёт в оконце
вера в завтрашние дни.
Только утро, я и солнце,
только радости одни...

Александр ТОВБЕРГ
г. Красноармейск

МАНДАРИНЫ НАД ГОРОДОМ

Мандарины над городом, мандарины –
Кто-то свыше устроил нам чудеса.
Добрый ангел, слышишь, заговори нас,
Забери уставших на небеса.

Видишь эту бабушку – мать Марину?
И отца Георгия, иже с ней?..
Разгораются рыжие мандарины –
Значит, дело к ранней идёт весне.

И мужчину этого – внука, сына?
Он за всё расплатился – да не дошёл.
В синих лужах – рыжие мандарины,
Ангел шепчет: «Всё будет хорошо».

И того, и вот этого – список длинный,
Неустанно пишу его и пишу.
Проплывают январские мандарины
По разрывам горя сквозь гарь и шум.

Погляди вон туда и сюда – безвинных
Забери – собак, стариков, детей
И котов, катающих мандарины,
Заставляющих вспомнить о доброте.

Мандарины над городом, мандарины –
Урожай отменный в раю зимой.
Добрый ангел в небе аквамаринном
Собирает души, несёт домой.

НАША ТАНЯ

Напугает, вопьётся, отпустит.
Наша Таня не хнычет давно
И братишку не ищет в капусте,
Как бывало в советском кино.
Страх становится скверной привычкой
Без начала, середины, конца.
Кто зачтёт тебя, Таня, – тот вычтет,
Воду жизни слизавши с лица.
Братец Мишка с оторванной лапой
И осколком в пустой голове

Рядом с мамой лежит, рядом с папой,
Затаившись в кровавой траве.
Тот бычок, что доскою качался,
Там, за лесом, железом гремит
И героем слывет у начальства
За войну с голубыми и детьми.
Вера в сказку, увы, убивает.
В доброй книжке финал будет зол.
Наша Таня уходит по краю
На рыдающей Агнии зов.

БРУТ И КАИН

Будем спать, будем сниться Брут другу
И как будто бы выживем, брат,
Ночь надвинется лёгким испугом,
Белобрысая – как медсестра.
Монотонно – как нетто и брутто –
Снег накроет разрытый Донбасс,
И железобетонное утро
Всей машиной наляжет на нас.
Хорошо быть немного поддатым
И, по датам плывя в глубине,
Вечным подданным быть и солдатом
На войне, уходящей вовне
Между светом и мраморным мраком,
Между пулей и пульсом зажат –
Ты пройдёшь беспризорной собакой,
Потерявший сознание – брат.

ЧЁРНЫЙ СНЕГ

По полям камуфляж поразбросан –
Это осень идёт напролом,
Жестяные лежат малороссы –
Отработанный металлолом.
Заржавели телами киборги,
В головах – дармовой чернозём.
Волонтёрша Морана из моргов
Им запчасти уже не везёт.
Не жилось им, не елось, не пелось –
Бесовская взвилась чехарда –
И отправилась новая нерусь
Разрушать не свои города
На гибридной, морбидной, на пятой –
На какой там бессчётной войне –
Спят солдаты укрокаганата,
Возвращённые в смерть – в чёрный снег.

Василий ТОЛСТОУС

г. Макеевка

ГРОХОЧЕТ. ГРОХОЧЕТ! ГРОХОЧЕТ...

Грохочет. Грохочет! Грохочет...
Гадаешь: откуда, куда?
То шахту вдали раскурочит,
то мост принимает удар.
Посуда звенит беспрерывно...
Так хочется вниз, на простор.
На лестнице баба Марина:
«Сынок, может, выйдем во двор?
Сама не могу: ноги, ноги...
Седьмой-то этаж. Высоко.
Глуха и не слышу тревоги,
но ходором ходит балкон».
И плачет, и смотрит не видя:
«Там сын. Может, знаешь: Олег».
Её материнской обиде
полгода, а кажется – век.
Я знаю: был ранен, лечился,
и вновь – на Авдеевский фронт.
Мелькали бессчётные числа.
Писал: «Мы стремимся вперёд!»
Потом замолчал на полгода.
Сказали: «Попал под обстрел.
То снег, то дожди. Непогода.
Нейтралка. Там много их, тел».
Удары притихли в потёмках:
Господь не привадил беду.
«Помянем сыночка? Пойдём-ка».
Что делать? Конечно, иду.
В квартире портреты, плакаты:
«Россия с Донбассом – навек!»
Икона из дедовой хаты.
Взглянула – слеза из-под век.
Сидели вдвоём, поминали:
«Полнее, полней наливай!»
И выла, целуя медали:
«Пусти его, Господи, в рай!»

* * *

Когда сойдёт последний свет заката
и тень укроет ближний террикон,
тогда сверкнёт подствольная граната
и разорвётся здесь, недалеко.
Начнут стрелять из рожи пулемёты,
но красоту трассирующих пуль
вы, может быть, не сразу и поймёте,
живя в домах, искрошенных в щепу.
В подвале тоже, в общем-то, неплохо:
коптит свечи огарок на столе,
и мать в углу укачивает кроху,
чей мир – пространство маминых колен.
А так – вполне приличная реальность:
садись, накормят кашей и борщом.
Помочь, конечно, можете. Морально.
Мол, как вы там? И есть ли вы ещё?

* * *

Смущаясь, дети попросили:
«Присядь, попей. Припомни, дед,
ты был когда-нибудь в России?
Ведь прожил, чай, немало лет.
Скажи: она вообще какая?
Такие ж хаты ли на ней?»
Ответил дед: «В ней нет окраин.
Земель немилых нет, верней.
В ней было место и Донбассу,
и прерий крымских ковылю.
Я понимал всегда и сразу,
что на Дону её люблю,
что я люблю её на Волге,
и на Днепре, и на Неве,
был не чужим в Москве нисколько,
ведь с детства думал о Москве».
«Ну что молчишь? Ты озадачен?
Бывают лучшие края?»
«Я не молчу. Я просто плачу:
Россия – родина моя».

Елизавета ХАПЛАНОВА
г. Макеевка (ДНР) – г. Москва

ДОНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Как стонешь ты, земля, как тяжелеешь,
Когда в себе детей остывших греешь...
Как рок твой беззастенчиво жесток.
И от того ты кажешься нежнее,
Что всё приемлешь в этот горький срок.

Ты всё приемлешь – тяготы, потери.
Как мать, не замыкающая двери,
Вся в ожиданье – сына и любви.
Прощая маловеерам их неверье
И зажигая путникам огни...

В тебе, земля, всего скопилось столько!
Размерами с планету и с иголку...
Равновелик твой груз моей душе.
...Узор земли – воронка за воронкой,
И здесь – моей судьбы папье-маше.

ЖДУ С ПОБЕДОЙ

У тебя в окопе ни одной лампадки,
У меня – бессменно свечечка горит...
Ждёт тебя, родимый, верная солдатка.
И моя молитва – твой надёжный щит.
Руки б отогрела, коль была бы рядом,
Сердце бы хранила от лихой беды...
Будет мне, любимый, лучшею наградой
День, когда с победой возвратишься ты!
Помнишь, как встречали жаркие рассветы,
Как мечтали вместе путь пройти земной?
Верю, что вернёшься ты домой с победой,
Храбрый мой защитник, долгожданный мой...

* * *

Идут обстрелы опять и снова,
Мы наступаем – бегут враги.
...Лежит в больнице дончанин Вова,
Лишился мальчик одной ноги.

И снова смысл напрасно ищем –
За что ребёнку такой удел?
Вокруг – родимое пепелище.
Опять и снова идёт обстрел...

Теперь ему не нужны обновы:
Один ботинок, себе не лги.
Ноги лишился мальчишка Вова,
Уже не скажешь ему: «Беги!»

А ночь на фронте равна столетию,
Равна – рассыпанному драже...
Теряют ноги в Донецке дети –
И нет покоя моей душе.

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

Ты – эпоха и мессия,
Я – печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно иву у реки,
Словно длань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флягу – для солдата
И для путника – ручей.
Окорми стихом Завета,
Дай пройти твой пыльный путь.
Я тебе за всё за это
Пригожусь когда-нибудь.
И прикрою грудью верной,
И вдохну вторую жизнь.
Стану над твоим рассветом
Будни светлые вершить.
Ну а если оборвётся
На тебе моя строка,
Небу русскому всплакнётся –
И наполнится река...
Не ищу судьбы красивей –
Век мой странный и благий.
Сбереги меня, Россия...
Для себя же сбереги.

Андрей ШТАЛЬ
г. Краматорск

ЖЕРТВЕННЫЙ КАМЕНЬ

Время всех нас укроет песками,
Но, прервав свой безжизненный сон,
Всё же выполз вдруг жертвенный камень
На дорогу из прошлых времён.

Из другого культурного слоя,
Из легенд и глубин – в никуда.
А вокруг что-то новое строят
И о чём-то гудят города.

Он глядит в миллионную осень,
Совершая извечный дозор.
Ветер древнюю пыль его носит
И вступает со временем в спор.

Но что было когда-то – забыто,
И отпущен всему был свой срок.
Остаются могильные плиты,
Остаются холмы да песок.

Жизнь и смерть хороводят веками,
Смотрит солнце на всё свысока.
Ждёт чего-то увесистый камень,
А под ним – вековая тоска.

СОЖЖЕНИЕ ЖАННЫ Д'АРК

Писатели врут, но Господь им прощает
обманы,
А нам до такого вранья совершенно нет дела,
Когда на досуге читаем в бульварном романе
Историю ведьмы, что звать Орлеанскою девой.
И ждут нас бои, приключенья, потери, успехи,
И ждёт нас война, и нам кажется, будто мы
сами
Участвуем в ней и поэтому чистим достпехи,
Летим на коне и умеем бороться с врагами.
Епископ вином до краёв наполняет свой кубок.
Высокий и мрачный – таким он представлен
нам в книге.

Игорь ЛЫСЫЙ
г. Донецк

Он дьявола в женском обличе считает
суккубом
И хочет изгнать, и плетёт непрерывно интриги.

Святые отцы зажигают, уйдя из пивнушек,
Кострище горит, что-то шепчут друг другу
зеваки.
И ангел-хранитель, стараясь спасти её душу,
Летит к ней навстречу, но также сгорает
во мраке.

ПУТЬ ПОЭТА

Можно вязнуть в житейской гуще,
Можно плыть вопреки судьбе,
Можно быть от себя бегущим
Или путь проложить к себе.

Всех возмездие ждёт по вере,
По заслугам – и в этом суть –
Зависание в «Англетере»,
На Голгофу ведущий путь.

Называешь себя поэтом,
Пишешь разные резюме,
Караулишь дорогу в Лету,
Был согласен сидеть в тюрьме.

То духовно живёшь, то плотски,
Как сдираешь с души эстамп,
У тебя в фаворитах Бродский,
Маяковский и Мандельштам.

На врагов наступаешь с боем,
Но когда устаёшь от драк,
Замечаешь: вдвоём с тобою
Снова в комнате полувраг.

И вернее убьёт не слово,
Но граната или снаряд...
А слова у тебя – полова,
Всё же – рукописи горят!

В ЭТОМ КАМЕННОМ СЕРДЦЕ...

В этом каменном сердце донецкой степи
Каждый день словно звенья железной цепи.
Каждый час тяжелее, чем прожитый год,
Смерть за нами, как тень, постоянно идёт.

По бульварам твоим и твоим площадям
Поливают свинцом, никого не щадя.
Только здесь понимаешь, зачем ты живёшь,
Хоть цена твоей жизни – лишь ломаный грош.

Чрева улиц, проспектов широкая гладь
Не вмещают войны тяжеленную кладь.
Но несём мы на хрупких усталых плечах
Свою ношу надежды, как Божью печать.

В этом каменном сердце донецкой степи
Каждый день словно звенья железной цепи.
Всякий раз, как на плаху, вхожу в новый день,
А за левым плечом снова тень, та же тень...

ДОНЕЦКАЯ ЗАРИСОВКА

Затихает нешуточный «гром»,
Вдаль неспешно бегут облака.
Мяч, качели и раненый дом,
Одинокий лежит самокат.

Девять лет, как малину с куста,
Проглотила злодейка война.
Нет грехов, книга жизни чиста,
Только жизнь как из страшного сна.

На коленках следы от песка
(Непоседа, шалун, егоза...),
Непослушная прядь у виска,
Голубые, как небо, глаза.

Тонкий лик и в прожилках рука,
Как на старых святых образах.
Вдаль неспешно плывут облака,
Отражаясь в открытых глазах.

Потрескалась и болит.
 Глянь! Чья-то кривая рожа
 Бессмертьем тебе грозит.
 Под хвост угодили вожжи,
 Под слом пошли города.
 Весь мир в шагреновой коже,
 И гаснет в дыму звезда.
 Но ты продолжаешь верить
 В грядущий Его приход.
 И верой свою меряешь
 Отечество и народ.

МОЙ ГОРОД

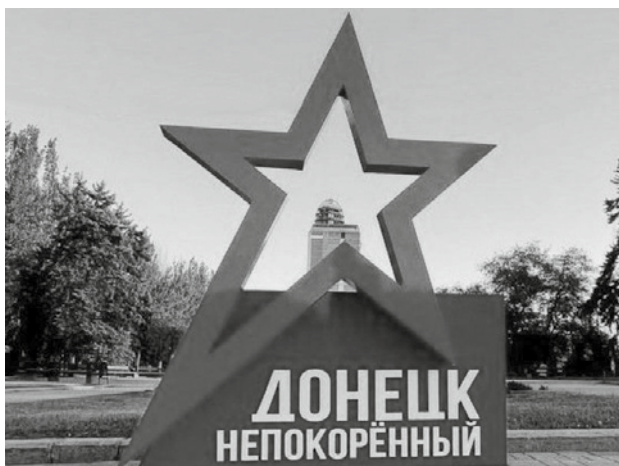
Этот город по меркам истории молод.
 Он раздроблен районами фабрик и шахт,
 Вскормлен он нашей кровью, но чувствует
 голод

Этот город, где песней звучит даже мат.

Этот город прощать ничего не намерен,
 Коль обидел его, то ответишь за всё.
 Он подросток, и так же в любви неумерен
 Этот город, что может быть преданным псом.

Этот город в наколках от угольной пыли,
 Что под кожей храним мы до Судного дня.
 Он не сказка, но, чёрт побери, ярче были
 Этот город, что принял и любит меня.

Этот город ещё вызывающе молод,
 Не скупясь дарит всем он букеты из роз.
 Пусть бездарной войны наковальня и молот
 Подтвердят наш характер и статусный рост!

ЗАКАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Мы меряем историю собой,
 А время истончает жизни нить.
 И родина пытается нас войной,
 Но верим мы, нам жить ещё да жить.

И ночь сменилась ярким тёплым днём,
 И птицы продолжают песни петь.
 Да! Мы детей рожаем под огнём,
 Не думая, что можем умереть.

Мы смело по судьбе своей идём,
 Историю новейшую творим,
 Быть может, мы когда-нибудь умрём,
 Но Русский мир в обиду не дадим.

А родина пытается нас войной,
 Но мы, сплетая наши судьбы в нить,
 Живём сейчас с распахнутой душой
 И верим, что победе нашей быть!

ЛУГАНСК

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

* * *

* * *

Шепчет ветер: «Беги, уезжай.
На корню здесь гниёт урожай.
Здесь подсолнуха шляпки черны.
Почернели они от войны.

Здесь без крыш и без стёкол дома.
Кто остался, сошёл тот с ума.
Уезжай, – он твердит – уезжай.
Ты себя, дорогого, спасай».

Только мы никуда не уйдём.
Это Родина наша. Наш дом.
Пусть у страха глаза велики.
Мы не дрогнем, ведь мы мужики.

И на наших плечах вся страна.
Мы защита её, мы стена.
Здесь мы жили. Живём. Будем жить.
Жизнь не жалко за это сложить.

* * *

Никогда Донбасс не будет плакать,
Даже если всё нехорошо.
Мы не будем «окать» или «акать».
Нам достались наши «гэ» и «шо».

Нам достались степь и терриконы,
Дух свободы, запах чабреца
И войны суровые законы.
Видно труса, видно храбреца.

Время перемен и время слома.
Время действий. Хватит громких фраз.
Вновь фашизма выросла саркома.
Удалить – нам Родины приказ.

Никогда Донбасс не будет плакать...

Он контужен и ранен в ногу,
И проблемы есть с головой.
Он с трудом находит дорогу,
Возвращаясь к себе домой.

У него головные боли.
Речь замедленна... К чёрту речь!
Всё зависит от силы воли,
А иначе – в могилу лечь.

«Я поправлюсь, – сказал, – и точка.
Мне иначе никак нельзя.
У меня есть жена и дочка,
Есть работа и есть друзья.

Ежедневные тренировки.
Через боли и тошноту.
Воля к жизни – важней винтовки.
Я боец на своём посту».

Как сказал он, всё так и будет.
Излечение – солдата фронт.
Вот такие в России люди.
Вот такой золотой наш фонд.

* * *

Мы провожаем поезда.
Стоим на полустанке,
А мимо ведомо куда
Платформы: танки, танки...

Который год идёт война,
Кровавые сражения.
Который год моя страна
Рвёт жилы напряженья.

Который год, который год
Идём мы медленно вперёд.

* * *

Ходят в форме людоловы,
Ищут «мясо» на войну.
Инвалиды, вы готовы
Защищать свою страну?

Кто слепой, того на мины –
Делать «наступу» проход.
Пост безногий не покинет –
Выдать парню пулемёт.

Дураку дать чин сержанта –
За собой пусть всех ведёт.
Хватит клоуну таланта –
Всё до цента украдёт.

Гарь, помойки и пустыни.
Сала нет и колбасы.
Ще не вмерла? Скоро сгинет.
С кружевами где трусы?

* * *

Громко рванул снаряд,
Смертью встав на пути.
Женщине – пятьдесят,
Девочке нет шести.

Кровь и ошмётки тел.
Срезан осколком лист.
Этого ты хотел,
Бравый артиллерист?

Будешь спокойно спать.
Совесть не разбудить.
Будешь опять стрелять,
Чтобы «русню» убить.

Только спасения нет –
Бьющим по городам.
Сгинет нацизма бред.
Сгинешь бесследно сам.

* * *

Опасность – не поведут бровью.
В этом героев бравада.
А правила пишутся кровью.
Их соблюдать строго надо.

Погиб – вражья свора так рада.
Погиб не за дело, а зря.
Да, жертвовать жизнью надо,
Но только за други своя.

Герои, не надо бравады.
Основа геройства – расчёт.
Не надо бравады, не надо.
Победа лишь к умным придёт.

* * *

*Посвящается Виктору «Танчику»
и его экипажу, погибшим в Мариуполе*

Ты мясо для меня не жарь.
Я вспомнил городок Донбасса,
Горящий танк и запах мяса.
В нём экипаж был из запаса.
Войной прокопченный январь...

Ты мясо для меня не жарь.
Ведь у победы запах смерти.
Кто уцелеет в круговерти?
Ликуют ангелы и черти.
У каждого свой урожай.

Я ненавижу эту гарь.
Я вспоминаю братьев лица.
Их жизни порвана страница.
Я обещаю измениться.
Но мяса ты при мне не жарь.

* * *

Не купил ты диагноз в психушке.
Не продался за колу и пиццу.
Не «залёг» на квартиру подружки.
Не сбежал «отдыхать» за границу.

Ты не стал для друзей «пятисотым».
Кто сбежал, это им в укоризну.
Ты ведь выбрал мужскую работу.
Ты ушёл воевать за Отчизну.

Жизнь ждёт на вопросы ответы.
Кто придёт к нам с оружием – сгинет.
Встретят в поле их «Пересветы»,
А предателям путь лишь к осине.

* * *

Домик бабки Маруси
В щепень разнёс фугас.
Профи – «дикие гуси» –
Чистить пришли Донбасс.

Немцы, ляхи, хорваты
Знают, как убивать.
Что им чужие хаты?
Что им чужая мать?

Не заработать глупо.
Деньги идут на счёт.
Селфи на фоне труп.
Америка «спасёт».

В краске уродов хари.
Улыбка во весь рот.
Это же как сафари.
Спор, кто больше уьёт...

Счастье недолго длилось.
Арга не подвела.
Плен бы теперь им в милость.
Сгнили врагов тела.

Всех «гусей» успокоим.
Выживет наш Донбасс.
Заново всё отстроим.
Это сердце приказ.

* * *

Иллюзия лёгкой победы
К страшным ведёт пораженьям.
Диванные военеды,
Где ваши соображенья?

Затихли или заныли,
Подобно пятой колонне.
Забывали вы, забыли
О главном в жизни законе.

Победа всегда у смелых,
Позиции не сдающих.
Чтоб сердце атакой пело
И верилось в день грядущий,

Рви в напряжении жилы.
Упал – значит, надо подняться.
И верь, что придут к тебе силы
До самой Победы сражаться.

* * *

Даже не думай о лете.
Хочешь согреться? Брось!
Ветер, февральский ветер
Всё продувает насквозь.

Холодно. Адский холод.
С ветром он в унисон.
Мир наш войной расколот.
Степью идёт батальон.

Ветер выбелит кости
Тех, кто пришёл с войной.
Мы же идём не в гости.
Мы все идём домой.

Дикое поле, ветер.
Это всё наш Донбасс.
Мы за него в ответе.
Время выбрало нас.

ИЗ ЦИКЛА «НОВАЯ МИФОЛОГИЯ ДОНБАССА»

ВАТНИК

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

Мороз был небольшой, но ветер, пронизывающий насквозь, усиливался. Настоящий донбасский ветер. Хороший у Виктора Петровского ватник, новый, а и то долго в нём на таком ветре не побудешь. Замерзнешь. Но Виктор долго был на морозе и не собирался. До общежития рукой подать. Виктор, молодой горный инженер, внедрял на этой шахте новую технику. Три месяца он уже тут и в самый первый день влюбился в местную девчонку. Женя, Женечка, Евгения. Три месяца Виктор провожал её из клуба домой. И только этим вечером решил признаться ей в своих чувствах. И, о чудо, Женечка сказала ему, что любит его тоже. И летел Виктор на крыльях любви от дома Жени к себе в общежитие.

Дорога знакомая – не заблудишься. Сначала по поселковой улице мимо спящих домиков. Темно. Ни одного огонька. И только в конце улицы, возле дежурного магазина, болтался на ветру путеводной звездой фонарь. Подойдя к магазину, Виктор постучался в окошко – купить хлеба и чая: обещал соседям по комнате. Магазин поэтому и назывался дежуркой, чтобы шахтёры после третьей смены могли купить себе еды. За дежуркой сквер с памятником Неизвестному Солдату. А за сквером клуб и общежитие. На лавочке возле памятника Виктор увидел парня. Наверное, выпил лишнего. Разморило. Так и замерзнуть недолго. Виктор подошёл к парню и положил ему руку на плечо, а тот и не спит. Бормочет что-то себе под нос, и не разобрать. Холодно, а он без шапки и пальто. Парень посмотрел Виктору в глаза и спросил:

– Ты моего ватника не видел?

– Нет, не видел, – ответил Виктор и продолжил: – Забыл, где оставил? Завтра найдёшь. Пошли лучше со мной в общежитие, найдём тебе место, где переспать.

– Не могу я. Невеста меня ждёт. Я обещал к ней вернуться.

– Раз обещал, то надо выполнять обещание. Тем более невесте. Но так ты к ней не дойдёшь – замёрзнешь. Знаешь что, парень, бери мой ватник и шапку. Мне идти недалеко, а тебе они понадобятся.

И, не дожидаясь ответа, Виктор снял с себя ватник и шапку и сунул их парню в руки. Тот пытался возразить, да где там. Виктор уже бежал дальше.

Расстояние от памятника до общежития Виктор пробежал как в армии: в сапогах и быстро. Не даром армейские годы прошли: даже не сбил дыхание. И не замёрз, несмотря на отсутствие тёплой одежды. В холле в дежурке сидел вахтёр Михаил Степанович. Хороший мужик – серьёзный и не пьющий. Строгий, когда надо, но и в положение войдёт. Если бы Виктор привёл того замёрзшего парня в общежитие, то впустил бы он его до утра, несмотря на отсутствие прописки. Михаил Степанович до пенсии шахтёром был, но и на пенсии работает. Не из-за денег, а чтоб быть полезным обществу.

– Здравствуйте, Михаил Степанович, – поздоровался Виктор. – Как дежурство?

– Дежурство без происшествий. А вот где ты свою шапку и ватник потерял – это вопрос. Тот, кто тебя не знает, решил бы, что ты к замужней повадился, а муж не вовремя вернулся. Но ты парень серьёзный, к замужней не стал бы ходить, да и с танцев ты уже три месяца Женьку Репчиху провожаешь. Она девушка серьёзная, до свадьбы тебя к себе не подпустит. И отца её, Никиту, знаю хорошо: вместе работали на шахте. Тоже мужик серьёзный. Раздеть тебя бы тоже не раздели. Ты бы без боя не отдал, а следов боя я не вижу. Где верхняя одежда?

– Вам бы в разведку, Михаил Степанович. Всё просчитали.

– Так я в разведке и служил, в партизанском отряде. Мальчишкой десятилетним ходил

в город и на железнодорожную станцию. На меня немцы внимания не обращали, а я всё запомню – и обратно в отряд. Медаль имею партизанскую второй степени. Да разговор не об этом. Где твой ватник и шапка?

– Отдал я их тому, кому они нужнее. Встретил я парня возле памятника Неизвестному Солдату. Был он без тёплой одежды и совсем замёрз. Я его раньше не видел, значит, не наш, не местный. Я его с собой хотел взять в общежитие, но он отказался. Невеста, говорит, ждёт его давно. Фотографию её мне показал. Красивая. В белом платье.

– Фотографию показывал. Девушка в белом платье, – повторил Михаил Степанович и, встав со своего стула, вышел из дежурки и подошёл к Виктору. – А нос у него не орлиный? Такой смуглый, и лет ему не больше тридцати?

– Да, Михаил Степанович, – обрадовался Виктор. – Вы его знаете?

– Как не знать. Дружил я с ним. И жил в одной комнате в общежитии. С Витей Итальянцем. Звали мы его так, хотя по паспорту он был Витторио. Витторио из Италии. Он был военнопленным. Тогда их много работало по шахтам Донбасса. Восстанавливали то, что разрушили. Вскоре их отпустили домой, а Витя остался. В Италии безработица, а здесь и работа, и жильё. А ему на свадьбу надо было деньги заработать. И домик купить надо. И землю под виноградник. Вот и работал Витя без отпусков. Не курил, не пил, на всём экономил. За бабами не бегал. Мужики подшучивали над ним поначалу: мол, тебе женщина и не нужна. А он всё про свою невесту рассказывал. О её верности и красоте. И о том, как её он любит. И фотографию её показывал. Девушка в белом платье. Парни от него и отстали. Любит человек, а любовь – это святое. Итальянцы в оккупации вели себя лучше, чем немцы. Я имею в виду солдат, а не офицеров. Да и Витя, находясь в нашем плену, вступил в антифашистский комитет. Поэтому никто его прошлым не попрекал и почти все к нему относились хорошо. Летом он ходил в гимнастёрке и армейских штанах, а зимой надевал старый лагерьный ватник. Износился. Дыра на дыре. А в ноябре 1957 года собрался

Витя Итальянец домой в Италию. «Всё, – говорит, – деньги собрал, и невеста написала письмо: не приедешь до Рождества – отдадут замуж за другого». Я и два моих друга – мы были соседями Вити по комнате – решили сделать ему подарок. От нас, советских людей, нашему брату-шахтёру из Италии. Собрали все свои сбережения, добавили свои месячные зарплаты и купили ему весь гардероб: три рубашки, костюм с галстуком, туфли, носки, нижнее бельё, шапку каракулевою, драповое пальто с меховым воротником. Профессорское. И хороший чемодан. Жених должен выглядеть как жених – с иголочки. И пока Витя спал после смены, мы это всё и внесли ему в комнату. А старьё, чтоб он не вздумал повезти его в Италию, вынесли на улицу и кинули в костёр. Стоим и смотрим, как догорает «старая жизнь» Вити Итальянца. И вдруг истошный крик, как будто кого-то убили. Мы наверх, а там Витя, бледный как смерть, трясётся и кричит: «Где мой ватник?» В ватнике, оказывается, все его деньги были зашиты. А мы их превратили в пепел. Посмотрел он на нас, заплакал и ушёл. Я до сих пор помню этот взгляд. Тоскливый, безнадежный. А мы застыли, осознавая, что мы сделали. Если бы мы знали, что будет дальше, мы бы побежали за ним. Да кто ж знал? А наш Витя повесился в шкафу на ремне. Врач тогда мне сказал, что нужно иметь сильную волю и страшную беду, чтоб повеситься в шкафу, где и встать в полный рост невозможно. Похоронили мы его в новом костюме и в новых туфлях. Пригодился наш подарок...

– Страшная история, Михаил Степанович, а этот парень, которому я отдал ватник, при чём? Он жив, а ваш Витя умер, – сказал Виктор.

– Знаешь, Виктор, я коммунист. А коммунисты ни в бога ни в чёрта не верят, а в мистику тем более, только никто из тех, кто жил в комнате с Витей Итальянцем, так и не женился. Была любовь, но всегда безответная. Вот и я бобыль, так своего счастья и не нашёл. А потом каждый год в ноябре месяце стали парни нашего посёлка, те, кто нашёл уже свою любовь, встречать орлиноногого смуглого парня без тёплой одеж-

ды. Парня, который ищет свой ватник и должен попасть к своей невесте. И фотографию её всем показывает. Красивая девушка в белом платье.

– Вы это серьёзно? – перебил Михаила Степановича Виктор.

– Очень серьёзно. Сашку Сигайду знаешь? Забойщик на втором участке. К Людке Архиповой сватался. Отказала.

– Так он пьёт сильно, – парировал Виктор.

– Выпивал, но не сильно. А как Людка отказала, то как с цепи сорвался. А Прокоп женился к Наташке Гринчук? Отказала. Всех и не перечислишь. И все клянутся, что видели Витю Итальянца.

– Я, Михаил Степанович, комсомолец, а значит, материалист и в бабкины сказки не верю, – подвёл итог беседе Виктор и с гордым видом поднялся по лестнице на второй этаж, где была его комната. Соседи по комнате уже спали, и Виктор, не включая свет, разделся и лёг на кровать. Но сон не шёл. Он, конечно, комсомолец и в мистику не верит, но Степаныч – мужик серьёзный, врать не будет. А вдруг это правда и Женя завтра перестанет его любить? Едва дождался Виктор пяти часов утра – и бегом по вчерашнему маршруту. Прибежал к её домику и давай стучать в окно. Заспанная Женя выглянула в форточку и недовольно спросила:

– Что стучишь ни свет ни заря? Родителей разбудил...

– Женя, ответь мне, – сердце Виктора стучало как после стометровки. – Ты меня любишь? Замуж за меня пойдёшь?

Женька засмеялась и ответила:

– Люблю и замуж пойду. Иди спать, чумовой...

Через месяц Женя и Виктор сыграли свадьбу. Виктор торопил. Все удивлялись: и чего он так спешит? А через год родился сын.

И Михаил Степанович нашёл своё счастье. Женился на вдове шахтёра, погибшего в забое. С детьми взял и воспитывает их как своих.

Витю Итальянца больше никто не видел. Было ли проклятие? А если было, почему не подействовало? Виктор часто об этом думал. Что бы было, если бы он не отдал свой ватник?

Василий ДУНИН
г. Луганск

9 МАЯ 1945-ГО

Развалины посёлка,
и мы, ещё малы,
Витяня, я и Сёмка,
вдоль улицы столы,
полушки и чекушки,
стаканов перезвон,
припевки и частушки,
гармошка, патефон,
молодки, вековухи,
вдовицы, старики,
дядь Саня без руки
и псина вислоухий,
срамное обниманье,
раскованный маток,
где вдовы – наша мама,
вина её глоток,
и воли тихой праздность,
и горечи вдвойне –
такая наша радость:
поминки по войне.

ПИТОМНИК ВОИНОВ

Коренаст, окно сурово,
на окне в стакане – соль:
в сером домике в Серове
сыщешь в двушках и консоли.
Он, домишко в две надстройки,
всю войну в её глазу,
вызывал укором стойким
то грозу, а то слезу.
Он, домишко, отдал в жертвы
всех домашних мужиков –
фронт косил их, точно жерди,
плющил, словно бы жуков.
Он стоит о двух подъездах
с распростёртыми дверьми:
мол, в подъездах много места –
мужиков, война, верни!
Неохватная держава –
в волосах Москва цветком –
всех солдат своих рожала
в этом доме сто веков.

ВОЙНА МОЕГО РОЖДЕНИЯ

Родила меня война
и в тылу оставила –
не была она вольна
не послушать Сталина.

Ей предписано не щадить
своих, как вражеских,
пули телом отвращать
от просторов нашенских.

Отходил тогда ко сну
и вставал тыл с целями
ждать победную весну
и отцов с ней целыми.

Мой же сгинул в тот момент,
в дату сорок пятую,
как низвёл войну на нет,
клятую и мятую.

Так, на лень скудна, война
брань в полях измаяла –
лишь торчит её вина,
в мраморе изваяна.

9 мая 2015 г.

ПТИЦЫ НА ВОЙНЕ

Птицы рано просыпаются
окормляются в кронах роц,
даже если просыпается
в этот час на кроны дождь.

Птицы рано просыпаются
и тогда, когда с небес
бомбопада просыпается
разрывной смертельный вес.

Нет для птиц эвакуации
и от бомб убежищ нет –
есть презренье к авиации
за её летальный след.

2015 г.

ПЕРЕМИРИЕ

Подворья опять не пустыньны –
сменила войну тишина,
подворья от взрывов остыли –
не плачет ни мать, ни жена.

Напнёшь завалиющую робу,
сойдёшь с этажа в тишину
и торкаешь пальцем на пробу
её, тишины, толщину.

Да вдруг, как вчера, ум очнётся:
бесплотна она, тишина,
но если опять всё начнётся,
то первой услышит она.

Она не окажется нервной:
бесплотностью хрупкой своей
она и подставится первой,
потом ополчение – за ней.

Луганск, 2014 г.

ПОД ПУЛЯМИ

Идут ребята воевати –
советы не витиеваты:
не посрамите, мол, и бдите,
и пулю-дуру обойдите.

Но пуля-дура не одна там –
там тьма их тьмущая, перната,
на поле брани оголтела,
и каждой дело есть до тела.

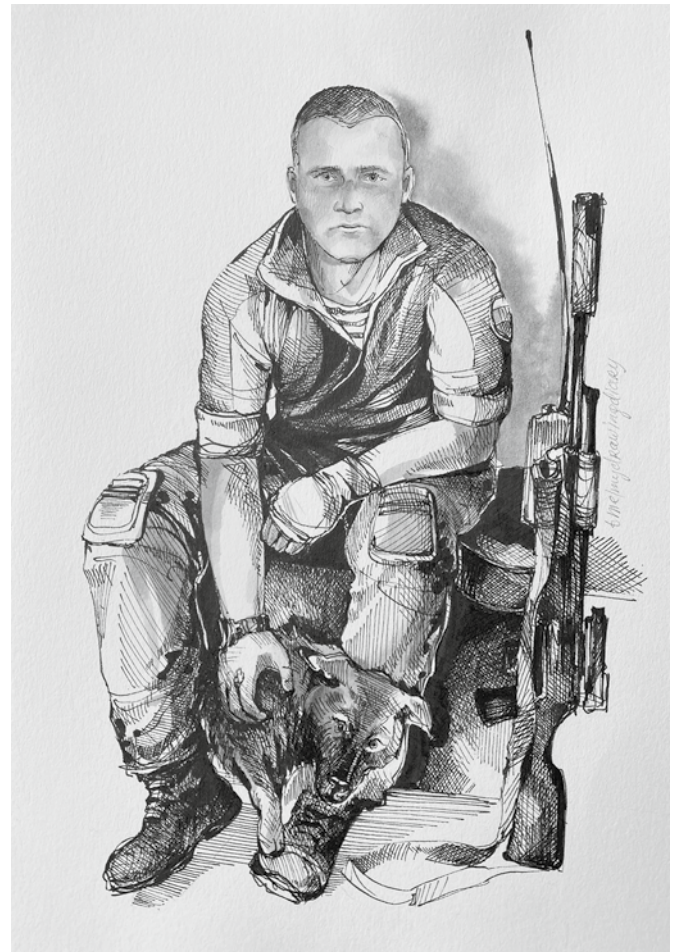
Она и рада быть иною –
не принуждаемой войною –
и призывать не обижаться
ребят, а к брустверу прижаться,
но ей, безмолвной, это дело
не проверить, не ткнувшись в тело.

Луганск, апрель 2014 г.

А НА ВОЙНЕ – КАК НА ВОЙНЕ

Всё банальным кажется,
даже мир иной,
даже телеханжества аж до параной,
даже пьянство циников,
сделавших донос,
даже выси ценников
в годы на износ,
даже войны малые,
а большие тем
более банальные
с их ущербом тел,
где на смерть обидеться –
насмешачить кур,
где лояльным видится
только перекур...

Луганск, 2014 г.

Капитан Алексей Иценко, командир роты
126-ой гвардейской бригады. Погиб 29
августа 2022 в бою под Новой Каховкой

Лариса БЕКРЕШЕВА
г. Луганск

* * *

Моя земля над тихою Луганью
Укутана в предутреннюю грусть.
Не раз меняла жизнь твои названья,
Но как ни назови – ты та же Русь!

Мой Северский Донец – он брат по крови
Седому Дону испокон веков,
И в ночь Купалы, сотканный любовью,
Плывёт венок вдоль русских берегов,

И пусть любовь сердца соединяет
Всех, кто пришёл к нам в гости без меча.
Степной орёл парит, границ не зная,
Свободе чувства братства нас уча.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Победный май, но слёз глаза полны
У тех, над кем наш мирный свод искрится,
Но кто родных всё ждёт ещё с войны,
Чтоб с ними сокровенным поделиться,

Услышать, как они, к плечу плечом,
Собой закрыли Родину от пули
И как желали жизни горячо,
Когда в глаза бессмертья заглянули.

Их имена над толпами текут
В полку бессмертном вновь единым
строим!
В них снова жизнь! А в небо голубое
В их честь взлетает праздничный салют.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Смешной, веснушек золотых разлив,
В руке тюльпан, сам – ниже постамента,
Но, свой тюльпан на мрамор положив,
Георгиевскую расправил ленту –

Победы знак на маленькой груди,
И снова к маме – гордый и серьёзный!
Давай, малыш! Смелей вперёд иди!
Хоть на глаза совсем некстати слёзы...

Мы помним всех, кто подарил нам тишь
И мирную лазоревость рассвета!
С георгиевской ленточкой малыш –
Он от фашизма защитит планету!

*«А в общем, надо просто помнить долг,
от первого мгновенья до последнего»*

Виктор ПЛЕСКУН

С. Пархоменко

* * *

Бетонное солнце... бетонные лица...
 Бетонные люди... бетонные птицы...
 Бетонные мысли сжаты тисками...
 Бетонные тучи сгустились над нами.

Откуда всё это? Где жизни источник?
 Вместо ответов – множество точек.
 Куда всё живое исчезло, свернулось?
 Неужто бетонное небо прогнулось?

Нависло над нами, давит бетоном,
 Чистые чувства откликнулись стоном.
 Слёз не видать – ледяной конденсат,
 Даже слова здесь летят не попад.

Неужто росток не пробьёт монолит?
 И мысль в поднебесье уже не взлетит?
 И солнечный луч не разрежет бетон?
 А радостный смех не заглушит вновь стон?

Вера с Надеждой живут ещё в нас,
 Станет цветущим родной наш Донбасс,
 Мирное время настанет здесь вновь,
 И воцарится святая Любовь!

* * *

Весенний день, но нет ещё тепла,
 И солнце светит, но мороз крепчает.
 Казалось мне: душа сгорит дотла,
 Надежды искра в небе замирает.

Застыла вдруг, не падает она,
 А это значит, что не угасает.
 И слава Богу, что она видна,
 И веры дух она в меня вселяет.

Коль не угасла, значит, я живу,
 И буду жить я ради вас, родные.
 И что любил, по-прежнему люблю,
 Мне чужды чувства новые, иные.

В свою я душу злобу не впущу,
 И ненависти нет в ней тоже места.
 Я оптимист и жизни луч ищу,
 Минора нет, звучит мажор оркестра.

* * *

Апрельский день. Цветам бы расцветать,
 Но нет тепла в сердцах и нет в природе.
 Душе бы петь, но хочется кричать,
 Всё потому что силы на исходе.

Вы скажете, что слаб. Возможно, да.
 Я не стыжусь, друзья, признаться в этом.
 Был помоложе б, может быть, тогда
 Я б обратился к старшим за советом.

А вот сейчас приходится терпеть,
 Собрать все нервы, силы воедино.
 И как не хочется – приходится – стареть,
 Но лишь желание одно непобедимо:

Перетерпеть, чтоб выжить, дальше жить
 И с юмором уже не расставаться.
 Солдатским братством буду дорожить,
 Оно сейчас мне не даёт сдаваться.

Где лёгкий мат порою в три ряда,
 Где прибаутки, анекдот иль байка,
 Где при общении стираются года,
 Где делится на всех консервы пайка,

Где вместо «Вы» все перешли на «ты»,
 Где у костра чай вкусней, чем в баре,
 Где бороды не ради красоты,
 Где дрожь берёт при каждом артурдаре.

И пули свист почти что как в кино
 О той войне, где воевали деды.
 Мне это в братстве пережить дано,
 В окопе сон иль у костра беседы...

* * *

Мороз отступил, ярче дни теперь стали,
Всё оживает, и веет весной.
Весело птицы уже засвистали,
С дальних краёв потянулись домой.

Знают они, что их ждёт край родимый,
Гнёзда родные, леса и луга.
Только не знают, что край их любимый
Пепел войны застелил, не снега.

Зелени нет, лес ещё не укрылся,
И не оделись сады в белый цвет.
Лишь первоцвет из-под снега пробился,
Жизни грядущей принёс он привет.

Этот цветок – символ чистой природы,
Он украшает весенний пейзаж.
Пепельный снег смоют талые воды,
Чище и ярче весь мир станет наш.

* * *

Жизни радостные минуты,
Когда слышу я голос твой.
Мои нервы в кулак сомкнуты,
За высотку идёт вновь бой.

Струны эти не отпускаю,
Не должны расслабляться они.
Это понял теперь я, знаю
И до встречи считаю дни.

Жду тот день, когда дверь откроешь,
Спросишь тихо: «Где долго был?»
Своих слёз в этот миг не скроешь.
Взгляд твой, милая, я не забыл.

Твои руки, улыбку, укоры
И морщинки у краешка глаз.
О проблемах детей разговоры,
Что, увы, возникали не раз.

В миг затишься о доме мысли,
Но вот залп напрягает опять.
Тучи дыма над нами нависли,
Не воротишь тут время вспять.

Закрываю глаза – вновь дома,
Здесь уютно и тишина...
Вещь здесь каждая мне знакома,
Лишь открою глаза – война...

* * *

Их было три. Но с интервалом
Они летели напролом.
Тогда за автоматным шквалом
Не слышен даже был и гром.

Он громыхал – они летели –
Три пули – быстрою стрелой.
Быть может, вовсе не хотели,
Их жизнь диктуется войной.

Их было три последних пули,
Все остальные вдалеке.
И вот они туда шагнули,
Где смерть иль жизнь на волоске.

Одна, войдя с трудом в твердыню,
Пронзила сотни две колец.
И дуба тихую гордыню
Нарушил холода свинец.

Вторая вдаль шагнула, в вечность,
Лишь слышен тихий перезвон.
О ней времён-то быстротечность
Забудет, будто страшный сон.

Но где же третья? Третья – в сердце!
Она вошла легко в него.
Но не в распахнутую дверцу,
А напролом за миг всего.

Оборвала любовь и счастье,
Большую радость иль успех
И принесла с собой несчастье,
Взвалив на душу чью-то грех.

Их было три... Возможно, где-то
Утонут две в небытие.
А третья станет амулетом,
Как горький знак о той войне.

Из цикла «Вместо репортажа»

Александр СИГИДА
г. Молодогвардейск, ЛНР

17 ИЮЛЯ 2014 ГОДА

Начал лютую бойню
новоявленный хам:
разбомбил колокольню...
Помешал ему храм?

Горек сделался пряник,
если выбрали кнут.
После воя и паник
реки вспять потекут.

Современные зомби
над лугами парят,
прямо в купол часовни
направляя снаряд.

* * *

*Светлой памяти А. А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014 года*

Там – на картинках – красивые горы,
гордые профили дремлющих скал.
Тут – бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал.

Головы молча склоняя над гробом,
нам остаётся продолжить борьбу.
Грозный салют отзывается громом,
сопровождая и жизнь, и судьбу.

Вот и дожили до грозного часа –
к нам возвращается время потерь...
...Горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь.

23.07.2014

ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЙ

То Мазепе, то Петру
молится столица.
...Обстреляли поутру
школу и больницу.

Опускаемся в подвал –
переждать бомбёжку.
Неожиданно (!) попал
прямо в «неотложку».

Настоящая беда
посильней тревоги.
Попадая в никуда (?),
лупят вдоль дороги.

Репродукторы ревут
у Дворца культуры.
До чего прицельно бьют
по комендатуре!

Бьют по чёрному платку,
по ремонтным базам –
по степному Городку
тяжело промазать.

Начало августа 2014 г. – 30.03.2015

(ЛАСТОЧКЕ)

Тают наши города
накануне долгой осени.
Наступают холода –
в роковом многоголосии

догорает огород,
перелётные снимаются...
Разбегается народ...
Телезрители свыкаются

с монотонной чехардой –
канонада да рыдания
(жить с технической водой
можно долго...),
до свидания!

Далеко видать с горы
(как не вспомнить здесь про Воланда).
Из-за жажды и жары
притупилось чувство голода.

20.08.2014

* * *

Янычар забывает заветный язык.
У него, кроме лука и сабли,
ничего; он к походам и битвам привык,
а сыновние чувства ослабли.

Он не знает, где дом у него, где родня
и в какой стороне его корни.
Он садится верхом на лихого коня
И бросается, как с колокольни.

Как он смел!

Но способен без боли предать
чистоту сокровенных понятий;
А того, кто забыл свою землю и мать,
побеждает любой неприятель.

ПСАЛОМ ДАВИДА, КОГДА ОН БЕЖАЛ ОТ АВЕССАЛОМА, СЫНА СВОЕГО

Господи! Умножились враги!
Я бегу от собственного сына.
Ищет он следы моей ноги;
Путь мой – непролазная трясины.
Господи, Ты щит мой и заслон,
Голову мою возносишь гордо.
Охраняешь мой тревожный сон,
Наступив сопернику на горло.
Ополчились со всех сторон.
Сокрушаешь зубы нечестивых,
Поразил в ланиты всех врагов,
Но меня не делаешь счастливым.
К Господу я обратил псалом;
Над народом Божие спасенье.
Как же так – мой сын, Авессалом,
На отца готовит покушеньё.

СЫНЫ

Нет, мы прощенья не просим,
Не поднимаем глас.
В Египет проданный Иосиф
Клеймом на нас.
Они пророчествам не верят,
Не чтят Отца...
Их брат растерзан диким зверем
И стёрт с лица.
Двумя пророческими снами
Их дразнит брат.
А быть склонёнными снопами
Они хотят?
Оковами стеснили ноги,
Железом – дух.
Разбойники с большой дороги
Бегут на юг.
Сыны обречены на гибель.
Им застит свет
Иосиф, проданный в Египет
За горсть монет.

ПСАЛОМ

* * *

Говорю Тебе, Боже: готов.
Поднимаясь из холода пропасти,
я прошёл через горы годов,
дотянулся до голоса, Господи.
На пути обойтись без потерь –
было горя, что снега на голову, –
отвернуться от слова теперь,
отступить – что на площади голому.
Обращаюсь с молитвой к мирам,
где сознание связано с обликом;
поклонись Патриаршим прудам,
проплывая над городом облаком.
Пусть подонки сидят в западне,
окружённой пустыми ловушками;
стрелы света застыли на дне
водоёма с царями-лягушками.
Где богатые люди раз в год
принимают крещение в проруби,
видя в проруби выход и вход...
Не спускаются ангелы-голуби.

* * *

Когда растерзанные мысли
буквально лезут на костёр,
где кровь козлёнка коромыслом,
а мясо брошено в котёл;
где череп сразу после казни
похож на скорлупу яйца,
где мир давно не верит в сказки,
но не сдаётся до конца;
мы остаёмся на коленях,
чтоб докопаться до корней:
«Бредут полярные олени», –
колени стёрты до костей.
Не обращая на потери,
душа сжимается в комок.
В колодец нашей колыбели
ложатся Запад и Восток.

Пока до Бога далеко.
Путь утомительней и глуше.
Моя молитва – молоко,
Гаданье на кофейной гуще.

Стемнело, и другая жизнь
Счёт начинает от предела:
В траву сырую не ложись,
Храни физическое тело.

Твоё взросление как взрыв,
Как снисхождение к прохожим,
Шаг, приближающий разрыв,
Умение увидеть кожей.

Идёт естественный отбор:
Тут для крестового похода
Готовят каменный топор
И призывают раз в полгода.

И ничего не говори,
Пока запутались при мысли
Бесцеремонные цари –
Хозяева бесценной жизни.

Душа исчерпана до дна,
Остались знания и знаки,
Приговорённая страна
И путешествие во мраке.

Андрей МЕДВЕДЕНКО
г. Луганск

БЕРЁЗА

Несгибаем воли монолит.
Смело, восхитительно и броско
забралась на террикон берёзка,
весело листочками шумит.

Я гляжу, и оторопь берёт.
Вместе с ней душа в полёт стремится.
Средь бездушных вздыбленных пород
как за жизнь смогла она вцепиться?!

Превратить в могучий ствол росток
и сломать ветров степных упрямство,
да ещё увлечь и тополёк
в высоты заоблачное царство!

Рвут подошву «Град» и «Ураган»,
но недосыгаема вершина!
У берёзы дух ведь россиян,
воля к жизни чья – несокрушима!

Потому, торя заветный путь,
ей дано, усталости не зная,
всей душой вращать в родимый грунт,
музыку Вселенной обретая.

17.04.2022

ЗОЯ

(баллада 2022 года)

Остервенев в звериной злобе
и обминая яркий свет,
они подкрались ночью к Зое
и стали рушить монумент.

Кривили, скаля тупо, морды,
грызя бессилья удила.
Но девушка стояла гордо –
её кувалда не брала!

Стояла, ран полна и ссадин
и непреклонная, как сталь.
Она была в фашистском аде,
потом – взошла на пьедестал.

Вандалов лоб от пота взмокнул.
Катил по скулам, как ручей.
Дед-фронтовик в могиле вздрогнул
у одного из палачей.

Стояла. В сброд бросала чётко:
«Вам всем от мщенья – сдыхать!»
Но, чтобы справиться с девчонкой,
пришлось бульдозер подогнать.

Мотор ревел без остановки.
А где-то взрывы сыпал «Град».
...Фашист использовал верёвку,
а эти изверги – канат!

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Возгордились отщепенцы.
В этот раз им повезло.
Отступили ополченцы
с жарким боем за село.

На краю села – избушка.
И беды на всём печать.
С Красным знаменем старушка
вышла ворога встречать.

Ворог вздыбился:
– Не с нами!.. –
Всю готовый растерзать.
У согбенной вырвал знамя,
стал в безумии топтать.

Разожгла старушку сила –
так рванула из-под ног,
что нацист, хоть и верзила,
а на спину рухнуть смог.

– Красной армии бойцами
взят рейхстаг!
Пора бы знать:
Знамя, взвитое отцами,
невозможно растоптать!

Людмила ГОНТАРЕВА
г. Краснодар, ЛНР

* * *

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени – страна.
На кон поставлены столицы,
станции и страницы книг –
успеть бы написать... Кто знает,
что впереди: минута – миг –
час – выдох – вдох – морозы в мае –
дожди январские – печаль –
закат – рассвет – портрет на полке?..
И как ни вглядывайся вдаль –
лишь контролёр и остановки...
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде
расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород –
с картошкой мы перезимуем...
А там и время подойдёт
твоим февральским поцелуям.

* * *

Там – за углом – бомбёжка.
Вышел из дома – ночь.
Где-то в душе окошко:
робкий призыв помочь
сырым и беспросветным,
отверженным и слепым.
На слово сегодня – вето,
от пламени сердца – дым
остался. Блуждает Данко
с беспомощным угольком
по городам-полустанкам.
Порыв его не знаком
ни близким и ни далёким
ни осенью, ни зимой.

Грозят пустотою строки
с позиции огневой.
Над территорией слова
дождь бесполезный шёл –
не грустный и не весёлый
безвременья грубый шов.
Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?
Громких томов – пустыня.
И только молчанье – вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.

* * *

Мне не хватает знаний
и мудрости травы.
Я в книгах партизану
за стенами главы.
И спорю с тишиною,
раскачивая ночь:
отвергнута строною
заботливая дочь.
Слагаю для порядка
плакатные вирши,
разобрана палатка,
в которой – ни души.
Как хлеб, глотаю вести
с окраин городов.
Разборчивой невесте
давно не нужен дом.
Как воздуха, жду слова.
Как воду, солнце пью.
Разбив колени, снова
для боли гнёзда вью.

* * *

Закрыта нараспашку,
молчанием кричу.
Последнюю рубашку
в подарок палачу
отдам. Бери, сердешный,
и делайся добрей.
Такой безумно грешной,
мне неуютно в ней.
В лохмотьях голой правды
на площади стою.
Под звуки канонады –
с оружием в строю.

* * *

Пошли мне, Господи, друзей не для измены.
Пошли мне, Господи, врагов не для забавы.
Чтоб, вещей птицей выходя из пены,
Я вечных жизни книг листала главы.
И, прикасаясь к таинству печали,
Я в плач дождя свою б вплетала душу,
И сердца стук от слёз его не отличала,
И в крик осенних стай вращала б глубже,
Чтоб не успеть понять и всё осмыслить
И объяснений не искать в делах природы.
...Мне б с голубой прозрачной слиться высью,
Где нету слов и снов про ночь и годы.

* * *

Мне всё равно погибнуть суждено.
Минутой позже – веком раньше:
Я слишком слабое звено
Для лицемерия и фальши.

Измена источает яд,
Пульсирует победы рана.
И стрелы вряд ли пощадят
Прикованного Себастьяна.

Всё повторится вновь и вновь!
И снова сил смотреть не хватит
На землю, втоптанную в кровь,
На наготу в объятых платьях.

Всё повторится. Вновь сгорю
От темноты слепящей света.
Опять великому царю
Судить опального поэта.

Всё повторится. Даже грех,
Что время излечить не может,
Хоть мир давно не стар, но ветх,
С младенчески невинной кожей.

* * *

Срывали дверь с петель, вводили боль
под кожу века, вены обескровив.
И с чутким ветром приносил прибой
нам уготованные свыше роли.

Гордились чувства связанностью рук,
стенали струны, превратясь в осколки
серьёзных нот, что начали игру,
чтоб завершить её аккордом звонким.

Привычно вечность выла в проводах
седой волчицей с воспалённым взглядом,
и голову склонял на плоскость плах
послушный снег, решив, что так и надо.

А вечер плавился, как жёлтая свеча,
очерчивая глупый профиль окон.
И в реку времени вливался час
упрямым, но беспомощным потоком,

чтобы разрезать зыбкий циферблат
на узкую печаль лимонных долек.
Небесный свод опять встречал закат,
к началу промотав столетий ролик.

* * *

Меня вчера столкнули с облака
 руками матери-земли.
 Не нож в ребро, не в лоб – а по боку
 досталось лету от зимы.
 Ведь говорили – я не слушала,
 бесстрашно ноги свесив вниз:
 казалось море чёрной лужею
 и родинкою – Симеиз..
 Придёт пора печатной осени,
 и взрослых строчек листопад –
 зачем-то мы на землю посланы,
 как в цель – замедленный снаряд.
 От перегрузок и увечностей
 стих разбивается порой,
 чтоб стать в конце начала вечностью,
 шагами, шёпотом, травой...

* * *

Отпусти в небеса эту тонкую нить.
 Бесплезны слова, да и что говорить,
 коль «Титаник» в пути, а Помпея в дыму?..
 Сбились в стаи вопросы «За что?», «Почему?»..
 Это «Интер»-эпоха и «чёрных плащей»,
 где различия нету «за чем» и «зачем»,
 где мобильное царство и бред СМС,
 где хвала лицемерам с надрывом и без.
 Мы спешим по делам, по домам, под крыло.
 Но февраль, и чернила, и плач замело.
 И царит безголосье серебряных струн,
 и не свергнуть, не сбросить с престола игру.
 Мы – колода, костяшки, фигурки без душ,
 звуки струшенной осени с яблонь и груш,
 без креста на кресте и без веры в груди
 мы плетёмся в хвосте, чтоб всегда – впереди.
 Только к Нюю уже не поспеть на приём.
 Кто-то ходит тузом, кто-то – бравым конём..
 Не в чести оловянных солдатиков пыл.
 Под ногой уголёк (чьё-то сердце) остыл..
 У отважных изъяты мечи и ножи,
 а у Дона Кихота – постельный режим.
 И не зря, видно, снился всю ночь снегопад:
 не успею к рассвету, хотя бы – в закат.
 Так хотя бы по радуге гнутой – дугой.
 В переполненном сне – ни рукой, ни ногой.
 Как привычно в толпе узколобых чудес.
 ...Но цепляюсь надеждой за юбку небес.

* * *

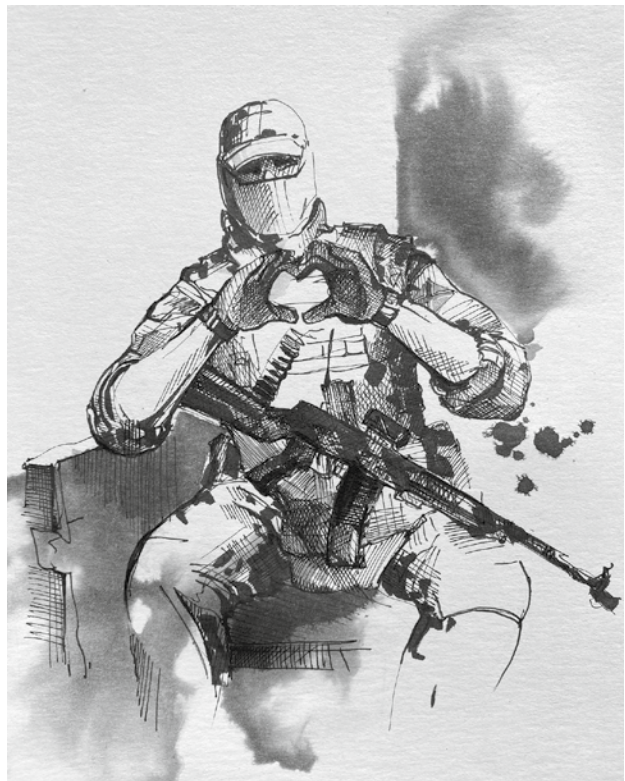
Я принимала порцию дождя,
 Как порошок в аптечной упаковке.
 Казалось, есть все признаки вождя:
 Нет малого – военной подготовки.

А окружающим, по сути, всё равно,
 Кому предложат царственное место.
 Красна стыдливость, площадь и вино.
 В чём разница? И, в принципе, всё честно.

Но только в поисках секрета бытия
 Скитаюсь вновь по венам бездорожья.
 Здесь, в кадре значимом, могла бы быть и я,
 По грани краткости ступая осторожно.

Но, словно лень, растягиваю дни,
 Их наполняю смыслом bestolковым.
 ...Там, на реке, уже зажгли огни..
 (Твердят нам философии основы.)

И остаётся лишь чего-то ждать,
 Во что-то верить и рыдать над чем-то
 Да календарь ошибок свой листать,
 Как Библию, рецепт или учебник.

С любовью. Апрель 2022

Наталья ЧЕПУРНОВА
г. Луганск

ЛУГАНСКУ-14

* * *

В поле бескрайнем холодном,
В поле широком седом,
В поле, для сна непригодном,
Воины скованы сном.

Здесь занемела от боли
Взрытая горем трава.
Птицы, не видите, что ли?
Вечность сегодня жива!

Птицы, не слышите разве?
Воины наши не спят:
В землю сырую увязли –
Богу молитвы творят.

Птицы, вы их разнесите –
Эти молитвы живых.
Миру всему голосите:
Слушайте, помните их.

Пусть это поле сырое
Сон бесконечный хранит.
Пусть это поле родное
Мёртвую Русь оживит.

* * *

Боль да пепел окутали Родину
Много дней и ночей подряд.
Слышно всюду рыдание – дó небу,
Только коршуны жадно глядят.

Кровь да слёзы сегодня смешались
С грязью этой остывшей земли.
И ребята в окопах прощались
В мыслях с теми, кого берегли.

Почернела теперь моя Родина,
До Победы – идти и идти...
Пусть молитвы поднимутся дó неба,
Чтоб дожить, долюбить, обрести.

Улицы пустынные – не пугают.
Взгляды отрешённые – не ловлю.
Песни веселящие ускользают,
Дни, что перепутались, полюблю.

Мы с тобою выросли взрослые,
Город детских шалостей и тепла.
Мы с тобой не добрые – сносные,
Нас война вчера не забрала.

Светел ты, надеждами овеванный!
Дышишь верой, мощью трудовой.
Ничего, что подлыми осмеянный.
Ничего! Ведь главное – живой!

* * *

Что-то ветрено-ветрено в сердце моём,
Нет покоя, отрады ему.
Отчего же, мой друг, мы с тобой не поём,
Как тоскливо в миру одному?

Отчего не поём про моря и леса,
Про сады и озёра Земли,
Про святых и великих, про все чудеса,
О которых услышать могли?

Почему не поём о любви, и мечтах,
И о верности, вере людской?
Не поём о румянце на чьих-то щеках
И о силе надежды святой.

Мы о боли поём, о пустых городах,
О мальчишках – героях войны.
И о том, почему в оскудевших веках
Мы с тобою, мой друг, рождены.

* * *

2

Месяц зимы. Ну а дальше? Весна!
Солнце согреет, спадёт пелена.
Зелень ползет, цветы оживут.
Только мальчишки сюда не придут.

Травы, подснежники – всё оживёт!
Новые птицы и новый полёт.
Все соловьи в этот миг запоют.
Только мальчишки сюда не придут.

В мае – Победа. И в мае – сирень.
Длинный и светлый восторженный день.
Песни великие станут звучать –
Мальчишки наши не будут молчать.

ВОЙНА ПУЛЬСИРУЕТ...

1

Говори, говори, соловушка,
Не рассказывай лишь про войну.
Всё ведь примет моя головушка –
Но не впустит её одну.

Сколько боли и сколько одури
В каждой мысли о той войне!
И секунды проходят – лодыри:
Без молитвы живут во мне.

«Где оружие? Где спасение?» –
Рвётся в небо мой тихий вой.
Верю, Боже, пройдёт затмение,
Если станем дышать Тобой.

В том году, когда пушки-пушки...
Мы молились в часовне маленькой.
Когда были у смерти на мушке –
Со свечою в руке, что с сабелькой.

«Может, смерть на пороге мается?!»
Но молитва в груди звучала.
И тревога, боль притупляется...
И, похоже, смерть отступала.
Ах, часовенка белоснежная,
Сколько слёз собрала на паперти!
Словно небо для нас безбрежное –
Мы с тобою от смерти заперты.

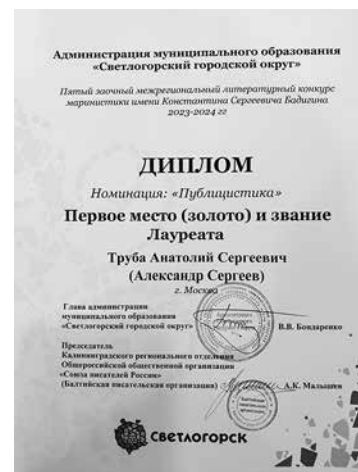
В том году, на пороге вечности,
Ощущая её дыхание,
Мы в часовне той – бесконечности –
Обретали любви звучание...

3

Опишите мне день без войны. Без войны...
Опишите рассвет – торжество тишины.
Расскажите, как дети смеются весь день
И не знают войны.

Может, вспомню, что в мирное время я жил,
Как я всех на планете когда-то любил...
Расскажите, напомните, будьте добры...
Я не помню, не знаю. Забыл...

СОВРЕМЕННАЯ МАРИНИСТИКА

6 марта в приморском городе Светлогорске в здании Центральной городской библиотеки имени А.З. Дмитровского прошло награждение победителей конкурса маринистики имени К.С. Бадигина.

В торжественном мероприятии приняли участие: председатель Калининградского отделения Союза писателей России Александр Мальшев, заместитель председателя – Михаил Полищук, член правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба, член Союза писателей России Вячеслав Зименко, директор библиотеки Анна Олейник, представители Администрации города Светлогорска и, конечно, писатели.

Александр Мальшев подвёл итоги литературного конкурса, отметив широкую географию и большое количество участников, поблагодарил руководство города и сотрудников библиотеки за оказанную поддержку. Михаил Полищук объяснил правила оценки конкурсных работ, объективный подход и независимость оценок. Были прочитаны стихотворения конкурсантов, которые не смогли присутствовать на награждении.

Награждение писателей прошло в дружеской и непринуждённой обстановке, при этом сами награждённые дополнили библиотечный фонд, подарив свои произведения.

Первое место (золото) и звание Лауреата в разделе «Публицистика» было присвоено Анатолию Сергеевичу Трубе (Александр Сергеев) за очерк «Дедушка рыбохозяйственной науки» об участии в арктической экспедиции и историю судна «Персей».

В завершение мероприятия было организовано дружеское чаепитие, в ходе которого Анатолий Труба предложил усилить литературную деятельность по популяризации труда моряков, а также людей, влюблённых в море. Для этого необходимо выпустить сборник литературных произведений по данной тематике. Это предложение получило поддержку и будет реализовано в ближайшее время, что станет хорошим продолжением прекрасного начинания – конкурса маринистики имени К. С. Бадигина.

Александр СЕРГЕЕВ

Собратья в Новороссии

«У России есть только три союзника: армия, флот и надёжный тыл»

Лучшая работа в мире! 21 сентября 2022

«АЛЕКСАНДРЪ»

🏠 alexlib.ru